

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск двадцать четвертый

Новое в зарубежной демографии

Москва 2015

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск двадцать четвертый

Новое в зарубежной демографии

*Под редакцией
И.А. Троицкой и А.А. Авдеева*

Москва 2015

Редакционная коллегия серии «Демографические исследования»:
К.э.н. В.В. Елизаров (главный редактор), к.э.н. В.Н. Архангельский, к.э.н. И.А.
Данилова, к.э.н. М.Б. Денисенко, к.э.н. Н.Г. Джанаева, д.э.н. Н.В. Зверева, к.э.н. И.А.
Троицкая, к.э.н. О.С. Чудиновских

Новое в зарубежной демографии: Сборник переводных статей / Под ред. к.э.н. И.А. Троицкой, к.э.н. А.А. Авдеева. Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2014. – 175 с. («Демографические исследования», вып. 24)

Очередной выпуск серии «Демографические исследования» возрождает существовавшую в СССР в 1960–1980-е гг. традицию публикации переводных статей, прежде всего методологического характера, представителей европейской и мировой демографии.

В настоящем сборнике представлены переводы статей, опубликованных в ведущих демографических журналах в 2009–2012 гг. и посвященных различным демографическим проблемам: рождаемости и смертности в европейских странах, обзору классических текстов по миграции второй половины XX в., проблемам организации современных переписей населения, особенностям семейной политики в странах ОЭСР, долгосрочным перспективам изменения численности мирового населения.

Сборник предназначен для широкого круга исследователей, преподавателей и студентов в области демографии, статистики, социологии.

Сборник представляет собой результат совместной работы с Институтом демографии университета Париж 1 «Пантеон-Сорбонна» в рамках договора о сотрудничестве между Институтом и экономическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
<i>Жак Валлен, Франс Меле</i>	
Минимальные показатели смертности: предвестники грядущего прогресса?	9
<i>Микко Мирскиля, Ханс-Петер Кёлер, Франческо Биллари</i>	
Рождаемость в старших репродуктивных возрастах и гендерное равенство: объяснение положительной связи между высоким уровнем развития и рождаемостью	37
<i>Виктор Пише</i>	
Взгляд на современные теории миграции через призму фундаментальных работ	77
<i>Давид Реер</i>	
О долговременном снижении численности населения: обсуждение принципиальных вопросов	100
<i>Оливье Тевенон</i>	
Семейная политика в странах ОЭСР: сравнительный анализ	120
<i>Лоран Тулемон</i>	
Индивид , семья, домохозяйство, жилище: как их считать и описывать	157

Предисловие

В советской демографии традиция периодической публикации переводных статей ведущих европейских и мировых демографов возникла в конце 1960-х гг. В 1968 г. по инициативе Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР был подготовлен и опубликован первый сборник серии «Новое в зарубежной демографии» под редакцией заведующего отделом А.Г. Волкова. Впоследствии вышло еще 16 тематических выпусков этой серии, охватывающих широкий круг демографических проблем, от классических сюжетов – рождаемости, смертности, демографической политики, браков и разводов – до когортного анализа, социологических методов и имитационных моделей в демографии. Последний выпуск, увидевший свет в 1983 г., носил название «Как изучают рождаемость»¹.

В предисловии к самому первому выпуску «Рождаемость и ее факторы» А.Г. Волков писал: «Зарубежной, прежде всего европейской демографией накоплен большой методический опыт, имеющий уже почти полутора столетнюю историю. <...> Знакомство с наиболее ценными достижениями в этой области должно, на наш взгляд, принести несомненную пользу»².

Редакционная коллегия серии с самого начала заявила следующие основные цель и критерий отбора статей для перевода и дальнейшей публикации: познакомить читателей с работами, которые «принесли бы практическую пользу содержащимися в них методическими приемами, новыми соображениями, интересным с познавательной точки зрения материалом»³.

В условиях ограниченной по ряду причин доступности публикаций зарубежных авторов для широкого круга исследователей и студентов-демографов каждый сборник серии «Новое в зарубежной демографии» был, можно без преувеличения сказать, окном в мир. Между публикацией оригинала в одном из зарубежных демографических журналов и его перевода – в серии «Новое в зарубежной демографии» – проходило, за редкими исключениями, не более 3–5 лет. Напомним читателям, что первый переводной учебник по демографии – «Народонаселение и его изучение» Ролана Пресса – был опубликован в СССР всего лишь через 5 лет после его публикации на французском языке.

Серия «Новое в зарубежной демографии» отличалась научной открытостью, поскольку, по заявлению редакторов, идеологические разногласия с авторами не играли определяющей роли при отборе статьи, если ее методологическая часть имела научную ценность⁴.

Следует отметить, что попытки представления достижений зарубежной демографии предпринимались и в Центре по изучению проблем народонаселения

¹ Подробнее об этом см. на сайте Демоскопа: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0445/chitzal01.php> и <http://demoscope.ru/weekly/knigi/books.php>

² Рождаемость и ее факторы / Под ред. А.Г. Волкова / Серия: Новое в зарубежной демографии. М.: Статистика, 1968. С. 6.

³ Там же, с. 6.

⁴ Там же, с. 7.

экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Итогом этой работы стала публикация трех сборников переводных статей с общим названием «Проблемы народонаселения»⁵, призванных «познакомить советского читателя с теми работами, которые интересны с методологических позиций и с точки зрения богатства содержащегося в них фактического материала»⁶. К сожалению, эта инициатива, целью которой было, прежде всего, знакомство читателей с зарубежным опытом применения междисциплинарного подхода к изучению проблем народонаселения, не получила продолжения.

В наши дни необходимость подобных публикаций продиктована принципиально иными причинами. Объем информации, доступной благодаря всемирно известным базам журнальных статей, таким как jstor.org или Cairn.info, электронным библиотекам и другим информационным системам становится слишком значительным для того, чтобы исследователь мог следить за большинством публикаций, выходящих за рамки его личных научных интересов. В наши дни, когда владение иностранными языками, как необходимое условие успешной исследовательской работы, все шире распространяется в научной и студенческой средах, может показаться, что необходимость в публикации переводных трудов не так велика, как прежде. Но опыт показывает, что доступ к текстам, переведенным на родной язык, существенно облегчает процесс обучения студентов и позволяет экономить время исследователям⁷. Поэтому нам представляется важной попытка возрождения серии, оказавшей заметное влияние на советскую демографию в 1960–1980-е гг.

Критерии отбора статей для перевода остались в принципе теми же: относительно недавняя публикация (в случае данного сборника это 2009–2012 гг.); методологический характер статьи; выводы, основанные на сравнительном межстрановом анализе длинных динамических рядов; обращение к классическим демографическим текстам. Выбранные редакторами статьи охватывают практически все области демографической науки: прогнозы численности мирового населения, рождаемость и смертность, семейную политику, теорию миграций, организацию современных переписей. Географически исследования сосредоточены главным образом на развитых европейских странах, прежде всего вследствие большей доступности информации для этого региона. Статьи в сборнике расположены в алфавитном порядке по фамилии первого автора. Все сноски и примечания в статьях являются авторскими; комментарии редакторов отмечены особо.

Сборник открывает статья исследователей из французского Национального института демографических исследований (*INED*) Ж. Валлена и Ф. Меле, посвященная

⁵ Валентей Д.И., Бодрова В.В. (ред.). Проблемы народонаселения. Над чем работают ученые социалистических стран. М.: Прогресс, 1977; Валентей Д.И., Судоплатов А.П. (ред.). Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М.: Прогресс, 1977; Валентей Д.И., Судоплатов А.П. (ред.). Проблемы народонаселения. Современная демографическая ситуация в развивающихся странах. М.: Прогресс, 1982.

⁶ Валентей Д.И., Бодрова В.В. (ред.). Проблемы народонаселения. Над чем работают ученые социалистических стран. М.: Прогресс, 1977. С. 16.

⁷ К примеру, в 2013 г. французский Национальный институт демографических исследований начал публикацию новой серии «Фундаментальные труды». К настоящему времени вышли два тома: «Теории миграций» (2013, под ред. В. Пише, <http://www.ined.fr/fr/publications/manuels/les-theories-de-la-migration/>) и «Теории рождаемости» (2014, под ред. А.Леридона, <http://www.ined.fr/fr/publications/manuels/les-theories-de-la-fecondite/>), которые представляют собой сборники классических работ по каждой теме, переведенных на французский язык.

анализу перспектив роста средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении в развитых странах. Используя гипотетические оценки средней продолжительности жизни, соответствующей самым низким наблюдаемым показателям смертности в развитых странах на протяжении второй половины XX в., авторы исследуют дифференциацию этих стран по показателям смертности. Разумеется, комбинация элементов, которая служит базой для расчета этого искусственно сконструированного показателя продолжительности жизни, никогда не будет наблюдаться в реальности ни в одной из стран, и авторы прекрасно понимают все ограничения их расчетов. Тем не менее они полагают, что результаты их анализа могут быть полезны для формулирования гипотез эволюции смертности.

Символично, что первый (1968) и последний, семнадцатый (1983), выпуски серии «Новое в зарубежной демографии» посвящены одной проблеме – рождаемости. Этот демографический феномен, во многом определяющий режим воспроизводства и динамику численности населения, был в центре внимания советских и европейских демографов уже в середине прошлого столетия, и до сих пор, с учетом современных демографических тенденций и прогнозов на будущее, исследования этой проблемы актуальны для демографии. Вторая статья в сборнике – результат труда международной команды исследователей: М. Мирскиля (Институт демографических исследований Макса Планка, Германия), Х.-П. Кёлера (Университет Пенсильвании, США) и Ф. Биллари (Оксфордский университет, Великобритания). Анализируя устойчивое повышение суммарных коэффициентов рождаемости, наблюдающееся в большинстве развитых стран в последние несколько лет, они достаточно аргументировано утверждают, что это повышение обусловлено двумя факторами: ростом рождаемости в возрастах старше 30 лет и высокими показателями гендерного равенства в этих странах.

Статья канадского демографа В. Пише (Университет Монреаля) представляет собой сокращенный и переработанный вариант вводной главы его книги *Les théories de la migration* («Теории миграции»), открывшей в 2013 г. серию «Фундаментальные труды» издательства *INED*. В статье содержится обзор современных теорий миграции, возникших на протяжении последних 50 лет. Информационная база статьи состоит из двух десятков фундаментальных работ, оказавших заметное влияние на наши теоретические представления об этом феномене. Под фундаментальными текстами автор понимает статьи или книги, написанные в 1960–2000 гг., которые определенно внесли вклад в теорию и методологию изучения миграций.

Статья Д. Реера из университета *Complutense* (Мадрид) содержит размышления по поводу причин и последствий неизбежного снижения численности мирового населения. Автор полагает, что это снижение является побочным продуктом демографического перехода, и делится своими гипотезами по поводу того, в какой степени в ближайшие десятилетия страны Третьего мира будут следовать схемам снижения рождаемости, наблюдавшимся ранее в развитых странах, и какие социальные и экономические последствия будет иметь сопутствующее этому изменение репродуктивного поведения. Д. Реер считает целью своей работы стимулирование в демографической среде

научных дебатов по поводу снижения численности мирового населения – сюжета, который, возможно, станет ключевой социально-демографической проблемой XXI в.

Исследователь из *INED* О. Тевенон посвятил свою статью сравнительному анализу мер семейной политики в Европе, представив читателю все их многообразие, дифференциацию стран по основным характеристикам семейной политики, а также эффективность этих мер. Критерием эффективности автор считает создание мерами семейной политики благоприятной среды для сочетания карьеры и семьи, особенно для женщин. Основные различия между странами, по мнению автора, связаны с уровнем поддержки работающих родителей с детьми дошкольного возраста, а также с тем, в какой степени права на отпуск по уходу за ребенком и доступ к услугам по дошкольному воспитанию дополняют друг друга. О. Тевенон также обнаружил существенные географические различия семейной политики, с выделением нескольких кластеров стран, но в то же время с существенной дисперсией внутри каждого кластера.

Завершающая сборник статья, в которой обсуждаются проблемы определения и описания единиц наблюдения в современных переписях населения, принадлежит перу научного сотрудника *INED* Л. Тулемона. Как правило, переписи учитывают семейный состав домохозяйств лишь в самом общем виде и приписывают каждого **индивида** к одному и только одному домохозяйству. Масштабные выборочные обследования, проведенные во Франции Национальным институтом статистики и экономических исследований (*INSEE*) и посвященные детальному изучению домохозяйств, позволили получить более подробную информацию об отношениях между лицами, живущими вместе, а также о вероятности для **индивида** иметь несколько мест жительства и, следовательно, принадлежать одновременно к нескольким семьям и/или домохозяйствам. Помимо краткого экскурса в историю развития домохозяйств в последние 40 лет, автор описывает метод наблюдения домохозяйства, использованный в обследованиях *INSEE*, а также последствия его применения к таким простым на первый взгляд понятиям, как «семейная пара» или «ребенок».

Редакторы сборника надеются, что он окажется полезным и интересным для специалистов в области демографии и смежных с ней наук, и что периодические выпуски серии «Демографические исследования», издаваемой Центром по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, будут время от времени знакомить читателя с новыми достижениями европейской и мировой демографии.

А. Авдеев, И. Троицкая

Минимальные показатели смертности: предвестники грядущего прогресса?¹

За последние два столетия средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в развитых странах почти удвоилась. Положительная динамика этого показателя наблюдается и в настоящее время, со средней скоростью роста показателя e_0 на несколько десятых в год. Есть ли предел этому прогрессу? Многие авторы отвечали на этот вопрос скорее утвердительно, предлагая свои оценки максимальных значений средней продолжительности жизни; но часто реальные показатели, наблюдаемые в какой-либо стране, превышали этот предсказанный максимум вскоре после его обнародования... Обратившись к эволюции смертности в 15 европейских странах в период с 1950 по 2000 г., Жак Валлен и Франс Меле представляют нам несколько иную перспективу. Они прослеживают ежегодную эволюцию некой воображаемой продолжительности жизни, полученной присваиванием каждому возрасту и/или причине смерти минимальных показателей смертности, наблюдаемых в данном году в группе изучаемых стран. Затем они определяют, в какой момент времени каждая из стран достигает гипотетического значения e_0 ; как правило, на это требуется несколько десятков лет. Разумеется, комбинация показателей, которая служит основой для расчета такой воображаемой продолжительности жизни, никогда не будет наблюдаться в реальности ни в одной из этих стран, и авторы прекрасно понимают все ограничения их расчетов. Однако стабильность и когерентность полученных результатов позволяют сделать вывод о пользе этого метода для формулирования гипотез снижения смертности в будущем.

Многие авторы искали предел, к которому должна прийти продолжительность жизни, как только будут исчерпаны все биологические ресурсы человеческого организма. Почти все они демонстрировали определенный пессимизм, предлагая в качестве такого предела величину, которая к моменту выхода их работы в свет уже была достигнута и даже превышена. Используемые ими методы оценки и выдвигаемые гипотезы отличались большим разнообразием.

«Разумные», но недостаточно смелые гипотезы

Луи Дублин (*Louis Dublin*)² был одним из первых исследователей, пытавшихся обозначить пределы человеческой жизни. Он писал в 1928 г., что едва ли ее продолжительность когда-либо перейдет рубеж в 64,75 года, еще не зная (это вскоре покажет статистика), что в том же 1928 г. в Новой Зеландии средняя

* Institut national d'études démographiques (INED), France (Примеч. ред.).

¹ Оригинал статьи: *Vallin Jacques et Meslé France*, «Les plus faibles mortalités: un prédicteur des progrès à venir?», *Population*, 2008/4, Vol. 63, p. 647–682.

² Луи Дублин в публикации 1941 г. ссылается на своего предшественника Ирвинга Фишера (1909), но авторам не удалось найти этой работы.

продолжительность жизни уже превысила 66 лет³. Десятилетием позже, в 1936 г., возвращаясь к этому вопросу вместе с А. Лоткой (*Alfred Lotka*) и опираясь на этот раз на данные для Новой Зеландии, Дублин предлагает в качестве максимума средней продолжительности жизни 69,93 года – уровень, который буквально через несколько лет, в 1941 г., будет зафиксирован в Ирландии [*Dublin & Lotka*, 1936]. Новые расчеты, опубликованные Л. Дублином (1941), позволили построить *гипотетическую таблицу смертности*, дающую предел средней продолжительности жизни в 70,78 года. Но впоследствии Дублин, похоже, решил, что поиски таких пределов бесполезны, поскольку написал в 1949 г.: «Всякий раз в течение относительно короткого периода наблюдаемая реальная смертность снижалась до предсказанной или даже опускалась ниже уровня, рассчитанного на основе довольно оптимистических гипотез. Так, самая последняя из гипотетических таблиц смертности, построенная в 1941 г., давала продолжительность жизни при рождении, равную 70,78 годам; это всего на полгода выше показателя, наблюдавшегося у белых женщин США в 1946 г.» [*Dublin et al.*, 1949, p. 168]. В своих мемуарах, опубликованных в 1951 г., он делает следующее заключение: «Опыт показал, что наш оптимистический взгляд на перспективы роста продолжительности человеческой жизни в целом консервативен» [*Dublin*, 1951, p. 392].

Это не помешало Дж. Ольшански (*Jay Olshansky*) оценить, в свою очередь, возможные пределы продолжительности жизни, задав *a priori* минимум, ниже которого, с точки зрения здравого смысла, повозрастные коэффициенты смертности едва ли могут опуститься. Именно таким методом он определил в 1986 г., что продолжительность жизни никогда не превысит 85 лет [*Olshansky & Ault*, 1986]. Последующая эволюция смертности заставила усомниться в реалистичности этого прогноза, и в 2001 г. Ольшански, основываясь на динамике смертности в период 1985–1995 гг., признал, что предел в 85 лет может быть достигнут японскими женщинами к 2010 г., а француженками – к 2014 г. Он даже признал, что продолжительность жизни в 100 лет вовсе не является недостижимой, но для этого француженкам придется дожить до 2106 г., а американкам – до 2577 г. [*Olshansky, Carnes & Désesquelles*, 2001]. В действительности, продолжительность жизни женщин в Японии превысила 85 лет уже в 2002 г., а оценить на основании десятилетнего периода наблюдений, что может произойти с продолжительностью жизни американок через 500 с лишним лет, представляется крайне затруднительным.

От снижения смертности от внешних причин до снижения преждевременной смертности

Используя принципиально иной метод, Жан Буржуа-Пиша (*Jean Bourgeois-Pichat*) с начала 1950-х гг. пытался построить «предельную биологическую таблицу смертности», выделяя в ней то, что он называл экзогенной смертностью, вызванной внешними для человеческого организма агентами (влияние которых существенно снизилось или даже исчезло благодаря достижениям современной медицины), и эндогенную смертность, связанную с функциональной недостаточностью самого

³ Для всего населения, исключая маори.

человеческого организма (снижение которой, при современном ему состоянии медицины, представлялось весьма затруднительным) [*Bourgeois-Pichat*, 1952]. Исключив из расчетов эндогенную младенческую смертность методом специфической коррекции [*Bourgeois-Pichat*, 1951a, 1951b] и констатируя, что в самой развитой стране того периода – Норвегии – снижение этого показателя замедлилось, автор рассчитал, что младенческая смертность не должна опуститься ниже 13‰ для мальчиков и 9‰ для девочек. Затем на основе норвежской статистики смертности по разным причинам он попытался разделить смертность взрослых на эндогенную и экзогенную составляющие для тех возрастов, для которых такое разделение представлялось ему наименее спорным, а именно, для группы 30–89 лет. Констатируя, что в этих возрастах рассчитанная подобным методом повозрастная эндогенная смертность в точности подчиняется закону Гомперца, он просто «ретрополировал» ее назад на 30 лет, чтобы оценить соответствующие коэффициенты младенческой смертности, и экстраполировал для возрастов 90 лет и старше, построив в итоге свою предельную биологическую таблицу смертности, которой соответствовала средняя продолжительность жизни в 76,3 года для мужчин и 78,2 для женщин.

Буржуа-Пиша никогда не рассматривал этот предел как абсолютный. Эндогенная смертность, которую он называл «твердой скалой», не могла быть исключена полностью, но ее снижение могло быть вызвано только научными инновациями, не существующими в его время, и было бы долее длительным, чем «разрушение мягкой скалы», состоящей из экзогенных причин смерти. Предчувствуя, что предсказанные им в 1952 г. пределы продолжительности жизни будут вскоре преодолены, он повторил свои расчеты спустя 15 лет, исходя из тех же принципов и того же списка причин смерти, считавшихся эндогенными [*Bourgeois-Pichat*, 1978]. В итоге значения средней ожидаемой продолжительности жизни оказались более высокими для женщин (80,5 года), но более низкими для мужчин (73,8 года). Буржуа-Пиша писал: «Хотя “мягкая скала” постепенно исчезала, высота “твердой скалы” для мужчин выросла, а для женщин снизилась» [*Bourgeois-Pichat*, 1978, p. 17]. Комментарий еще более неожиданный, чем результат: совершенно очевидно, что никакого повышения уровня эндогенной смертности у мужчин не было, а было лишь неверное определение списка ее причин. Включая в него все типы злокачественных новообразований, Буржуа-Пиша ошибочно отнес к ним рак легких, исключительно чувствительный к хорошо известному всем внешнему агенту – табаку, и поэтому являющийся типично экзогенной причиной смерти.

Используя идею Буржуа-Пиша, но составив более точный список эндогенных причин смерти, Б. Бенжамен [*Benjamin*, 1982] оценил предел продолжительности жизни в 81,3 года для мужчин и 87,1 для женщин. Этот результат лишь слегка превосходил тот, который дало для Франции в 1978 г. исключение всех причин смерти, кроме связанных с феноменом дегенерации: 80,9 года для мужчин и 85,7 для женщин [*Vallin & Meslé*, 1988]. Рассуждая таким же образом, как и Буржуа-Пиша, но заменив концепцию экзогенной смертности *смертностью преждевременной*, на наш взгляд, еще менее четко определенной, Дж. Фрайз [*Fries*, 1980] ограничил продолжительность жизни 85 годами – предел, установленный ранее Ольшанским, но подкрепленный иными аргументами. Попытки, базирующиеся на произвольном выборе минимумов,

соответствующих эволюции возрастных коэффициентов смертности, или оценки, объективно принимающие в расчет пределы, предлагаемые медициной и биологией, также не смогли устоять перед фактами: реальность всегда, и в наши дни тоже, превосходит вымысел. Все идет к тому, что даже «гипотетический предел» продолжительности жизни в 91,4 года, предложенный Ж. Дюшен и Г. Вуншем (*Josianne Duchène, Guillaume Wunsch*) в 1990 г. и предполагающий, что смертность, вызванная исключительно старением, дает концентрацию смертей в возрастах, близких к 90,5 годам, через некоторое время ожидает та же участь.

Самая низкая смертность

Принятая нами точка зрения гораздо менее амбициозна. Мы ни в коем случае не ищем возможности получить каким-либо новым способом оценку пределов, к которым может привести прогресс в продолжительности жизни населения, подверженного наиболее низким рискам смертности, наблюдаемым в определенный момент времени. Определяя самые низкие по возрасту показатели смертности, наблюдаемые во всем мире, П. Уэлптон (*Pascal Whelpton*) искал предел, к которому должна стремиться средняя продолжительность жизни американского населения. В частности, он пришел к выводу, что максимум, которого рожденные в США представители белой расы могли надеяться достичь к 2000 г., равен 72,1 года, что очень близко к биологическому минимуму смертности [*Whelpton et al.*, 1947]. Но подобная интерпретация этого показателя ложна, поскольку тот факт, что риск по возрастной смертности является минимальным наблюдаемым в мире *в данный момент времени*, не дает достаточных оснований для того, чтобы присвоить ему статус минимально *возможного* биологического риска. Даже в самой развитой стране этот риск может иметь тенденцию к снижению и продолжаться уменьшаться в будущем. Максимальная продолжительность жизни, полученная комбинацией самых низких по возрасту рисков смертности, наблюдаемых в данный момент, в общем не намного превосходит реальные показатели для наиболее развитых стран в соответствующем году. Так, максимальные показатели, опубликованные А. Низаром и Ж. Валленом (*A. Nizard, J. Vallin*) в 1970 г. (72,2 года для мужчин и 76,8 года для женщин), были зафиксированы уже в год выхода публикации в свет: для мужчин – в Голландии (72,2 года), а продолжительность жизни шведок даже превзошла предсказанное значение и достигла в 1970 г. 77,3 лет. Авторы не знали об этом, поскольку в момент написания статьи располагали данными только до середины 1960-х гг. Десятью годами позже Я. Сигель [*Siegel*, 1980] сталкивается с той же проблемой: максимальная продолжительность жизни, которую он получает – 73,8 года для мужчин и 79,4 для женщин, почти достигнута в 1980 г. в Швеции и Японии. Используя в конце 1980-х гг. эту же идею, К. Уемура [*Uemura*, 1989] обнаружил, что продолжительность жизни, рассчитанная по самым низким наблюдаемым по возрасту коэффициентам смертности, имеет тенденцию к повышению: она составляла для мужчин 73,8 года в 1960 г., 74,4 в 1970 и 75,2 в 1980 г.; для женщин – 77,6, 78,9 и 80,9, соответственно. Уемура затем проанализировал составляющие самых низких наблюдаемых коэффициентов смертности по причинам смерти, но не стал оценивать, какой была бы продолжительность жизни у населения, у которого

наблюдаются самые низкие показатели смертности как по возрасту, так и по другим причинам.

Г. Вунш первым попытался сделать это в 1974 г., используя европейские данные для 1955–1965 гг. из базы данных Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Работая более чем с десятком групп причин смерти (11 для младенческой смертности и 13 для смертности в возрастах 1–65 лет) и используя продолжительность жизни в возрасте 65 лет из предельной биологической таблицы смертности Ж. Буржуа-Пиша, он получил продолжительность жизни при рождении для обоих полов⁴, равную 76,8 годам [Wunsch, 1974]. Рассчитанный таким образом показатель лишь незначительно превосходил среднее значение двух лучших показателей продолжительности жизни, зафиксированных в 1974 г.: 72,4 года в Греции для мужчин и 78,0 в Швеции для женщин, что в среднем дает 75,2 года для обоих полов.

Мы пытаемся здесь еще раз вернуться к вопросу пределов продолжительности жизни, но на более систематической основе. Для этого мы, с одной стороны, используем показатели, полученные в исторической перспективе (как продолжительность жизни, соответствующая самым низким наблюдаемым показателям смертности, эволюционировала между 1950 и 2000 г.); с другой стороны, мы проверяем чувствительность этого показателя к количеству использованных категорий, а именно, к числу групп, на которые разделены причины смерти. В итоге мы увидим, что этот показатель, который мог бы *a priori* показаться субъективным, ничуть не хуже предсказывает эволюцию продолжительности жизни, чем другие индикаторы.

Данные и методы

Объект исследования

Чтобы выбрать для каждого пола, возраста и причины смерти самые низкие показатели смертности, наблюдаемые в данном году в данной стране, было бы идеально располагать данными, собранными для всех стран мира. На самом деле два препятствия ограничивают возможную область выбора: с одной стороны, единственная существующая всемирная база данных по смертности – база ВОЗ⁵ – не охватывает все без исключения страны мира; с другой стороны, что еще важнее, данные, содержащиеся в этой базе, не являются вполне заслуживающими доверия для использования их в подобных расчетах. Регистрация смертей в ряде развивающихся стран все еще неполна, а диагностика причин смерти часто проблематична. Мы не можем брать на себя ответственность за выбор в качестве минимальных показателей смертности тех, которые окажутся ниже всех остальных только вследствие недоучета смертей или некорректного их распределения по причинам. На первый взгляд, большинство развивающихся стран должно быть исключено из числа объектов исследования. К тому же, поскольку нашей целью является оценка эволюции смертности, наблюдаемой в течение полувека (1950–2000), мы должны были исключить из анализа страны, для которых база ВОЗ не содержит рядов данных,

⁴ К сожалению, эти оценки не были сделаны для каждого пола отдельно.

⁵ WHO Mortality Database, <http://www.who.int/healthinfo/morttables/en/index.html>.

охватывающих весь исследуемый период⁶. И наконец, чтобы не выбрать минимумы, которые наблюдались только вследствие случайных колебаний, мы ограничились географией нашего исследования странами, население которых в 1950 г. превышало 5 млн.

В итоге были выбраны 15 стран: 2 в Северной Америке (Канада и США), 11 в Европе (Австрия, Бельгия, Франция, Германия⁷, Греция, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция и Великобритания) и по одной стране в Азии и Океании – Япония и Австралия соответственно. Из анализа были исключены: все развивающиеся страны, страны Центральной и Восточной Европы, ранее входившие в социалистический блок, а также развитые страны с недостаточно многочисленным населением (Швейцария, Дания, Финляндия, Норвегия, Ирландия, Новая Зеландия, Кипр, Мальта, Люксембург, Исландия и т.п.).

Безусловно, жаль, что нам приходилось работать с усеченным списком стран, не представляющим всего мирового культурного разнообразия. К тому же мы, возможно, рисковали пропустить таким образом реальные обстоятельства, которые могли бы привести к более низкой смертности в отдельных возрастах и по отдельным причинам, чем выбранные нами минимумы. Однако риск ошибочного выбора минимальных показателей был бы выше, если бы мы опирались на данные плохого качества или на случайные колебания, вызванные незначительным числом наблюдений. К тому же наложение такого сильного ограничения на список стран не будет оказывать существенного влияния на результат, поскольку практически во всех странах, оставшихся в списке, наблюдаются самые высокие показатели продолжительности жизни (в некоторых странах они могут быть и выше, но население этих стран не отвечает условиям минимальной численности в 5 млн), и именно они формируют динамические ряды минимальных показателей смертности по возрасту и причинам.

База данных

Категории, используемые для расчета показателей смертности по возрасту и причинам, определяются структурой базы данных ВОЗ. Что касается возраста, здесь имеются два ограничения. С одной стороны, мы можем работать только с 5-летними группами (кроме возраста моложе 5 лет, который делится на группы 0 лет и 1–4 года). Это не очень серьезная проблема, поскольку, если нам приходится использовать показатели смертности по возрасту и причине, лучше избегать одногодичных интервалов возраста; в противном случае, чтобы решить проблему недостаточного количества наблюдений в некоторых клетках таблицы распределения смертей по возрасту и причине, пришлось бы еще больше сократить список изучаемых стран, оставив только самые многонаселенные. Но, с другой стороны, и эта проблема гораздо серьезнее, – пятилетние возрастные группы в базе данных ВОЗ заканчиваются группой

⁶ Тем не менее мы включили в анализ несколько стран, для которых статистика ВОЗ начинается не в 1950 г., а одним или несколькими годами позже: Италию и Швецию (1951), Германию (1952), Бельгию и Португалию (1954), Австрию (1955) и даже Грецию, для которой ряд показателей смертности существует только с 1961 г. Хотя мы сомневались в случае Греции, нам показалось достойным сожаления не учитывать страну, где структура смертности по возрасту и причинам имеет интересные особенности, которые нельзя полностью отнести на счет низкого качества данных.

⁷ ФРГ – для периода 1950–1990 гг., затем объединенная Германия.

85 лет и старше. Это весьма досадное ограничение, поскольку в последнее время в изучаемых странах значительная часть смертей приходится на возраст старше 80 и даже 85 лет.

Что касается причин смерти, база ВОЗ предоставляет данные в соответствии с пятью последними пересмотрами международной классификации болезней (МКБ). Для пересмотров с 6-го по 9-й приведены сокращенные или промежуточные списки, тогда как для 10-го пересмотра в базе содержится подробный список причин смерти. Таким образом, мы имеем дело с гетерогенной базой с точки зрения определения причин смерти. Что еще хуже, база неоднородна не только во времени, но и в пространстве, поскольку даты изменения МКБ в разных странах различаются. Единственная возможность – немного нереалистичная – обойти эти трудности заключается в перегруппировке существующих категорий в такие группы причин смерти, которые были бы максимально сопоставимы для всего изучаемого периода (1950–2000) и для всех стран. Сначала мы работали с 12 группами причин смерти, приведенными ниже (табл. 1), и можно предположить с большой долей вероятности, что они в достаточной мере подчиняются этим двум требованиям. Но при этом мы стремились не сокращать классификацию причин до такого количества категорий, которое лишило бы наши расчеты значительной части привлекательности.

Таблица 1 Основные категории причин смерти, использованные в анализе

1. Рак желудка	7. Другие болезни системы кровообращения
2. Рак системы органов дыхания	8. Болезни органов дыхания
3. Рак груди	9. Инфекционные заболевания
4. Рак матки	10. Другие заболевания
5. Другие злокачественные новообразования	11. Самоубийства
6. Болезни сердца	12. Другие насильственные смерти

В Приложении приводится более детальное описание этих 12 групп причин для пяти последних пересмотров МКБ.

Ниже мы протестируем чувствительность результатов, полученных на основании данных из базы ВОЗ, к росту или, напротив, к снижению числа используемых групп причин, а также приведем примеры альтернативных группировок причин смерти.

Коэффициенты по возрасту и причине смерти и стандартизованные коэффициенты

На основании информации о распределении смертей по возрастным группам и по группам причин мы рассчитали для каждой страны, для каждого года в интервале 1950–2000 гг. и для каждого пола отдельно повозрастные коэффициенты смертности m_x , а также коэффициенты смертности $m_{x,i}$ по возрастной группе x и причине смерти i , используя для этого возрастные структуры населения, также содержащиеся в базе данных ВОЗ.

Затем, используя полученные коэффициенты m_x , $m_{x,i}$ и стандартную структуру европейского населения, также предложенную ВОЗ и обозначенную ниже как p_x^s , мы можем рассчитать стандартизованные по возрасту или «сравнимые» коэффициенты смертности, как для всех причин смерти вместе:

$$TCM = \frac{\sum_x m_x \times p_x^s}{\sum_x p_x^s},$$

так и для каждой группы причин в отдельности:

$$TCM(i) = \frac{\sum_x m_{x,i} \times p_x^s}{\sum_x p_x^s}.$$

Эти коэффициенты (в дальнейшем мы будем называть их просто стандартизованными коэффициентами. – *Примеч. ред.*) суммируют не зависящую от национальной возрастной структуры смертность от всех причин и от отдельных групп причин в каждой стране, для каждого пола и каждого календарного года.

Четыре способа определения самых низких показателей смертности

Используя весь описанный выше массив коэффициентов смертности по возрасту и группе причин, мы можем проследить динамику минимальной смертности, используя четыре различных показателя. Прежде всего можно для каждого года выбрать самый низкий среди всех 15 стран стандартизованный коэффициент смертности. Это позволит построить непрерывный ряд лучших показателей, наблюдаемых в каждом конкретном году, или самую низкую наблюдаемую смертность (*PFMO, la Plus Faible Mortalité Observée*):

$$PFMO = \min \left[\frac{\sum_x m_x \times p_x^s}{\sum_x p_x^s} \right].$$

Можно также рассчитать стандартизованный коэффициент, комбинируя для каждого года самые низкие по возрасту показатели смертности. Это будет показатель самой низкой *повозрастной смертности (PFMA, les Plus Faibles Mortalités par Age)*:

$$PFMA = \frac{\sum_x \min(m_x) \times p_x^s}{\sum_x p_x^s}.$$

К этому списку показателей мы можем также добавить самые низкие стандартизованные коэффициенты *смертности по причинам (PFMC, les Plus Faibles Mortalités par Cause)*:

$$PFMC = \sum_i \min \left[\frac{\sum_x m_{x,i} \times p_x^s}{\sum_x p_x^s} \right].$$

И наконец, можно рассчитать стандартизованные коэффициенты, комбинируя самые низкие показатели *смертности по возрасту и по причинам (PFMAC, les Plus Faibles Mortalités par Age et Cause)*:

$$PFMAC = \sum_i \frac{\sum_x \min(m_{x,i}) \times p_x^s}{\sum_x p_x^s}.$$

Самая низкая наблюдаемая смертность

Расположение в хронологическом порядке самых низких коэффициентов смертности (стандартизованных по возрасту), позволяющее получить самую низкую реально наблюдавшуюся смертность (*PFMO*), представляет собой, в несколько иной форме, эквивалент серии максимальных значений средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении, проанализированных Дж. Оппенем и Дж. Вупелем [Oerppen, Vaupel, 2002]. Так же, как и временная серия значений продолжительности жизни, серия значений *PFMO* в графическом виде представляет собой прямую (в данном случае это будет убывающая функция, а не возрастающая, как в случае с продолжительностью жизни). Для женщин эта прямая (рис. 1) даже более совершенна, чем прямая продолжительностей жизни, опубликованная Оппенем и Вупелем, и тот факт, что прямая для самых низких (в конце изучаемого периода) и самых высоких (в его начале) значений *PFMO* имеет одинаковый наклон, указывает на ускоряющееся снижение минимальных наблюдаемых показателей смертности для женщин. Для мужчин это ускорение еще более очевидно: значения *PFMO* начали снижаться лишь в 1970-е гг., и снижение было особенно быстрым в 1980-е гг.

Возможно, различие между мужчинами и женщинами отчасти объясняется тем, что список стран, имеющих минимальные показатели смертности, длиннее для женщин (США, Нидерланды, Канада, Швеция, Франция, Япония), чем для мужчин (Нидерланды, Швеция, Греция, Япония). Три страны (США, Канада и Франция) внесли вклад в формирование *PFMO* для женщин, но отсутствуют в списке для мужчин, тогда как Греция часто дает низкие значения для мужских *PFMO* и ни разу – для женских. К тому же, при формировании показателя для женщин страны с самой низкой наблюдаемой смертностью довольно часто меняются ролями: на протяжении исследуемого периода это были Нидерланды (1950–1952), США (1953–1956), снова Нидерланды (1957–1965), Канада (1966), Нидерланды (1967), Канада (1968–1969), Швеция (1970), Канада (1971–1973), Швеция (1974), Канада (1975–1976), Франция (1977), Канада (1978–1979), Нидерланды (1980–1981), Япония (1982), Нидерланды (1983), а с 1984 г. первенство неизменно принадлежит Японии. Для мужчин эта последовательность намного проще, страны практически не меняются местами. В целом, самые низкие показатели смертности наблюдались в Нидерландах с 1950 по 1964 г., затем в Греции – с 1965 по 1981, а с 1982 г., как и для женщин, самые низкие показатели демонстрирует Япония; Швеция внесла свой вклад только дважды, в 1967 и 1968 г. В начале 1960-х гг. наблюдается некая «конкуренция» между минимальными наблюдаемыми показателями смертности в Нидерландах и Греции, но греческие показатели (которые, кстати, доступны лишь с 1961 г.) демонстрируют подозрительную динамику, вероятнее всего, связанную с улучшением качества данных, а не с реальным ростом смертности. Следовательно, более разумным было бы считать, что серия качественных данных для Греции начинается лишь с 1965 г.

Другое заметное различие между полами возникает вследствие того, что, особенно в начале периода, разница в показателях смертности между странами, входящими в список стран с минимальными показателями смертности, была гораздо существеннее для мужчин, чем для женщин, даже если сам список для мужчин был короче. Это объясняется главным образом отставанием Японии от других стран из

списка в снижении смертности; кроме того, отставание было более выраженным для мужчин, чем для женщин.

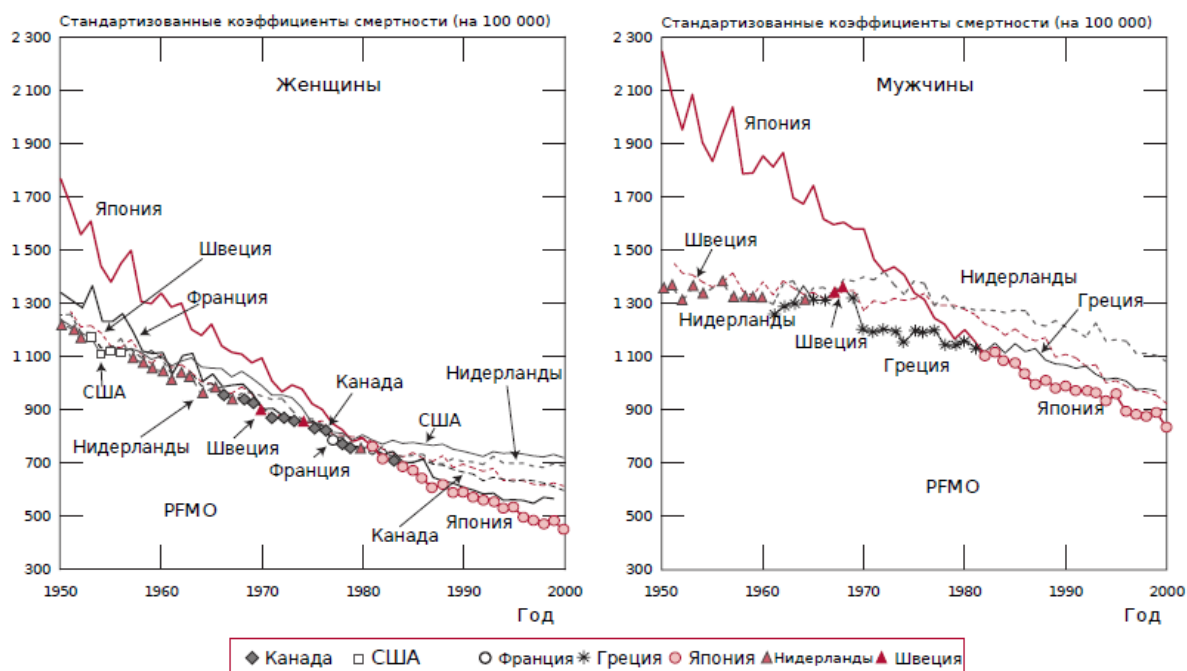

Рис. 1. Ежегодная динамика самых низких стандартизованных показателей смертности (*PFMO*) в период 1950–2000 гг. в сравнении с показателями стран, внесших вклад в его формирование

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Самые низкие по возрасту показатели смертности

Если рассчитать стандартизованные коэффициенты смертности, комбинируя самые низкие наблюдаемые *повозрастные* – по 5-летним группам – показатели (*PFMA*), мы получим как для мужчин, так и для женщин новую серию значений, которые еще лучше выстраиваются в прямую линию, чем *PFMO*, к тому же на чуть более низком уровне (рис. 2).

Улучшение линейности графика особенно заметно для мужского пола. Нарушение линейности *PFMO* из-за случая Греции (см. рис. 1, мужчины) практически полностью исчезает. Выбор самых низких коэффициентов для каждой возрастной группы дает возможность включить в расчет показателя *PFMA* даже те страны, в которых показатели смертности исключительно низки лишь для некоторых возрастных групп, притом, что стандартизованные коэффициенты наблюдаемой смертности (*PFMO*) в них не обязательно лучшие.

Расстояние между графиками *PFMO* и *PFMA* не слишком велико, и это подтверждает относительную узость интервала значений выигрыша в гипотетической продолжительности жизни, рассчитанной на основании самых низких *повозрастных* коэффициентов смертности. И мы видим, что этот интервал существенно сузился в середине 1980-х гг., особенно для женщин, для которых с 1996 г. наблюдается практически полное совпадение показателей *PFMA* и *PFMO*. Это совпадение обусловлено тем, что если до середины 1980-х гг. минимальные *повозрастные*

показатели смертности наблюдались попеременно в нескольких странах, то, начиная с этого момента, вклад в формирование показателей почти исключительно вносит Япония. А уже с 1996 г. практически все повозрастные показатели самого низкого уровня смертности у женщин наблюдаются именно в Японии.

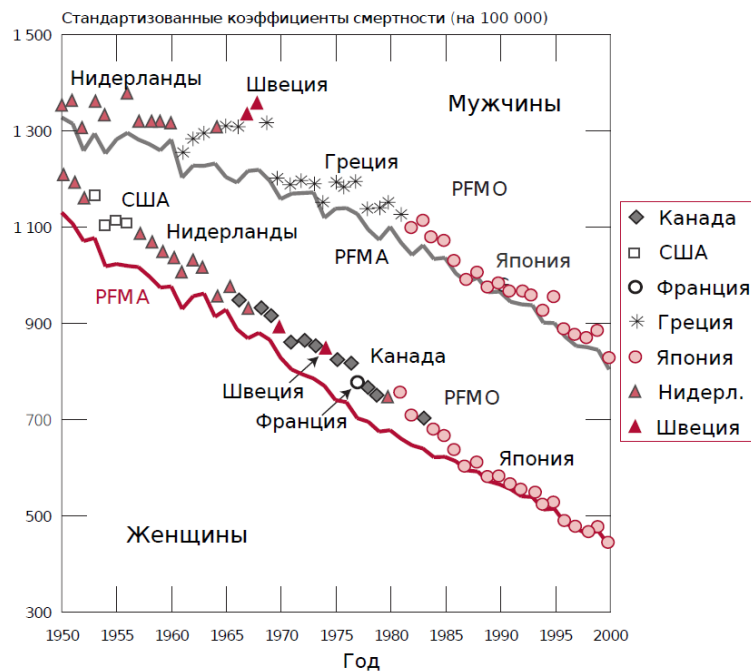

Рис. 2. Эволюция самых низких повозрастных показателей смертности (PFMA) относительно самых низких наблюдаемых показателей смертности (PFMO) в 1950–2000 гг.

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Рисунок 3 иллюстрирует механизм практически полного исчезновения различий между PFMO и PFMA, позволяя сравнивать траекторию наиболее низкой смертности женщин с траекториями смертности в тех возрастных группах, которые вносили вклад в ее формирование в тот или иной момент. Сравнение проводилось для трех возрастных групп, игравших наиболее важную роль в формировании показателей смертности в прошлом (смертность до 1 года) или в настоящем (50–54 и 80–84 года). С 1950 по 1980 г. самая низкая младенческая смертность для девочек наблюдалась в Швеции, иногда в Нидерландах, но после этого первенство перешло к Японии (кроме нескольких последних лет, когда самый низкий показатель, впрочем, лишь слегка отличающийся от японского, вновь наблюдается в Швеции).

Для группы 50–54 года дело обстоит совершенно иначе: между 1950 и 1962 г. самые низкие показатели смертности для женщин зафиксированы в Нидерландах, затем в Греции – с 1963 по 1978 г., и, начиная с 1979 г., ее сменяет Япония (за исключением нескольких лет, когда самые низкие показатели для этой возрастной группы наблюдались в Испании, но разница с японскими показателями была несущественной).

Наконец, в группе 80–84 года самые низкие показатели наблюдаются в США (до 1970 г. практически без исключений) и Канаде (особенно в 1971–1978 гг.), и эти страны сменяют друг друга до тех пор, пока в 1989 г. первенство окончательно не переходит к Японии. Именно это разнообразие стран, вносящих вклад в самые низкие показатели

смертности, обеспечивало до 1980-х гг. заметное различие между *PFMA* и *PFMO*. Напротив, постоянное присутствие японских данных во всех возрастах с конца 1980-х гг. практически свело к нулю различия между этими показателями.

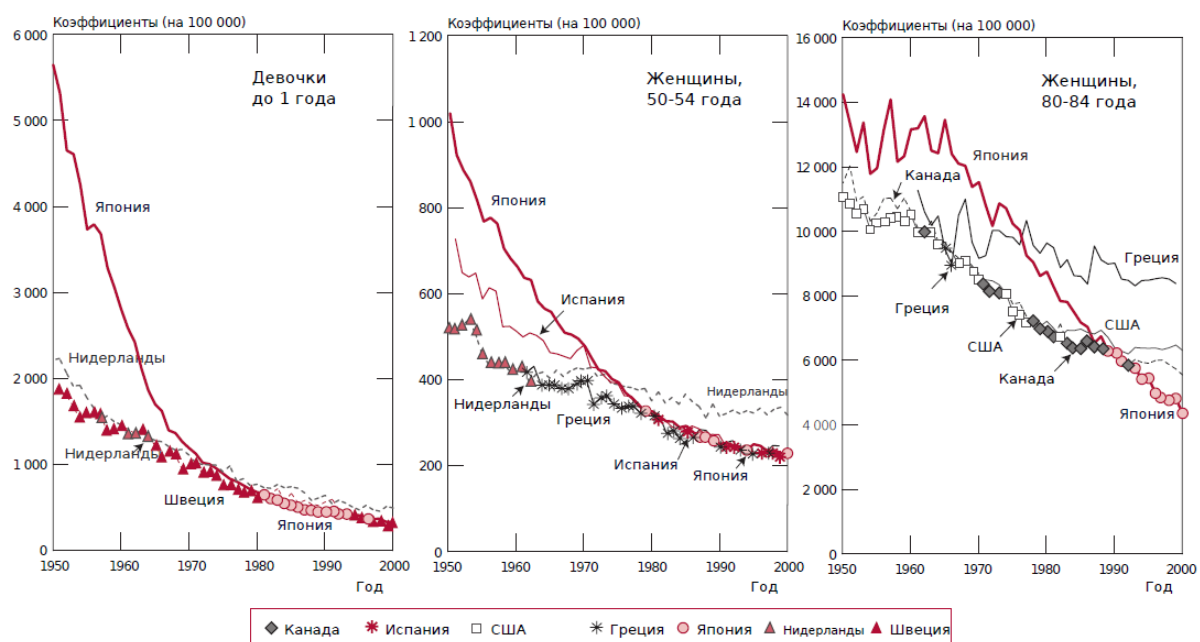

Рис. 3. Самые низкие коэффициенты повозрастной смертности для женщин с 1950 по 2000 г. в сравнении с эволюцией реальных показателей в странах, в которых они наблюдались, для трех возрастных групп

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Аналогичная ситуация наблюдается и для мужчин, даже если страны, в которых зарегистрированы самые низкие показатели смертности для женщин, не обязательно дают лучшие показатели и для мужчин. Заметим, однако, что в конце изучаемого периода *PFMA* для мужчин не совсем совпадают с *PFMO*. В качестве объяснения можно отметить особую роль Австралии, где показатели смертности мужчин в возрастной группе 50–54 года быстро снижались в 1990-е гг. и достигли в 2000 г. гораздо более низкого уровня, чем в Японии.

Самая низкая смертность по причинам

Комбинация самых низких показателей смертности по причинам (*PFMC*), полученная суммированием самых низких стандартизованных коэффициентов смертности по причинам, дает ожидаемое снижение гипотетической смертности, гораздо более существенное, чем комбинация самых низких показателей повозрастной смертности (*PFMA*), особенно для мужчин (рис. 4). Для них разница в начале периода такова, что *PFMC* для мужчин не только ниже *PFMO* для женщин вплоть до 1964 г., но и *PFMA* для женщин до 1957 г.

Для обоих полов область значений возможного выигрыша в продолжительности жизни, рассчитанной на основе *PFMC*, остается достаточной широкой вплоть до

недавнего времени, тогда как выигрыш, рассчитанный на основании *PFMA*, стал незначительным, практически исчез.

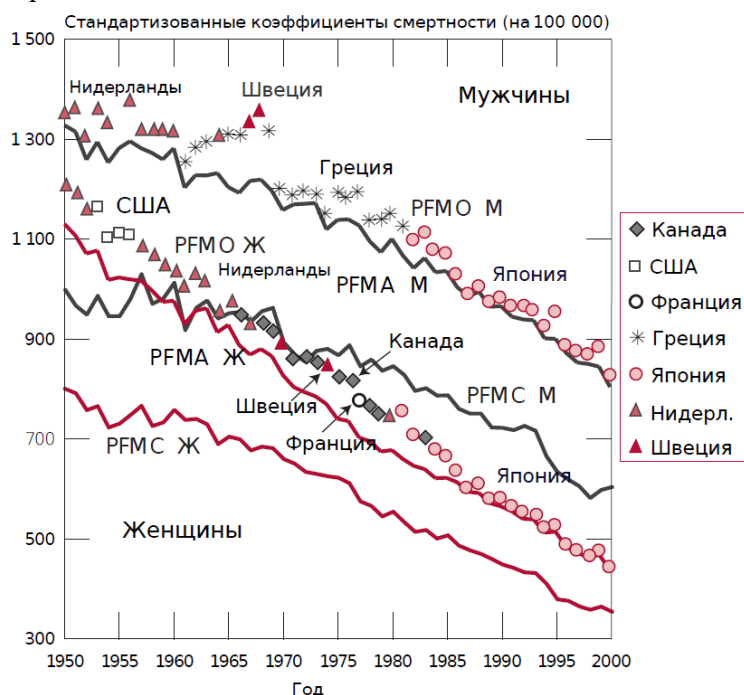

Рис. 4. Эволюция самых низких показателей смертности по причинам (*PFMC*) в сравнении с самой низкой наблюдаемой (*PFMO*) и повозрастной (*PFMA*) смертностью, 1950–2000 гг.

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Значительный разрыв в сумме самых низких показателей смертности по причинам (*PFMC*) и самой низкой наблюдаемой смертностью (*PFMO*) объясняется разнообразием списка стран с самой низкой смертностью по причинам. Самые разные страны могут демонстрировать самую низкую смертность по причинам; это зависит от выбора группы причин. К примеру, если речь идет о злокачественных новообразованиях у женщин, то в течение всего периода наблюдений самые низкие показатели смертности от рака желудка чаще всего фиксировались в США – намного ниже, чем в Японии, тогда как в случае рака груди самые низкие показатели чаще всего наблюдались в Японии и были намного ниже, чем в США (рис. 5).

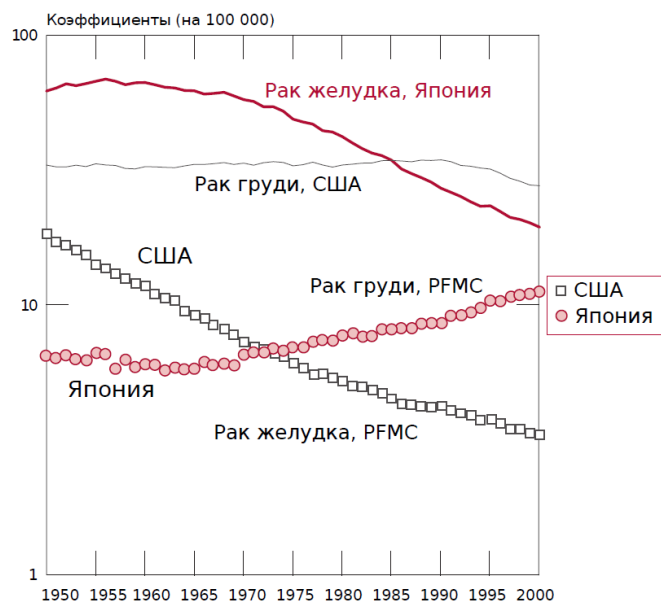

Рис. 5. Самые низкие стандартизованные показатели смертности женщин от рака желудка и рака груди, наблюдаемые с 1950 по 2000 г., по сравнению с эволюцией реальных показателей, наблюдаемых в Японии и США

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Напротив, для таких видов новообразований, как рак матки или органов дыхания, значительное количество самых разных стран сменяют друг друга в хронологической таблице самых низких показателей смертности: Испания, затем Нидерланды, Австралия, Греция, вновь Австралия, еще раз Греция, Япония, опять Греция и Австралия – для рака матки; Япония, Португалия (дважды вытесненная Нидерландами и один раз Францией), затем Испания – для рака органов дыхания (рис. 6).

Для болезней органов кровообращения (рис. 7, графики 1 и 2) роль Японии была неоднозначной: именно там в начале и в конце изучаемого периода наблюдались самые низкие показатели смертности от болезней сердца, но не от других болезней системы кровообращения. Франция играет важную роль в формировании самых низких показателей смертности от болезней сердца почти без перерыва с 1968 по 1993 г. Также во Франции зарегистрированы в течение четырех лет (с 1994 по 1998 г.) самые низкие показатели смертности от других болезней системы кровообращения. Но для этих причин смерти очевидно, что определяющую роль здесь играют США, Канада и Швеция.

Для инфекций и болезней органов дыхания (рис. 7, графики 3 и 4) схема чередования стран с самыми низкими показателями смертности уже иная, но в обоих случаях характеризуется отсутствием какого бы то ни было влияния Японии, а также заметным вкладом страны, до сих пор ни разу не упоминавшейся – Австрии.

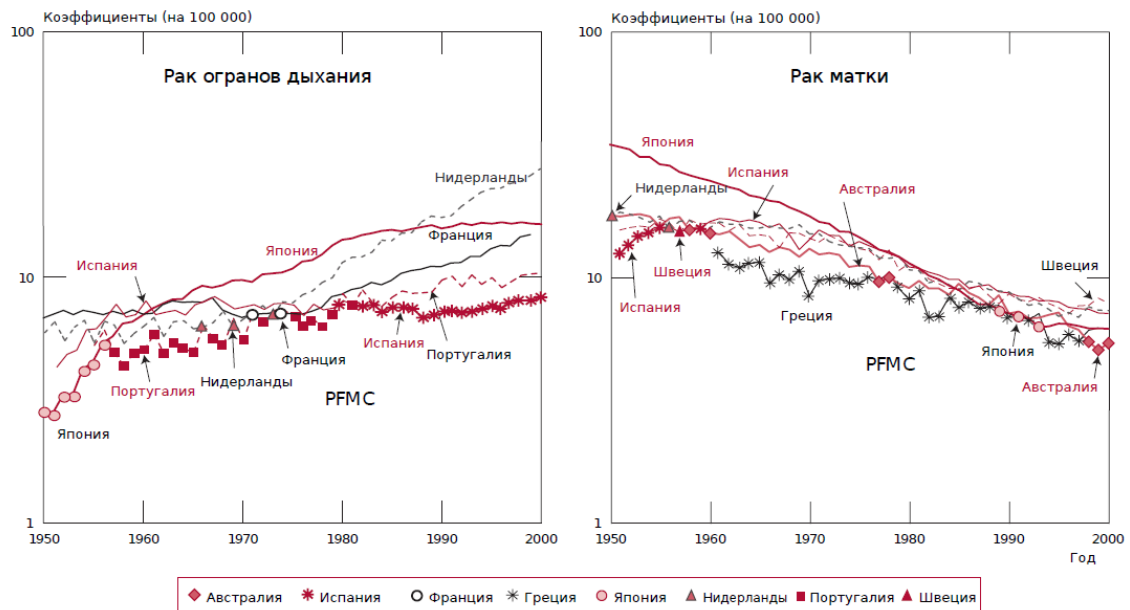

Рис. 6. Самые низкие стандартизованные коэффициенты смертности женщин от рака органов дыхания и рака матки, наблюдаемые с 1950 по 2000 г., в сравнении с реальными показателями, наблюдаемыми в странах, внесших вклад в динамический ряд самых низких показателей

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

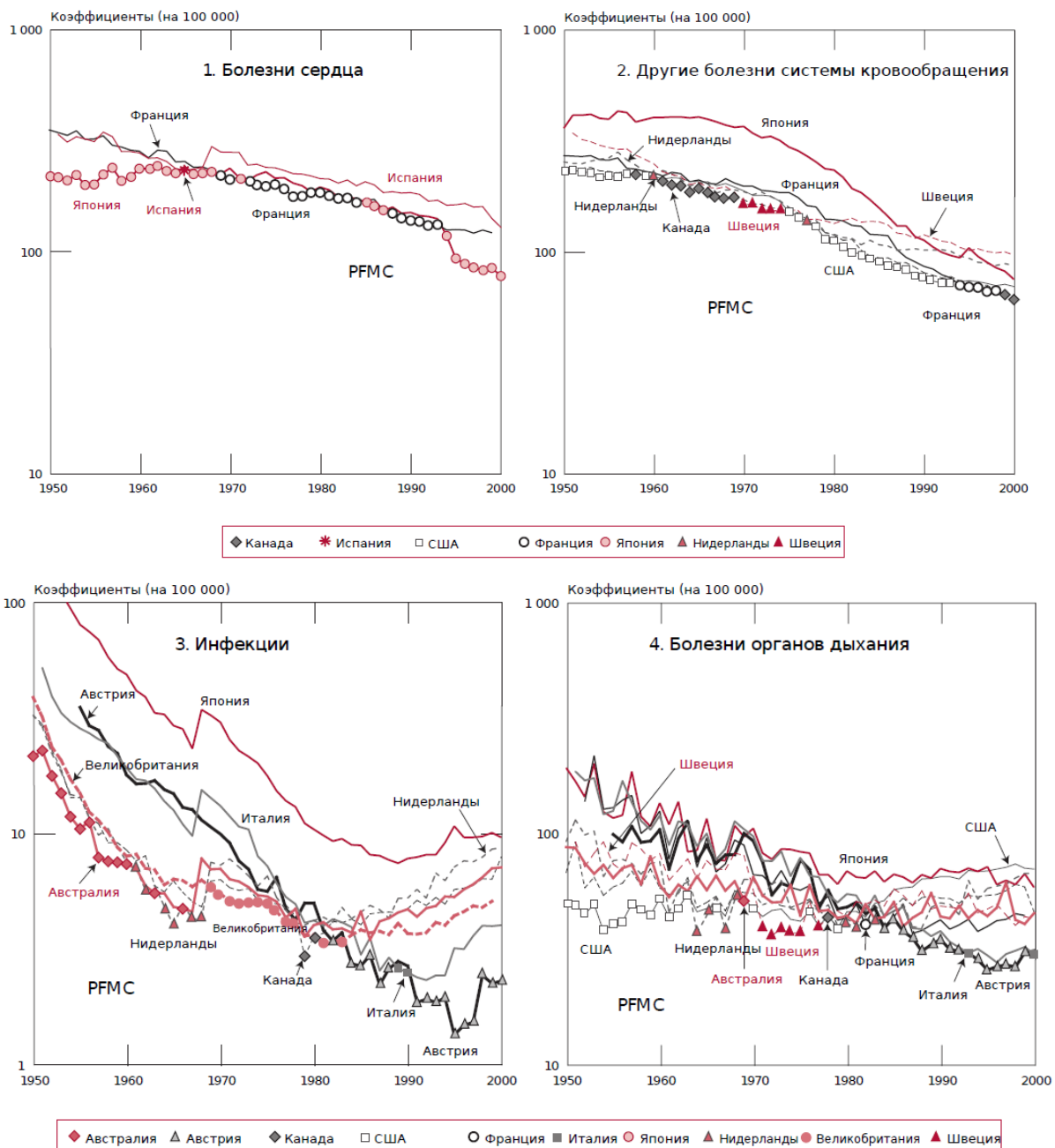

Рис. 7. Самые низкие стандартизованные коэффициенты смертности женщин от болезней сердца (график 1), других болезней системы кровообращения (график 2), инфекций (график 3) и болезней органов дыхания (график 4), наблюдаемые с 1950 по 2000 г., в сравнении с реальными показателями, наблюдаемыми в странах, внесших вклад в динамический ряд самых низких показателей

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Что касается самоубийств, то Япония никогда не располагалась по этому показателю на лучших позициях; самые низкие показатели всегда наблюдались в Испании и Португалии (рис. 8, график 1). Напротив, для других типов насильственных смертей Япония демонстрирует самые низкие показатели смертности в течение довольно длительного периода (1973–1989), хотя до 1973 г. это чаще всего была Испания, а после 1989 г. – Великобритания (рис. 8, график 2).

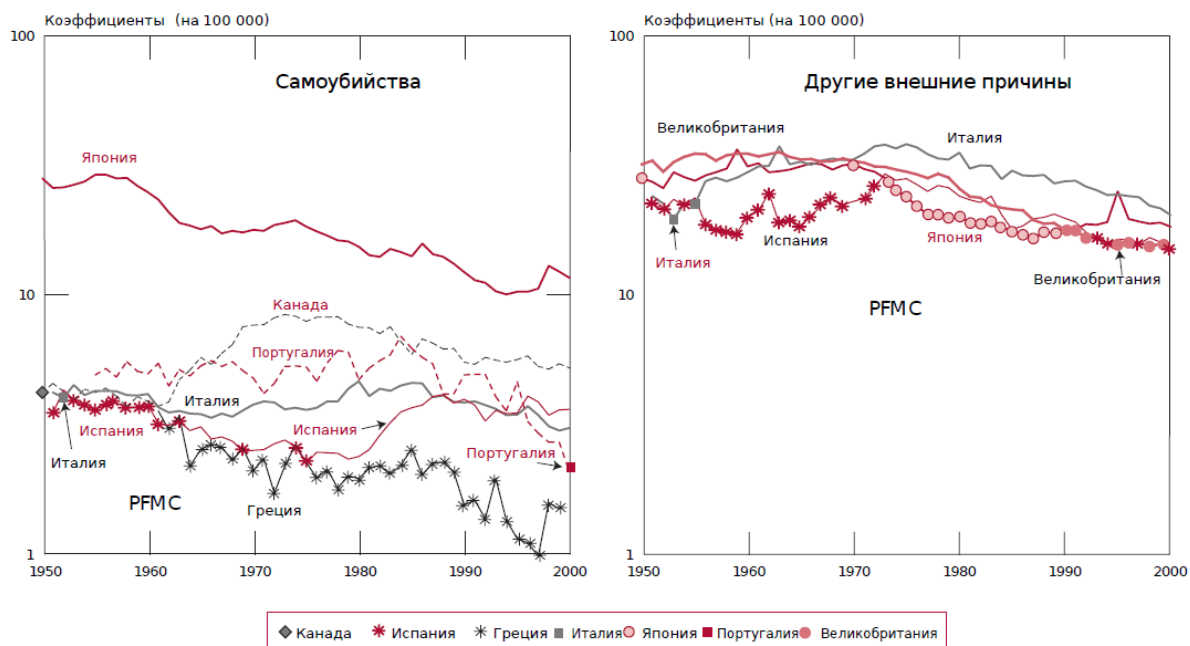

Рис. 8. Самые низкие сравнительные коэффициенты смертности женщин от самоубийств (график 1) и других внешних причин (график 2), наблюдаемые с 1950 по 2000 г., в сравнении с реальными показателями, наблюдаемыми в странах, внесших вклад в динамический ряд самых низких показателей

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности

Точно так же, как короткий список стран, вносящих вклад в самые низкие по возрасту показатели смертности, объясняет незначительную разницу между *PFMA* и *PFMO*, так и большое разнообразие стран, в которых в течение изучаемого периода наблюдались самые низкие показатели смертности по причинам, объясняет значительную разницу между *PFMC* и *PFMO*. В частности, тот факт, что Япония не занимает лидирующее место в смертности по отдельным причинам, в том числе и в последнее время, объясняет постоянство этой разницы даже в последние годы.

Самые низкие показатели смертности по возрасту и причинам

Четвертый показатель, комбинирующий самые низкие показатели смертности по возрасту и причине (*PFMAC*), еще сильнее отличается от самых низких наблюдаемых показателей (*PFMO*). Но, принимая во внимание, что различия между *PFMAC* и *PFMC* определяются лишь специфическим влиянием возраста, легко понять, что едва ли между *PFMAC* и *PFMC* будет больше разницы, чем между *PFMA* и *PFMO* (рис. 9).

Отметим, однако, что в конце периода наблюдений, когда разница между *PFMA* и *PFMO* практически полностью стирается вследствие постоянного присутствия Японии на первом месте в классификации самых низких по возрасту показателей смертности, разница между *PFMAC* и *PFMA* остается заметной. Это подтверждает синергию возраста и причины: Япония является лидером почти во всех возрастах, но далеко не во всех причинах смерти в каждой возрастной группе.

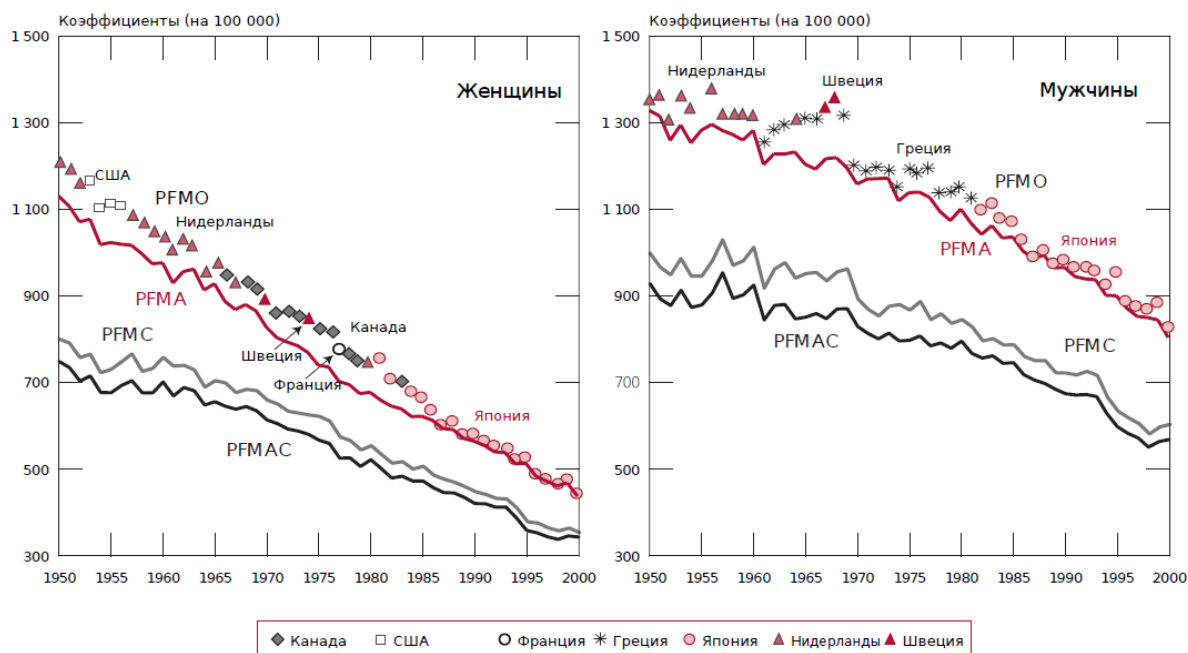

Рис. 9. Эволюция самых низких показателей смертности по возрастам (PFMA), по причинам (PFMC) и по возрасту и причинам (PFMAC) в сравнении с самыми низкими наблюдаемыми показателями смертности (PFMO)

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Чувствительность результатов к количеству используемых групп причин

Легко представить, что комбинация минимальных показателей смертности по возрасту или по причинам может давать самые разные результаты в зависимости от точности распределения случаев смерти по возрастным группам и группам причин. Поскольку список стран постоянно меняется, результаты могут варьировать еще сильнее, так как используемое в расчетах показателей количество возрастных групп и групп причин смерти может различаться от страны к стране. Комбинация повозрастных минимумов, графически лишь незначительно отличающаяся от простого расположения в хронологическом порядке лучших стандартизованных показателей, едва ли сильно повлияет на конечный результат при увеличении количества возрастных групп (к примеру, при переходе от показателей по одногодичным интервалам к пятилетним группам). Тем не менее мы посчитали полезным дать представление о том, как влияет на результаты изменение в ту или иную сторону числа групп причин смерти.

Очевидно, что сократить число групп легко. Мы провели тест на трех категориях, скомбинировав 12 групп, представленных ранее в табл. 1, следующим образом:

- категория I – опухоли (группы 1–5);
- категория II – сердечнососудистые заболевания (группы 6 и 7);
- категория III – остальные причины (группы 8–12).

Затем мы протестировали противоположную ситуацию – расширение исходного списка из 12 причин до 30 (Приложение 1). Учесть в расчетах большее количество причин смерти затруднительно, особенно принимая во внимание разрывы в динамических рядах, вызванные новыми пересмотрами международной классификации болезней. Для этого пришлось бы для каждой страны выполнить реконструкцию рядов

показателей по рубрикам постоянных медицинских определений, как это было сделано для Франции [Vallin & Meslé, 1988; Meslé et Vallin, 1996], но это выходит далеко за рамки данной статьи.

Даже если остаться в этом диапазоне – от 3 до 30 групп причин, все равно влияние количества этих групп на стандартизованные показатели смертности окажется очень велико (рис. 10). Для женщин кривая показателя *PFMAC*, рассчитанного по трем группам причин, находится примерно посередине между *PFMAC* по 12 причинам и *PFMA*. Расстояние между кривыми *PFMAC* по 12 и 30 причинам еще больше. У мужчин ситуация менее выражена, поскольку в самом начале периода изменения *PFMAC*, оцененного по трем причинам, весьма хаотичны. Но в конце периода мы отмечаем те же различия в оценках, что и для женщин. Мы с удивлением констатировали, что кривая показателей *PFMAC* по трем причинам оказалась самой нерегулярной, с выделяющимся из общего ряда ненормально низким значением в 1961 г. Похоже, что разбиение больших групп причин на более мелкие не только не усиливает случайные отклонения, но даже смягчает влияние проблем классификации причин смерти, от которых страдают некоторые страны, особенно Греция.

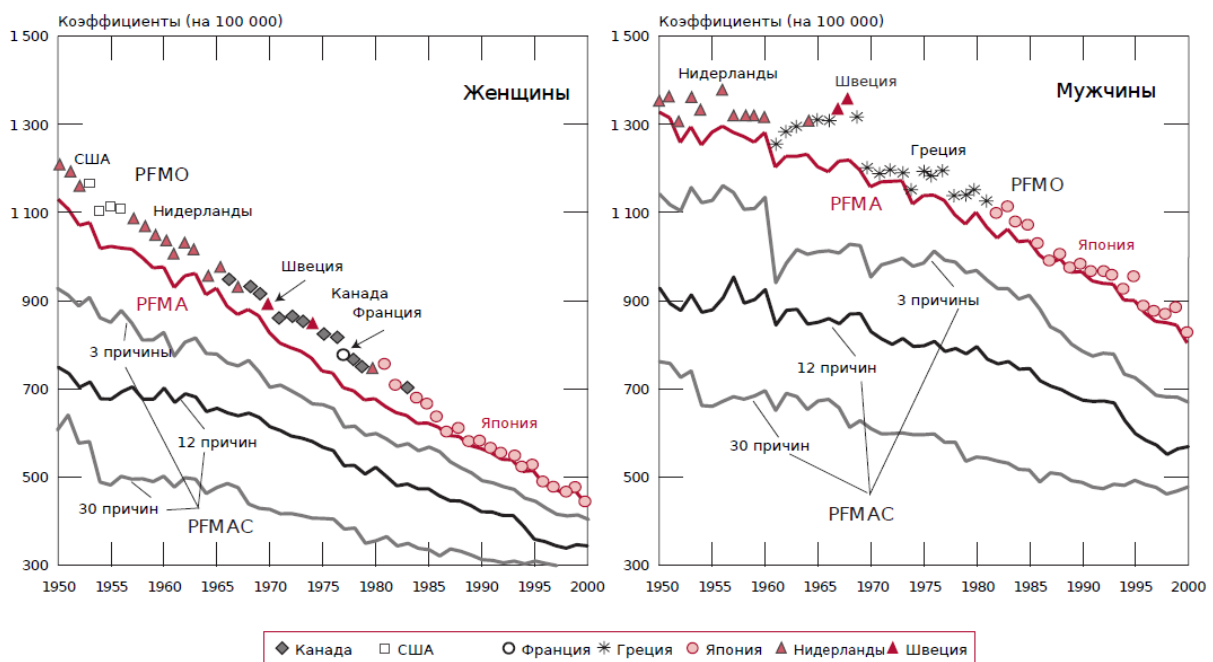

Рис. 10. Влияние количества групп причин смерти на самые низкие показатели смертности по возрасту и причинам (*PFMAC*) и его разрыв с показателями самой наблюдаемой смертности (*PFMO*) и самой низкой по возрастной смертности (*PFMA*)

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Представление результатов в терминах продолжительности жизни

Мы не можем перейти от минимальных показателей смертности по группам возрастов и причин смерти к соответствующей ожидаемой продолжительности жизни при рождении, не уделив особого внимания последней возрастной группе – 85 лет и старше. Эта группа аккумулирует слишком существенную часть общей смертности, чтобы пренебречь влиянием, которое могло бы иметь закрытие таблицы смертности

заранее оговоренной продолжительностью жизни в возрасте 85 лет, каким бы ни был уровень смертности в более молодых возрастах. Однако если обратиться к модельным таблицам смертности, в данном случае к модели «Запад» таблиц Коула–Демени [Coale et al., 1983], можно отметить существование очень сильной связи между ожидаемой продолжительностью жизни в возрасте 85 лет и коэффициентами смертности в возрасте 85 и старше (рис. 11). Мы использовали эту связь, чтобы вычесть из суммы самых низких показателей смертности по причинам в возрастах 85+ ожидаемую продолжительность жизни в 85 лет для каждого пола и каждого года наблюдений, с 1950 по 2000 г.⁸ Из соображений когерентности мы сделали то же самое, чтобы оценить ожидаемую продолжительность жизни в 85 лет, соответствующую самым низким показателям смертности от всех причин в возрастах 85 лет и старше⁹.

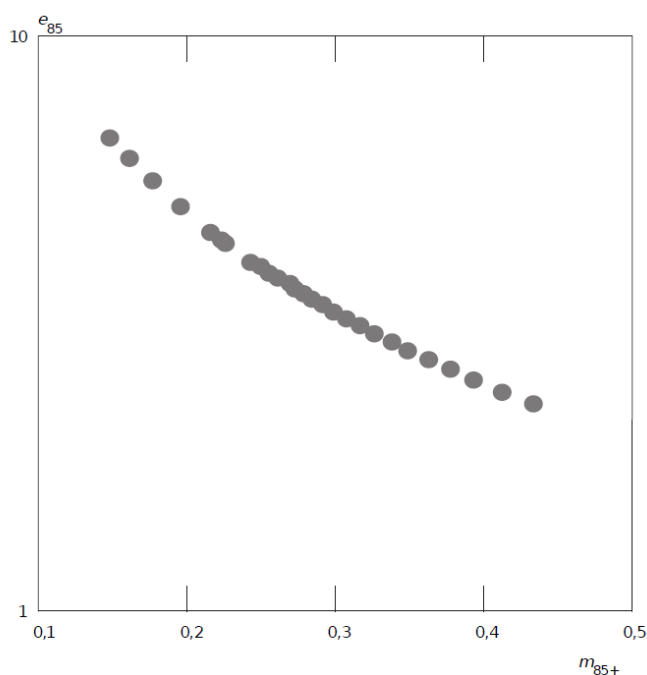

Рис. 11. Связь между ожидаемой продолжительностью жизни в возрасте 85 лет и коэффициентами смертности в возрастной группе 85 лет и старше в таблицах Коула–Демени (модель «Запад»)

Источник: Coale et al., 1983.

Таким образом, мы можем рассчитать продолжительность жизни при рождении, соответствующую самым низким по возрастным коэффициентам смертности (по всем причинам), обозначив ее как $e_0 \min - [A]$, и этот же показатель, соответствующий самым низким показателям смертности по возрасту и причинам $e_0 \min [A * C]$. Эти два значения продолжительности жизни соответствуют рассмотренным выше показателям *PFMA* и *PFMAC*, соответственно. Однако мы не можем найти явного эквивалента показателю *PFMC* в терминах продолжительности жизни. Для этого нужно скомбинировать среднюю ожидаемую продолжительность жизни для каждой причины или группы

⁸ Результат был бы немного иным, если бы мы использовали связь между коэффициентами смертности и ожидаемой продолжительностью жизни, наблюдаемую у стационарного населения: $e_{85} = 1/m_{85+}$.

⁹ Вместо того чтобы искать в опубликованных таблицах смертности реальную продолжительность жизни в возрасте 85 лет для каждой страны.

причин; метод представляется достаточно сомнительным. И, естественно, мы можем использовать самую высокую продолжительность жизни, каждый год наблюдаемую в действительности и обозначенную $\max e_0$, как эквивалент показателя *PFMO*. Динамика этих трех показателей для каждого пола отдельно представлена на **рис. 12**.

Как и при сравнении показателей *PFMA* и *PFMO* (см. рис. 2), мы обнаруживаем лишь небольшую разницу, даже менее существенную, между $e_0 \min-[A]$ и $\max e_0$. Отметим одно различие. Хотя для женщин значения *PFMO* практически идеально выстраиваются в прямую линию в течение всего периода наблюдений, реально наблюдаемые максимальные значения продолжительности жизни образуют прямую с точкой перелома в конце 1970-х гг. и бóльшим углом наклона для второй половины периода. Поскольку прямая $e_0 \min-[A]$ не имеет подобных критических точек, разница между $e_0 \min-[A]$ и $\max e_0$ достигает максимального значения в середине 1970-х гг. В 1950 г. эта разница составляет 0,5 года, но в 1975 г. расхождение между двумя показателями достигало 1,4 года, а в 2000 г. – почти не существовала (**табл. 2**). Этот феномен еще более выражен для мужчин, для которых разрыв в показателях, составляющий 0,2 года в 1950 г., возрастает до 1,7 года к 1975 г. и падает до 0,6 года в 2000 г.

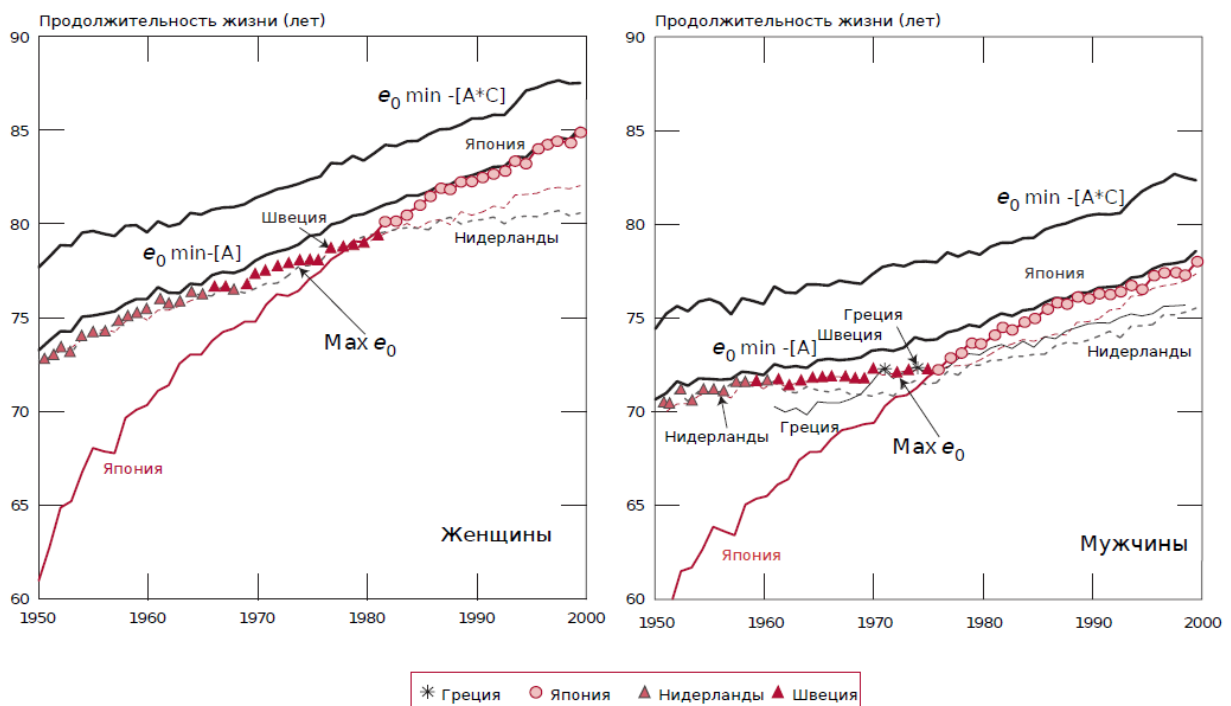

Рис. 12. Максимальная наблюдаемая продолжительность жизни при рождении ($\max e_0$) и траектории для стран, в которых она наблюдалась, а также значения продолжительности жизни, соответствующие самым низким показателям смертности по возрасту ($e_0 \min-[A]$) и по возрасту и причинам ($e_0 \min-[A^*C]$), 1950–2000 гг.

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Как и в случае коэффициентов, значения ожидаемой продолжительности жизни, рассчитанные по самым низким коэффициентам смертности по возрасту и причине ($e_0 \min-[A^*C]$), гораздо сильнее отличаются от $\max e_0$, чем значения, рассчитанные по минимальным повозрастным показателям смертности ($e_0 \min-[A]$). В 1950 г.

потенциальный выигрыш составлял 4 года для мужчин и 5 лет для женщин. Для женщин он постепенно сокращался, но все еще составлял 4,4 года в 1975 г. и 2,5 года в 2000 г. Для мужчин, напротив, он рос до середины 1970-х гг., достигнув 6 лет в 1975 г., затем стал снижаться, по-прежнему оставшись в 2000 г. выше уровня 1950 г. (4,4 и 4,0 лет, соответственно).

Как мы уже отмечали в случае стандартизованных коэффициентов, ожидаемая продолжительность жизни, соответствующая самым низким коэффициентам смертности по полу и возрасту, очень чувствительна к принципам группировки причин смерти. В **табл. 2** приведены некоторые данные, резюмирующие этот вывод. В 1950 г., когда самая высокая продолжительность жизни, зафиксированная в мире, составляла 72,2 года для женщин и 70,4 для мужчин (в обоих случаях речь шла о Нидерландах), население, в котором систематически наблюдались бы самые низкие коэффициенты смертности по причинам во всех возрастах, имело бы, согласно различной группировке причин, ожидаемую продолжительность жизни женщин, равную 75,1 года (3 группы причин), 77,7 года (12 групп) или 80,3 года (30 групп), а для мужчин – 72,0, 74,4 или 77,0 года, соответственно. В 2000 г., хотя самая высокая реально наблюдаемая продолжительность жизни была 85,1 года для женщин и 78,0 года для мужчин (в обоих случаях речь шла о Японии), систематическая комбинация самых низких коэффициентов смертности по возрасту и причинам дала бы, в зависимости от вышеприведенной группировки причин смерти, 86,1, 87,6 или 88,9 года для женщин и 80,5, 82,4 или 84,4 года для мужчин.

Таблица 2 Потенциальный выигрыш в максимальной ожидаемой продолжительности жизни (в годах), наблюдаемой в 1950, 1975 и 2000 г. при условии минимизации коэффициентов смертности по возрасту и причине смерти

Показатель	1950		1975		2000	
	Уровень	Выигрыш	Уровень	Выигрыш	Уровень	Выигрыш
Женщины						
$\max e_0$	72,7		78,0		85,1	
$e_0 \min-[A]$	73,2	0,5	79,4	1,4	85,2	0,1
$e_0 \min-[A * C]$ (3 причины)	75,1	2,4	80,6	2,6	86,1	1,0
$e_0 \min-[A * C]$ (12 причин)	77,7	5,0	82,4	4,4	87,6	2,5
$e_0 \min-[A * C]$ (30 причин)	80,3	7,6	85,8	7,8	88,9	3,8
Мужчины						
$\max e_0$	70,4		72,1		78,0	
$e_0 \min-[A]$	70,6	0,2	73,8	1,7	78,6	0,6
$e_0 \min-[A * C]$ (3 причины)	72,0	1,6	75,4	3,3	80,5	2,5
$e_0 \min-[A * C]$ (12 причин)	74,4	4,0	78,1	6,0	82,4	4,4
$e_0 \min-[A * C]$ (30 причин)	77,0	6,6	81,4	9,3	84,4	6,4

Источник: расчеты авторов на основании базы данных ВОЗ по смертности.

Игра или элемент предвидения?

Насколько реально предположение о том, что население может однажды достичь продолжительности жизни, соответствующей самым низким показателям смертности по возрасту и причинам, наблюдаемым в определенный момент? Вероятнее всего – нереально, и тому есть три причины. Прежде всего, у каждой страны есть свои особенности, которые едва ли могут повториться где-то еще. Представим, к примеру, что некоторые причины смерти тесно связаны с набором генов, присущих именно этому населению и никакому другому. И это не гипотетическая ситуация. Например, известно, что меланома кожи чаще встречается у светлокожего населения. Однако даже болезни генетического происхождения можно предотвратить или вылечить.

Затем можно задаться вопросом, не являются ли некоторые межстрановые различия в смертности по ряду причин, обусловленными различными подходами к диагностике, кодированию причины в соответствии с классификацией или к проблеме выбора основной причины смерти, той, что будет в конечном итоге зафиксирована статистикой. Действительно, это может влиять на данные, собираемые ВОЗ, даже для стран, наиболее прогрессивных с точки зрения качества статистики здравоохранения вообще и статистики смертности по причинам, в частности.

И наконец, смертность от данной конкретной причины не является независимой от смертности по другим причинам. Как объяснить выбор минимального значения смертности по одной причине, не изменив соответствующим образом показатели для других причин, прежде чем выбрать самый низкий из них?

Принимая в расчет эти нюансы, мы, несомненно, должны признать, что комбинировать самые низкие показатели смертности, чтобы сделать вывод о некоей гипотетической ожидаемой продолжительности жизни, – всего лишь игра, интересная, но не имеющая предсказательной ценности. Однако чисто прагматический подход может придать этой игре перспективный смысл, и даже, возможно, поможет найти критерии для формулирования гипотез эволюции смертности в будущем.

Если мы начнем отсчет с продолжительности жизни, зафиксированной в 1950 г. в каждой из упоминавшихся здесь стран, и проследим наблюдаемые для каждой страны траектории вплоть до того момента, когда они достигнут значения продолжительности жизни, соответствующего минимальным показателям по возрасту и 12 группам причин для 1950 г. (рис. 13), мы увидим, что для женщин этот уровень был достигнут: в Швеции в 1973 г., в Нидерландах в 1974 г., в Канаде, Франции и Японии в 1976–1977 гг., в Австралии, Греции, Италии, Испании, США в 1979 г. и т.д. Иными словами, большинство стран, демонстрировавших на протяжении полувека самые низкие показатели смертности, преодолели $e_0 \min - [A * C]$ 1950 г. с запозданием в 25–30 лет.

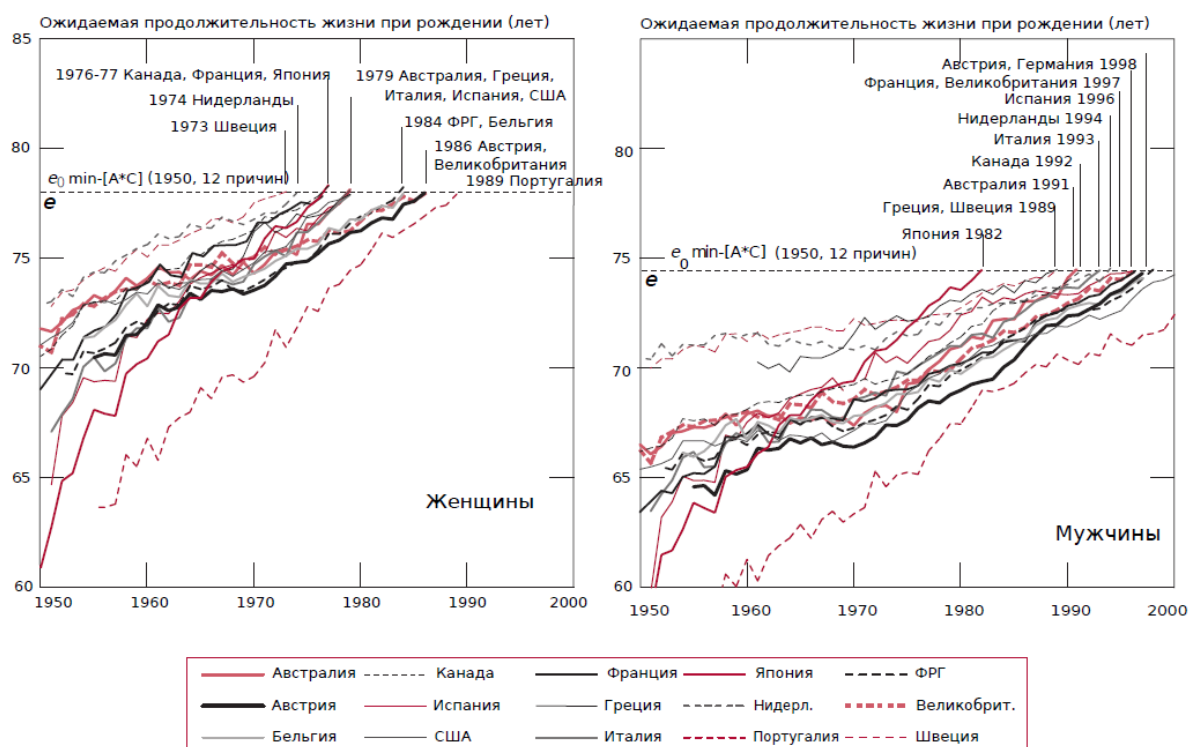

Рис. 13. Год, в котором средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в каждой стране достигла значения, соответствующего минимальным показателям смертности по возрасту и 12 группам причин для 1950 г.

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

Этот временной лаг для мужчин был еще больше, потому что достижение показателей $e_0 \text{ min-[A*C]}$ уровня 1950 г. имело место в Японии в 1982 г., в Греции в 1989 г., в Австралии в 1991 г., в Канаде в 1992 г. и т.д.; в США это произошло лишь в 2000 г., а в Португалии еще не произошло. Тем не менее можно сказать, что в течение 30–50 лет этот процесс был практически завершен. Рис. 14 также показывает, что в нескольких странах (Японии, Франции, Австралии, Испании) ожидаемая продолжительность жизни женщин в 2000 г. уже была выше, чем $e_0 \text{ min-[A*C]}$ 1975 г., а почти во всех остальных странах была близка к этому значению. И вновь ситуация для мужчин менее благоприятна: к началу нового века только Япония достигла продолжительности жизни, соответствующей минимальным показателям смертности по возрасту и причинам 1975 г. Но мы видим, что преодоление этого порога другими странами, весьма вероятно, произойдет в первой четверти XXI в., иными словами, с отставанием в 25–50 лет от года отсчета.

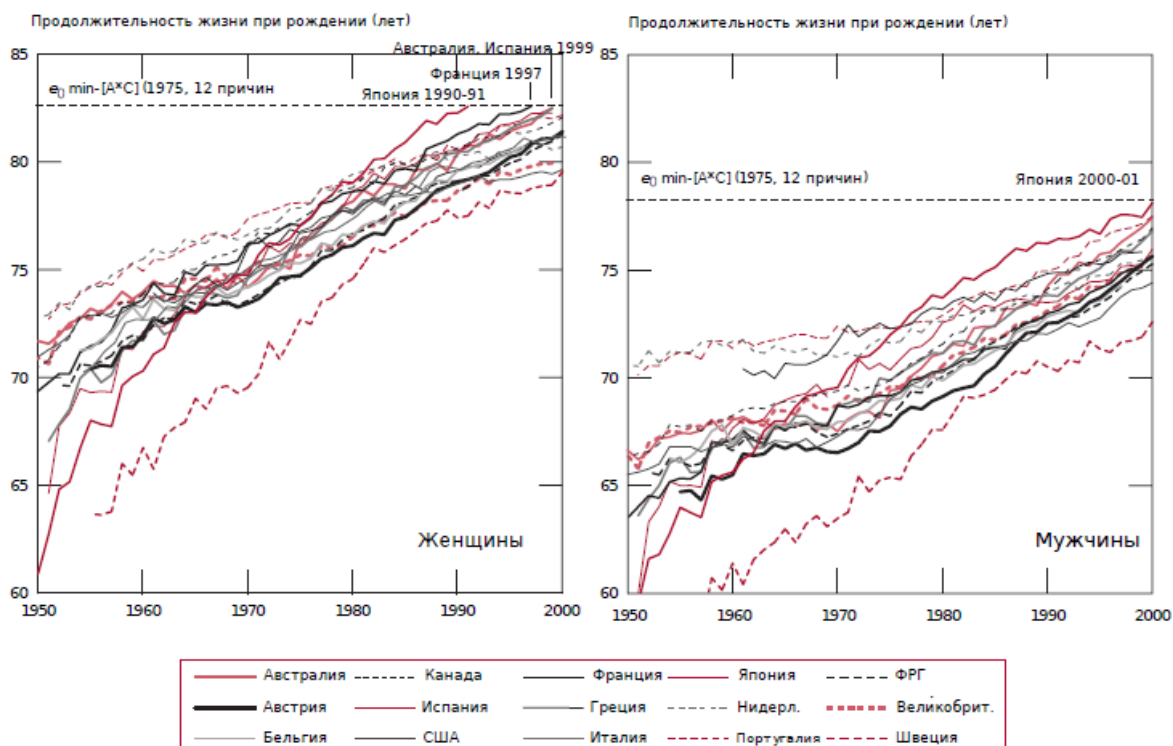

Рис. 14. Год, в котором средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в каждой стране достигла значения, соответствующего минимальным показателям смертности по возрасту и 12 группам причин для 1975 г.

Источник: оценки авторов по информации из базы данных ВОЗ по смертности.

В отличие от предшествующих попыток оценить собственно предел, к которому приведет однажды прогресс в ожидаемой продолжительности жизни, мы полагаем, что предложенные нами показатели дают представление о том, в какие сроки этот предел может быть достигнут и превзойден.

Список литературы

- Benjamin B. 1982. The span of life // *Journal of the Institute of the Actuaries*. Vol. 109. P. 319–340.
- Bourgeois-Pichat J. 1951a. La mesure de la mortalité infantile: I. Principes et méthodes // *Population*. Vol. 6. N 2. P. 233–248.
- Bourgeois-Pichat J. 1951b. La mesure de la mortalité infantile: II. Les causes de décès // *Population*. Vol. 6. N 3. P. 459–480.
- Bourgeois-Pichat J. 1952. Essai sur la mortalité biologique de l'homme // *Population*. Vol. 7. N 3. P. 381–394.
- Bourgeois-Pichat J. 1978. Future outlook for mortality decline in the world // *Population Bulletin of the United Nations*. N 11. P. 12–41 [Perspectives d'avenir de la baisse de la mortalité dans le monde // *Bulletin des Nations unies*. N 11. P. 14–44].
- Coale A. J., Demeny P., Vaughan B. 1983. *Regional Model Life Tables and Stable Populations*, Second edition. New York et Londres, Academic Press, VIII+496 p. (Deuxième édition).
- Dublin L. I., 1928. *Health and Wealth*. New York, Harper, xiv + 361 p.

- Dublin L. I. 1941. A lesson in optimism // *Statistical Bulletin of the Metropolitan Life Insurance Cie.* Vol. 22. N 11. P. 1.
- Dublin L. I. 1951. *The Facts of Life: From Birth to Death.* New York, Macmillan, 461 p.
- Dublin L. I., Lotka A. J. 1936. *Length of Life: A Study of the Life Table.* New York, Ronald Press.
- Dublin L. I., Lotka A. J., Spiegelman M. 1949. *Length of Life: A Study of the Life Table.* New York, Ronald Press Company, xxv + 400 p. (Revised edition).
- Duchène J., Wunsch G. 1990. Les tables de mortalité limite: quand la biologie vient au secours du démographe // in Michel Loriaux, Dominique Remy et Éric Vilquin (dir.), *Population âgée et révolution grise. Chaire Quetelet 1986.* P. 321–332, Bruxelles, Éditions CIACO, xxxvii + 1120 p.
- Fisher I., 1909. *National Vitality, Its Wastes and Conservation, Report of the National Conservation Commission.* Washington, US Senate, 102 p.
- Fries J. F. 1980. Aging, natural death, and the compression of mortality // *New England Journal of Medicine.* Vol. 303. N 3. P. 130–135.
- Meslé F., Vallin J. 1996. Reconstructing long-term series of causes of death // *Historical Methods.* Vol. 29. N 2. P. 72–87.
- Nizard A., Vallin J. 1970. Les plus faibles mortalités // *Population.* Vol. 25. N 4. P. 847–874.
- Oeppen J., Vaupel J. W. 2002. Broken limits to life expectancy // *Science.* Vol. 296. N 10, mai. P. 1029–1031.
- Olshansky S. J., Carnes B. A., Désesquelles A. 2001. Prospects for human longevity // *Science.* Vol. 291. N 23, février. P. 1491–1492.
- Olshansky S. J., Ault A. B. 1986. The fourth stage of the epidemiologic transition: The age of delayed degenerative diseases // *The Milbank Quarterly.* Vol. 64. N 3. P. 355–391.
- Siegel J. 1980. Recent and prospective demographic trends for the elderly population and some implications for health care // in Suzanne G. Haynes, Manning Feinleib, Jane A. Ross et Lorann Stallones (éd.) // *Second Conference on the Epidemiology of Aging: Proceedings of the Second Conference, March 28-29, 1977, Bethesda.* P. 289–315. Bethesda (Maryland), National Institutes of Health (NIH), xvii + 387 p. (NIH Publication N 80–969).
- Uemura K. 1989. Excess mortality ratio with reference to the lowest age-sex-specific death rates among countries // *World Health Statistics Quarterly.* Vol. 42. N 1. P. 26–41.
- Vallin J., Meslé F. 1988. *Les causes de décès en France de 1925 à 1978.* Paris, Ined (Travaux et Documents, Cahier. N 115). 608 p. Publication accompagnée de 7 volumes annexes.
- Whelpton P. K., Eldridge H. T., Siegel J. S. 1947. *Forecasts of the Population of the United States 1945–1975.* Washington DC, US Bureau of the Census et Government Printing Office. 119 p.
- Wunsch G. 1974. A minimum life-table for Europe // *European Demographic Information Bulletin.* Vol. 5. N 1. P. 2–10.

Перевод И. Троицкой

Приложение 1. Определение в соответствии с пятью последними пересмотрами Международной классификации болезней (МКБ) 12 групп исходных причин смерти, их группировки в три большие категории и их распределение по 30 подгруппам

12 групп	30 подгрупп	МКБ-6 / МКБ-7	МКБ-8	МКБ-9	МКБ-10
<i>Категория I: Опухоли</i>					
1. Рак желудка		A046	A047	B091	C160-C169
2. Рак дыхательных путей		A049-A050	A050-A051	B100-B10r	C300-C399
3. Рак груди		A051	A054	B113	C500-C509
4. Рак матки		A052-A053	A055-A056	B120-B122	C530-C55
5. Другие виды рака	а) кишечника и прямой кишки	A047-A048	A047-A048	B092-B094	C170-c218
	б) другие раки органов пищеварения	A044-A045	A046-A046	B080-B08r B091 B095-B09r	C000-C159 C220-C269
	в) раки костей, кожи и пр.	A055-A056	A052-A053	B110-B112 B114-B11r	C400-C449
	г) рак простаты	A054	A057	B124	C61
	д) рак крови	A058-A059	A059-A060	B140-B14r	C810-C969
	е) другое	A057, A060	A058, A061	B123	C450-C499
<i>Категория II: Сердечнососудистые заболевания</i>					
6. Болезни сердца	а) ишемические болезни сердца	A081	A083	B270-B27r	I200-I259
	б) другие болезни сердца	A079-A080 A082-A084	A080-A082 A084	B250-B26r B280-B28r	I100-I159 I260-I528
7. Другие болезни системы кровообращения	а) болезни мозгового кровообращения	A070	A085	B290-B29r	I600-I698
	б) другие болезни системы кровообращения	A085-A086	A086-A088	B300-B30r	I700-I99

Приложение I (продолжение)

12 групп	30 подгрупп	МКБ-6 / МКБ-7	МКБ-8	МКБ-9	МКБ-10
<i>Категория III: Другие причины смерти</i>					
8. Инфекционные болезни	а) туберкулез	A001-A005	A006-A010	B020-B02r	A150-A199
	б) другие инфекционные заболевания	A006-A043	A001-A005 A011-A044	B010-B01r B030-B07r	A000-A09 A200-B99
9. Болезни органов дыхания	а) острые респираторные заболевания	A087-A092	A089-A092	B310-B322	J00-J22
	б) хронические респираторные заболевания	A093-A097	A093-A096	B323-B32r	J300-J998
10. Другие болезни	а) болезни нервной системы	A067-A069 A071-A078	A069-A079	B210-B24r	G000-H959
	б) болезни органов пищеварения	A098-A107	A097-A104	B330-B34r	K000-K938
	в) болезни мочеполовой системы	A108-A114	A105-A111	B350-B37r	N00-N999
	г) осложнения беременности, родов и пр.	A115-A120	A112-A118	B380-B41r	O000-O998
	д) врожденные аномалии и пороки внутриутробного развития	A127-A135	A126-A135	B440-B45r	P000-Q999
	е) другие болезни	A061-A066 A121-A126	A062-A068 A119-A125	B180-B20r B420-B43r	D500-E90 L00-M999
Неустановленные причины смерти		A136-A137	A136-A137	B460-B46r	R000-R99
11. Самоубийства		A148	A147	B540-B54r	X60-X849
12. Другие насильственные смерти	а) дорожные происшествия	A138-A139	A138-A139	B470-B47r	V01-V99
	б) падения	A141	A141	B50-B50r	W00-W99
	в) убийства	A149-A150	A148-A150	B550-B56r	X85-Y369
	г) другие внешние причины	A140 A142-A147	A140 A142-A146	B480-B49r B51-B53r	W20-X599 Y400-Y98

- Смерти от неустановленных причин были пропорционально распределены между всеми группами причин.

Микко Мирскиля*, Ханс-Петер Кёлер**, Франческо Биллари***

Рождаемость в старших репродуктивных возрастах и гендерное равенство: объяснение положительной связи между высоким уровнем развития и рождаемостью¹

В связи между рождаемостью и развитием произошло фундаментальное изменение, поэтому в высокоразвитых странах дальнейший социально-экономический прогресс может повернуть вспять тенденцию снижения рождаемости. Анализируя связь между развитием и возрастными и когортными профилями рождаемости, а также роль гендерного равенства, авторы пытаются пролить свет на механизмы, могущие обеспечить это изменение тренда. Используя данные более чем для 100 стран в период с 1975 по 2008 г., они показывают, что «реверсивное» изменение показателей рождаемости наблюдается как в условных, так и в реальных поколениях и обусловлено, прежде всего, повышением рождаемости в старших репродуктивных возрастах. Мы также показываем, что положительная корреляция между уровнем развития и рождаемостью в высокоразвитых странах также обусловлена гендерным равенством: страны, стоящие на высоких позициях с точки зрения здоровья, доходов и уровня образования населения, но отстающие в гендерном равенстве, продолжают переживать снижение рождаемости. Результаты исследования позволяют предположить, что гендерное равенство является ключевым фактором для стран, желающих добиться повышения рождаемости в качестве дивиденда высокого развития.

Введение

Очень низкая рождаемость – существенно ниже уровня простого воспроизводства – является одним из основных политических и демографических вызовов в высокоразвитом обществе. Низкая, а в ряде случаев даже сверхнизкая рождаемость наблюдается уже и в некоторых странах со средним уровнем дохода на душу населения, и ученые прогнозируют для многих стран продолжительные периоды низкой рождаемости, хотя в настоящее время показатели в них находятся на уровне простого воспроизводства или даже превышают его [United Nations Population Division, 2011]. К примеру, рождаемость в Южной Америке и Азии пока еще обеспечивает замещение поколений, но по медианному прогнозу ООН в ближайшие 10 лет показатели рождаемости в этих регионах упадут ниже уровня простого воспроизводства и останутся такими, по меньшей мере, до 2050 г. Гипотетически экстраполируя текущие тенденции рождаемости, Уилсон [Wilson, 2011, p. 382] даже утверждает: «В более длительной временной перспективе мы не можем исключить вероятности того, что в богатых странах будет наблюдаться высокая рождаемость, а в

* Max Planck Institute for Demographic Research (Rostock, Germany).

** Population Studies Center, University of Pennsylvania (Philadelphia, USA).

*** Carlo F. Dondena Centre for Research on Social Dynamics at Bocconi University (Milan, Italy).

¹ Оригинал статьи: Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. High development and fertility: fertility at older reproductive ages and gender equality explain the positive link // MPIDR Working Paper WP 2011-017, October 2011.

бедных странах – низкая». Уже с конца 2003 – начала 2004 гг. бóльшая часть мирового населения живет в регионах с рождаемостью ниже уровня простого воспроизводства [Morgan and Taylor, 2006; Wilson, 2004]. Европейская Комиссия, обеспокоенная таким развитием событий и их социальными и экономическими последствиями, назвала падение рождаемости ниже уровня 1,5 ребенка на женщину одним из ключевых вызовов для политиков [European Commission, 2005]. Большинство стран с уровнем рождаемости ниже 1,5, испытывая все возрастающее беспокойство, пытаются в настоящее время повысить показатели, проводя особую политику [United Nations, 2010] и считая необходимым начинать ее реализацию заблаговременно [Demeny, 2003]. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, или OECD) недвусмысленно объявляет своей целью предоставление людям возможности в полной мере реализовать свои репродуктивные планы, предполагая, что реальное число рожденных в семье детей обычно ниже желаемого [OECD, 2011]. Эти выводы основаны на ретроспективном и перспективном анализе тенденций изменения суммарных коэффициентов рождаемости, хотя совершенно очевидно, что отчасти снижение рождаемости вызвано откладыванием рождений [Kohler, Billari and Ortega, 2002; Sobotka, 2004].

До недавнего времени отрицательная корреляция между рождаемостью и развитием была одним из наиболее часто приводимых фактов и теоретических конструкций в рамках дебатов «население и развитие» [Bongaarts and Watkins, 1996; Bryant, 2007; Lee, 2003]. Хотя социально-экономическое развитие не было принципиальным объяснением различий в тенденциях рождаемости, идея о том, что снижение рождаемости едва ли можно повернуть вспять [Bongaarts, 1998; Butler, 2004; Frejka and Calot, 2001; Kohler et al., 2002; Lutz, O'Neill and Scherbov, 2003; Lutz, Sanderson and Scherbov, 2008], была довольно распространенной; при этом связь между развитием и рождаемостью считалась обратной. Тем не менее результаты ряда недавних исследований опровергают тезис о продолжающемся снижении рождаемости в развитых странах. Используя данные о рождаемости и социально-экономическом развитии для 143 стран в 1975–2005 гг., Мирскиля, Кёлер и Биллари [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009] обнаружили, что, если в странах с низким и средним уровнем развития прогресс сопровождается снижением рождаемости, в высокоразвитых странах прогресс в развитии может повернуть падение рождаемости вспять. Отмеченный нами в наиболее развитых странах факт смены обратной связи между рождаемостью и развитием напрямую подтверждается растущим числом публикаций о росте показателей рождаемости во многих развитых странах, начавшемся еще до экономического кризиса конца 2000-х гг. [Caltabiano, Castiglioni and Rosina, 2009; Furuoka, 2010; Goldstein, Sobotka and Jasilioniene, 2009; Luci and Thevenon, 2010; Sobotka, 2008; Trovato, 2010]. При разработке сценариев, использованных ООН для самых последних прогнозов населения, эта идея учтена в вероятностных прогнозах рождаемости: предполагается, что переход от рождаемости ниже уровня простого воспроизводства к уровню, обеспечивающему его, в высокоразвитых сообществах вполне вероятен [Alkema et al., 2011]. Первые признаки влияния экономического кризиса 2008 г. (т.е. ухудшения социально-экономического положения) согласуются с гипотезой о положительной связи «развитие – рождаемость», поскольку в ряде

публикаций отмечается негативное влияние кризиса на показатели рождаемости [Sobotka, Skirbekk and Philipov, 2011].

В настоящей статье мы пытаемся пролить свет на механизмы, обеспечивающие изменение знака в связи «развитие – рождаемость», анализируя корреляцию между развитием и повозрастными и когортными профилями рождаемости, а также роль гендерного равенства. Используя данные в период с 1975 по 2008 г. для более чем 100 стран, мы показываем, что изменение знака – с отрицательного на положительный – в связи между развитием и рождаемостью наблюдается как в условных, так и в реальных поколениях и обусловлено, прежде всего, повышением рождаемости в старших репродуктивных возрастах. Анализ изменений в календаре рождений показывает, что, хотя *tempo*-эффект вносит свой вклад в изменение знака на положительный, увеличение *quantum*'а рождаемости является важным фактором этого изменения². Мы также показываем, что положительное влияние развития на показатели рождаемости в высокоразвитых странах обусловлено гендерным равенством: страны, стоящие на высоких позициях с точки зрения здоровья, доходов и уровня образования населения, но отстающие в гендерном равенстве, продолжают переживать снижение рождаемости. Полученные результаты устойчивы к серии проверок, включая регрессионный анализ по группе стран.

Последнее повышение рождаемости в развитых странах: профили и механизмы

В 2008 г. в 30 наиболее развитых странах мира коэффициент суммарной рождаемости (КСР) был менее 1,5, что значительно ниже уровня простого воспроизводства, равного примерно 2,1. Средний КСР в 27 странах Европейского союза был немногим выше – 1,6 [World Bank, 2010]. В развитых странах Восточной Азии рождаемость была еще ниже, составляя в 2008 г. в среднем 1,2 в таких странах, как Сингапур, Япония, Южная Корея и Гонконг [World Bank, 2010]. Хотя в исторической ретроспективе эти показатели рождаемости представляются очень низкими, для многих стран они являются результатом повышения показателей от еще более низких уровней, наблюдавшихся в 1980–1990-е гг. Как отмечали Голдштейн с соавторами [Goldstein et al., 2009] или Бонгаартс и Сobotка [Bongaarts and Sobotka, 2011], с 1998 г. рождаемость, измеряемая в терминах КСР, в большинстве европейских стран росла. В период с 1998 по 2008 г. в 18 странах, расположенных в самых разных регионах Европы, наблюдалось увеличение КСР на 0,2 и более [Bongaarts and Sobotka, 2011; Goldstein et al., 2009]. Если взять Европу в целом, среднее значение КСР выросло с 1,37 в 1999 г. до 1,56 в 2008 г. [Vienna Institute of Demography, 2010]. В этот же период КСР увеличивался и в развитых англоязычных странах (США, Канаде, Соединенном Королевстве, Австралии), но в развитых странах Восточной Азии он продолжал снижаться [World Bank, 2010].

² Tempo и quantum – понятия, предложенные Р.Пресса (*The Dictionary of Demography*. Oxford: Basil Blackwell, 1985) и разлагающие коэффициент суммарной рождаемости на компоненты, связанные с числом рожденных женщиной детей (quantum) и календарем рождений, т.е. их распределением по возрасту матери (tempo) – *Примеч. ред.*

Новую тенденцию роста КСР в наиболее развитых странах следует рассматривать как позитивную с той точки зрения, что растущая рождаемость может снизить темпы старения населения и депопуляции, особенно в долгосрочной перспективе. Данные, полученные Мирскиля, Кёлером и Биллари [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009], показывают, что этот рост рождаемости был обусловлен длительным периодом роста показателей социально-экономического и человеческого развития в странах, находящихся на высоких ступенях развития. Так же как и предыдущие авторы, изучающие связь между рождаемостью и развитием [например, Bongaarts and Watkins, 2006], Мирскиля с соавторами [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009] использовали индекс человеческого развития (ИЧР) для измерения социально-экономического прогресса и развития в широком смысле. ИЧР – основной показатель, используемый Программой развития ООН (UNDP) для мониторинга и оценки человеческого развития в самой общей трактовке [UNDP, 2011]. Для каждой страны и каждого календарного года ИЧР объединяет в себе три основных показателя социально-экономического прогресса: 1) состояние здоровья, выражающееся в средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении; 2) уровень жизни, измеряемый как логарифм ежегодного ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США; 3) человеческий капитал, рассчитанный как среднее значение коэффициента грамотности взрослого населения (взятого с весом 2/3) и доли обучающихся на всех уровнях образования (начальное, среднее и высшее) среди населения школьного возраста (взятой с весом 1/3). Рис. 1 дополняет анализ Мирскиля и др. [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009] последними доступными значениями индекса человеческого развития [UNDP, 2011] и КСР [World Bank, 2010] и показывает взаимосвязь рождаемости и развития на две даты: 1975 и 2008 г. Рис. 1 также подтверждает на основе самых свежих данных, что рождаемость отрицательно коррелирует с развитием в странах, где ИЧР не превышает 0,80–0,85, но там, где его уровень выше, связь между рождаемостью и развитием меняет знак и становится положительной. Точка перегиба, видимая на рис. 1, оказалась на 0,5 ниже, чем было представлено в работе Мирскиля с соавторами [Myrskylä, Kohler, Billari, 2009], поскольку в настоящей работе принято новое определение ИЧР, действующее с 2011 г., согласно которому в странах с высоким уровнем развития ИЧР оказался примерно на 0,5 ниже, чем при использовании прежнего определения, Данного в работе 2009 г. Подробнее об этом будет написано в разделе «Данные».

Однако ключевые аспекты изменения знака в связи «развитие – рождаемость» пока еще недостаточно изучены. Во-первых, неизвестны основные демографические механизмы, обеспечившие это изменение. Какие возрастные группы вносят основной вклад в настоящее повышение рождаемости в высокоразвитых странах? Видны ли признаки этого повышения в когортах? Возрастные и когортные профили являются важнейшими элементами для понимания того, связано ли наблюдаемое повышение показателей рождаемости с изменениями числа рожденных детей или же календаря рождений. Во-вторых, поскольку среди случаев прямой связи рождаемости и развития есть несколько важных исключений, важно знать, какие факторы запускают процесс изменения знака этой связи. В частности, является ли высокий уровень гендерного равенства – индикатор социального климата, благоприятного для сочетания карьеры и семьи – необходимым условием изменения знака? В-третьих, может ли изменение

знака в связи «рождаемость – развитие» быть опосредовано демографическими факторами, в частности, изменением в календаре рождений, которое ранее играло роль фактора, понижающего КСР, но в последние годы его влияние стало ослабевать [Bongaarts, 2002; Bongaarts and Feeney, 1998; Goldstein et al, 2009; Sobotka, 2004]?

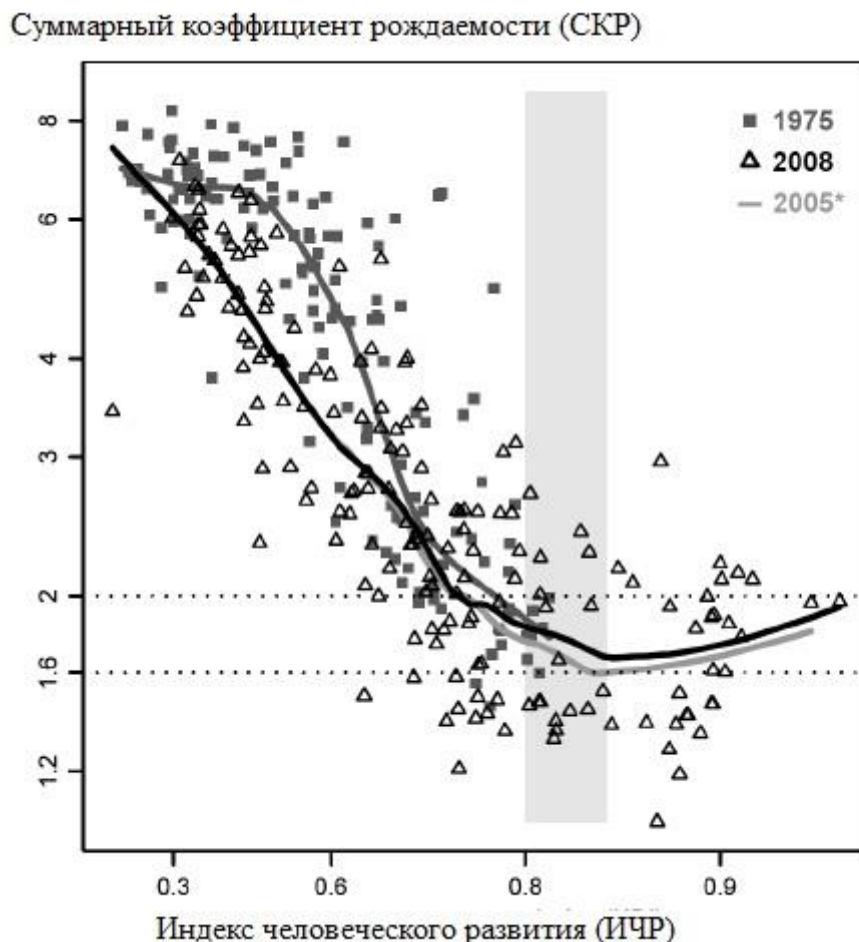

Рис. 1. Связь между суммарным коэффициентом рождаемости (СКР) и индексом человеческого развития (ИЧР) по странам в 1975, 2005 и 2008 г.: точечный график и сглаженная кривая

Примечания:

1. Чтобы не загромождать график, мы приводим для 2005 г. только кривую, а не точки.
2. Страны, вошедшие в зону ИЧР = 0,80–0,84 к 2008 г.: Аргентина, Венгрия, Катар, Латвия, Ливия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Уругвай, Хорватия, Чешская Республика, Чили, Эстония.
3. Страны с ИЧР не ниже 0,85 в 2008 г.: Австралия, Австрия, Бельгия, Бруней, Канада, Дания, Германия, Гонконг, Греция, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кувейт, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Сингапур, Словения, Соединенное Королевство, США, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Япония (3). Мы подтвердили статистическую значимость прямой корреляции КСР–ИЧР на высоких уровнях развития, оценив с помощью t -коэффициента Кендалла ранговую корреляцию между КСР и ИЧР в 2008 г. Для значений ИЧР $< 0,80$, $0,80–0,84$ и $\geq 0,85$ корреляция была $-0,63$ ($n = 126$, $p < 0,001$), $0,01$ ($n = 18$, $p > 0,10$) и $0,29$ ($n = 30$, $p < 0,05$), соответственно. Для других лет корреляция была аналогичной.
4. Оси шкалированы для того, чтобы сосредоточить внимание на развитых странах с низким и средним уровнем рождаемости, но при этом сохранить на графике и менее развитые страны. Мы используем логарифмическую шкалу со значениями $ИЧР^* = -\log(1-ИЧР)$ и $КСР^* = \log(0,49 \times КСР)/31$, где 0,49 – вероятность рождения девочки, а 31 – средний возраст матери в годах. Анализ

КСР важен, поскольку позволяет оценить влияние рождаемости на долгосрочную динамику населения. С этой целью демографы обычно ссылаются на теорию стабильного населения, связывающую фиксированные показатели рождаемости и смертности с долгосрочной динамикой населения [Preston, Heuveline and Guillot, 2001]. Разность коэффициентов прироста населения в долгосрочной динамике пропорциональна логарифму от КСР, поэтому маленькие различия в КСР имеют большее влияние при низких, чем при высоких показателях рождаемости. Это отражено в логарифмической шкале КСР на рис. 1. Шкалирование горизонтальной оси подчеркивает различия в уровнях ИЧР между высокоразвитыми странами, расположенными в относительно узкой зоне значений ИЧР.

Во всех развитых странах снижение рождаемости сопровождалось увеличением среднего возраста матери при рождении первого ребенка [Bongaarts and Sobotka, 2011; Frejka, Jones and Sardon, 2010; Frejka, Sobotka, 2008; Kohler et al., 2002; McDonald, Moyle, 2011; Ogawa, Retherford, Matsukura, 2006; Sobotka, 2004]. Хорошо известно, что откладывание рождений может спровоцировать отклонение от запланированного репродуктивного поведения [Bongaarts, Feeney, 1998]. Если процесс откладывания рождений представляет собой переход к новым профилям повозрастной рождаемости [Kohler et al., 2002], то когда его темп замедляется – как это произошло в нескольких странах, находящихся в некой «пограничной» зоне социально-экономического развития, – отклонение от репродуктивного поведения может уменьшиться, вызвав в результате рост наблюдаемого КСР вследствие изменений в календаре рождений [Frejka, 2010; Goldstein et al., 2009]. Изменение знака корреляции между развитием и рождаемостью на положительный может быть отнесено на счет *tempo*-эффекта, и это изменение сохраняется и при включении в регрессионные модели среднего возраста матери при первом рождении в качестве независимой переменной [Myrskylä et al., 2009]. Вполне возможно, что социально-экономическое развитие является своего рода спусковым механизмом для изменений в календаре рождений, что может быть интерпретировано как ослабление *tempo*-эффекта.

Чтобы ответить на вопрос, связан ли рост рождаемости, обусловленный уровнем развития, с *tempo*- или *quantum*-эффектом, мы анализируем недавний рост показателей рождаемости по возрасту (с поправкой на влияние календаря) и по когортам. Поскольку откладывание рождений означает их перенос из молодых в старшие возраста, мы ожидаем, что рост КСР будет обусловлен повышением рождаемости в старших возрастах. Анализ повозрастных и когортных профилей рождаемости, с учетом влияния календаря рождений, поможет нам понять природу повышения рождаемости и соотношение вкладов *tempo*- и *quantum*-факторов в это повышение. Если недавнее повышение рождаемости связано в основном с изменением календаря, мы увидим очень слабую (если вообще увидим) связь между развитием и рождаемостью. Аналогичным образом, отрицательная корреляция – или отсутствие таковой – между когортной рождаемостью и социально-экономическим развитием позволит предположить, что положительные изменения показателей рождаемости связаны только с календарем. Однако, если развитие повышает рождаемость через ее количественный компонент (*quantum*-эффект), можно ожидать положительной корреляции показателей развития как с КСР, очищенным от влияния календаря, так и с когортной рождаемостью.

Вторым аспектом недавнего повышения рождаемости, которому пока уделяется мало внимания, является механизм, посредством которого преимущество в развитии может повернуть вспять негативную тенденцию снижения рождаемости [Furuoka, 2010; Myrskylä et al., 2009]. Если анализ повозрастных и когортных профилей рождаемости может пролить свет на демографические механизмы, связывающие развитие и рождаемость, более глубокое понимание этого процесса требует теоретического осмысления на уровне социетальных переменных, а также изучения схем повышения рождаемости в различных контекстах. При наблюдаемой гетерогенности институционального, культурного и политического контекста в развитых странах, механизм, посредством которого развитие повышает рождаемость, не может быть универсальным, но должен зависеть от контекста. В частности, исследование исключений в позитивной связи «развитие – рождаемость» в таких высокоразвитых стран, как Япония, Канада или Австрия, в которых снижение рождаемости продолжается [Myrskylä et al., 2009], позволит лучше понять природу повышения рождаемости в последние годы.

П. Макдоналд [McDonald, 2000] утверждал, что устойчиво низкая рождаемость ведет к фундаментальным изменениям в жизни женщины. Точнее говоря, он приписывает возникновение очень низкой рождаемости конфликту между высокой степенью гендерного равенства в институтах, ориентированных на индивида, и низкой – в институтах, ориентированных на семью. Г. Эспин-Андерсен [Esping-Andersen, 2009] полагает, что очень низкая рождаемость – побочный продукт незавершенного перехода от «старой» системы гендерного неравенства, основанной на роли мужчины-кормильца, к «новой» системе гендерного равенства. Таким образом, гендерное равенство можно рассматривать как потенциальное дополнительное условие изменения знака в корреляции «развитие – рождаемость». Лишь в немногих странах высокий уровень социально-экономического развития может быть достигнут без активного участия женщин в трудовой деятельности³. Расширение участия женщин в экономике обычно происходит в условиях, когда институциональная инфраструктура и культурные традиции не подготовлены к тому, чтобы помочь женщинам приспособиться и к работе, и к воспитанию детей; это приводит к снижению рождаемости, по крайней мере, временно. Гендерное равенство становится ключевым фактором для последующей адаптации к ситуации, и одновременная мобилизация предложения женского труда и обеспечение гендерного равенства в оплачиваемом и неоплачиваемом труде становится основной целью практической политики [OECD, 2011].

Несмотря на важность гендерной составляющей, попытки эмпирически оценить связь между гендерным равенством и рождаемостью были очень немногочисленными [Mills, 2010]. Этот недостаток внимания к эмпирическим оценкам может быть связан с проблемой измерения, поскольку исследователю доступны лишь несколько показателей гендерного (не)равенства, построенных с различными целями. Что

³ Высокие показатели занятости женщин являются отличительной чертой послевоенного экономического прогресса в большинстве развитых стран. Основные исключения составляют такие страны, как Бруней, ОАЭ или Бахрейн, обладающие значительными природными ресурсами, в частности нефтью. Эта особенность национальной экономики позволила странам, богатым ресурсами, достичь высокого уровня экономического развития без значительного привлечения женщин в экономику.

касается гендерного равенства как связующего звена между развитием и рождаемостью, факторы, благодаря которым гендерное равенство может опосредовать влияние развития на рождаемость, определяются контекстом [Gauthier, 2007; Thévenon, 2011]. В зависимости от культуры, доминирующей в обществе, различные меры государственной политики могут быть сосредоточены на поддержке работающих родителей с маленькими детьми, как в Северной Европе, или на финансовой поддержке многодетных семей с низким доходом, как в англо-саксонских странах, или же политика в отношении рождаемости и семьи может финансироваться по остаточному принципу, как это происходит на юге Европы или в Восточной Азии [Frejka et al., 2010; Thévenon, 2011]. Эффективность мер государственной политики в каждой отдельной стране не определяется однозначно. Однако в целом в литературе встречаются предположения, что меры, направленные на достижение гендерного равенства, могут влиять на рождаемость, хотя неясно, что именно они изменяют: календарь или число рождений [Gauthier, 2007; Luci, Thévenon, 2011; McDonald, 2006; Neyer, Andersson, 2008]. Нельзя также с уверенностью утверждать, что меры, эффективные в одном контексте, будут оказывать аналогичное влияние в другом. Самым ярким примером можно считать доступность детских дошкольных учреждений, вызвавшую рост рождаемости в Швеции [Rindfuss et al., 2010]. В ином контексте, к примеру, в Германии, где культурные нормы менее благоволят к работающим матерям [Ruckdeschel, 2009], простое обеспечение местами в детских садах не дало видимого эффекта. Эти социальные нормы являются потенциально важными детерминантами механизмов, через которые гендерное равенство могло бы влиять на связь «развитие – рождаемость». Поэтому и политика, направленная на повышение рождаемости, и эффективность этой и любой другой политики, вероятнее всего, будут зависеть от контекста.

Разрыв между желаемым числом детей, полученным из опросов, и наблюдаемыми КСР [D'Addio, D'Ercole, 2005; Goldstein, Lutz, Testa, 2003; van Peer, 2002] показывает, что в обществе существует спрос на меры, способствующие рождению и воспитанию детей. Непредвиденные трудности, возникающие при попытке сочетать семейную жизнь с карьерой, часто расцениваются как важный фактор, ограничивающий женщин и семьи в реализации их репродуктивных намерений. На высоких уровнях развития правительство может влиять на низкую рождаемость, внедряя меры, которые помогали бы сочетать работу и воспитание детей. Страны с высоким уровнем гендерного равенства могут быть более успешны в этом, чем страны, отстающие в развитии институциональных структур и создании новых культурных традиций, способных смягчить конфликт между семьей и работой.

Данные

Основой для последующего анализа служат данные о календарной и когортной рождаемости, об уровне социально-экономического развития (измеряемого с помощью ИЧР) и о гендерном равенстве, выраженном в виде индекса общего гендерного разрыва (ИГР) для 176 стран (см. табл. А.1 в Приложении). Для календарной рождаемости мы

используем как КСР⁴, так и повозрастные коэффициенты рождаемости в группах 15–29 и 30–49 лет. Источником информации о КСР является база данных Всемирного банка «Индикаторы развития» (*World Bank Development Indicators Database*) [World Bank, 2010]. Чтобы получить повозрастные показатели рождаемости, мы скомбинировали информацию из баз данных *United Nations World Fertility Patterns* [United Nations, 2009], *Human Fertility Database* (2011) и Евростата [Eurostat, 2011] с данными, полученными из других источников. Чтобы построить календарь рождений, мы использовали данные о среднем возрасте при рождении для календарных лет, рассчитанные по одногодичным (по возрасту и по календарному году) показателям рождаемости для 35 стран⁵. Для большинства стран источниками данных были *Human Fertility Database* или *Eurostat*. Данные для Австралии, Кореи, Новой Зеландии и Японии были получены из национальных статистических комитетов или лично от исследователей (см. Приложение). В когортном анализе мы использовали кумулятивную рождаемость когорты 1970 г. рождения, которая во время написания статьи еще не завершила деторождение. Мы использовали показатели рождаемости по одногодичным интервалам возраста и календарного года для 35 стран, полученные из *Human Fertility Database*, *Eurostat* или непосредственно от исследователей (см. Приложение) как основу для дополнения рождаемости этой когорты, применив метод «замороженных показателей». В соответствии с этим методом, последние наблюдаемые

4

Показатели рождаемости для условных поколений показывают, сколько детей могла бы родить женщина в течение репродуктивного периода, если бы на протяжении ее жизни повозрастные показатели рождаемости были такими же, как в данном календарном году. В литературе отмечались недостатки измерения рождаемости с помощью этого показателя [Bongaarts, Feeney, 1998; Sobotka, Lutz, 2009]. Тем не менее есть несколько причин для его использования в анализе рождаемости. Во-первых, критика КСР заключается в том, что он очень подвержен влиянию календаря рождений. Мы признаем этот недостаток и подкрепляем анализ КСР анализом когортных показателей и поправками на эффект календаря. Во-вторых, границы анализа определяются доступностью данных, и это также верно для нашего исследования. КСР – единственный способ измерения поведенческих факторов рождаемости, доступный для многих стран и длинных периодов, а также единственный показатель, для которого возможен широкомасштабный продольный анализ связи между развитием и рождаемостью. В-третьих, КСР остается наиболее широко используемым показателем рождаемости, поскольку является ключевой детерминантой числа рождений в данном календарном году и, следовательно, старения и динамики численности населения. И наконец, большинство политических дебатов о тенденциях рождаемости базируются именно на КСР [Balter, 2006].

⁵ В лонгитюдинальных регрессиях КСР на ИЧР мы используем данные для 35 стран и средний возраст матери как переменную, позволяющую скорректировать влияние изменений в календаре рождений (см. раздел «Результаты»). Использование среднего возраста матери в качестве независимой переменной является альтернативой использованию КСР, скорректированного на эффект календаря рождений, и выбор между ними диктуется главным образом доступностью данных: для 35 стран временные ряды скорректированных на эффект календаря КСР начинаются с 1975 г., а данные о рождаемости по порядку рождения, необходимые для расчета КСР, скорректированных на эффект календаря, не всегда доступны. Также в качестве независимой переменной можно использовать средний возраст матери при первом рождении, но эта информация доступна не для всех 35 стран, включенных в лонгитюдинальный регрессионный анализ. Следовательно, мы используем средний возраст матери, которых зависит от тайминга рождений, а также от распределения рождений по порядку. Изменение в распределении числа рождений по порядку рождения искажает измерения и делает средний возраст матери неоптимальным показателем для учета влияния календаря. Тем не менее из всех доступных данных средний возраст матери является лучшим показателем для учета изменений в календаре рождений. В качестве самой грубой оценки надежности среднего возраста матери как показателя, ухватывающего влияние изменений в календаре рождений на КСР, мы сделали регрессию КСР на квадрат среднего возраста матери, используя продольные данные для всех 35 стран и контролируя результат на фиксированные эффекты года и страны. Если средний возраст матери ухватывал это влияние, связь между ним и КСР должна в графическом виде представлять перевернутую *U*: с ростом среднего возраста матери КСР сначала снижается, но когда рост среднего возраста замедляется, сдерживающий эффект должен ослабевать, и КСР должен расти. Это подтвердилось нашими наблюдениями: очищенный от календарного и странового влияния, КСР снижался до тех пор, пока средний возраст матери не достиг 25 лет, затем стал расти и был на 0,2 выше для среднего возраста, равного 28 лет, чем для 25 лет.

повозрастные показатели рождаемости (относящиеся для большинства стран к 2008 г.) экстраполировались в будущее [Cheng and Goldstein, 2010].

Так же как Бонгаартс и Уоткинс [Bongaarts, Watkins, 1996], изучавшие в свое время связь «рождаемость – развитие», мы измеряем уровень социально-экономического развития, используя индекс человеческого развития (ИЧР), публикуемый Программой развития ООН (UNDP). ИЧР объединяет три измерения социально-экономического прогресса – здоровье населения, уровень жизни и человеческий капитал – в единый показатель, рассчитываемый для каждого календарного года [UNDP, 2011]. UNDP время от времени корректирует определение ИЧР, усложняя этим как сравнительный межстрановой анализ, так и анализ временных рядов. К примеру, до 2010 г. ИЧР рассчитывался как среднее арифметическое его составных частей, но в версии 2011 г. стал рассчитываться как среднее геометрическое; изменилась и методика расчета его составляющих⁶.

Единственная вариация ИЧР, которая сопоставима на протяжении длительного периода времени и для которой UNDP публикует ежегодные значения, была введена одновременно с пересмотренной версией ИЧР 2011 г. Эта вариация использует ту же функциональную форму (среднее геометрическое), что и версия 2011 г., но в качестве индикаторов здоровья, образования и дохода в нее входят те составляющие, которые использовались до 2010 г. включительно. Таким образом, когерентная во времени вариация ИЧР рассчитывается как среднее геометрическое трех показателей: 1) здоровья населения, выраженного средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении; 2) уровня жизни, рассчитанного как логарифм ежегодного ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США; 3) человеческого капитала, рассчитанного как среднее арифметическое значение доли грамотных во взрослом населении и доли обучающихся на всех уровнях образования (начальное, среднее и высшее) среди населения школьного возраста⁷. UNDP использует именно эту вариацию ИЧР в своем анализе трендов; чтобы сохранить постоянство показателей во времени и обеспечить сравнимость, мы также будем использовать ее. Она слегка отличается от показателей, полученных в предыдущей работе [Myrskylä et al., 2009], когда авторы сами рассчитывали когерентный во времени ИЧР, исходя из временных рядов значений продолжительности жизни, образования и ВВП на душу населения, поскольку сопоставимые временные ряды UNDP в это время еще не публиковались.

Когерентный во времени ИЧР рассчитывается с использованием неизменных во времени шкалированных значений для каждого индекса. Таким образом, в каждой стране значения ИЧР можно сравнивать между собой независимо от периода. Это

⁶ К примеру, для расчета индекса образования, ранее основанного на доле грамотных и доле учащихся, теперь используется число лет обучения; индекс дохода, который рассчитывался, исходя из ВВП на душу населения, с 2011 г. основывается на показателе валового национального дохода на душу населения.

⁷ Этот показатель, который в терминах UNDP обозначается как гибридный ИЧР (но мы для краткости называем его ИЧР), рассчитывается как среднее геометрическое шкалированных ожидаемой продолжительности жизни (LE), образования (EI) и дохода (II) по следующей формуле: $(LE \times EI \times II)^{1/3}$, где индексы получены следующим образом:

$LE = (e_0 - 20)/(83,166 - 20)$, где e_0 – средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении;

$EI = (LIT \times GER)^{1/2}$, где $LIT = (Lit - 0)/(99 - 0)$; Lit – доля грамотных во взрослом населении; $GER = (Ger - 0)/(115,8192 - 0)$; Ger – доля обучающихся на всех уровнях образования (начальное, среднее и высшее) среди населения школьного возраста;

$II = (\ln(GDP) - \ln(163,28143))/(\ln(106769,74) - \ln(163,28143))$, где GDP – ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в долларах США в 2000 г.

очень важное отличие от прежнего, использовавшегося до 1999 г., определения ИЧР, когда шкалированные значения зависели от текущих минимальных и максимальных значений. С фиксированными шкалированными значениями ИЧР может подниматься выше максимального наблюдаемого, если развитие прогрессирует, и здоровье, уровень жизни и/или человеческий капитал улучшаются. Постоянные шкалированные значения также предполагают, что страны не обязательно группируются близко к максимальному значению, равному единице, как только достигают очень высокого уровня развития. Когерентность ИЧР во времени дает возможность определить, повлияли ли на рождаемость внутренние изменения в развитии каждой страны в период 1975–2008 гг., и если да, то каким образом.

Когерентный во времени ИЧР, используемый в этом исследовании, действующая в настоящее время его официальная «геометрическая» версия и более ранняя «арифметическая», использованная в работе Мирскиля и др. [Myrskylä et al., 2009], очень близки. К примеру, коэффициент корреляции между когерентным во времени («гибридным») ИЧР, версией ИЧР 2011 г. и более ранней версией, рассчитанной как среднее арифметическое, не опускается ниже 0,98 ни в один из следующих годов: 1980, 1985, 1990, 1995, 2000, 2005, а также в 2008 г. – последнем, для которого были опубликованы данные *UNDP* в момент написания статьи.

Таким образом, маловероятно, что использование альтернативных методов оценки ИЧР (что практически невозможно реализовать из-за отсутствия длинных рядов данных) даст существенно различающиеся результаты. Основное отличие заключается в том, что индексы, рассчитанные с помощью средних геометрических (как когерентный во времени ИЧР, так и его версия 2011 г.), в странах с высоким уровнем развития в среднем примерно на 0,5 ниже, чем индексы, рассчитанные как средние арифметические и использовавшиеся как *UNDP* до 2010 г. включительно, так и в работе Мирскиля и соавторов [Myrskylä et al., 2009]⁸. Поскольку в последней работе авторы обнаружили смену знака в связи «рождаемость – развитие» с отрицательного на положительный в странах, где «арифметический» ИЧР был на уровне 0,85–0,9, то рассчитывая ИЧР как среднее геометрическое, мы можем предполагать, что точка перегиба будет располагаться на 0,5 ниже, т.е. на уровне ИЧР, равного 0,8–0,85.

Мы измеряем гендерное равенство, используя индекс гендерного разрыва (*Global Gender Gap Index*), предложенный Всемирным экономическим форумом [Hausmann, Tyson and Zahidi, 2010]. Этот индекс измеряет гендерное равенство (высокие значения означают высокую степень равенства, низкие – соответственно низкую) в политической и экономической деятельности и возможностях, в здоровье и долголетию, в доступе к образованию. Индекс измеряет скорее разрыв, чем уровни, поэтому может принимать высокие значения даже в тех случаях, когда положение женщин и мужчин одинаково неблагоприятно. Примечательно, что Д. де ла Круа и В.Донкт [de la Croix,

⁸ Регрессия когерентных во времени ИЧР (*HDI*) на предыдущую версию ИЧР, основанную на средних арифметических (*HD1a*), для 2005 г. дает следующее уравнение:

$$HDI = -0,044 + 0,975 \times HD1a \quad (R^2 = 0,994),$$

что определяет разницу в 0,6 между *HDI* и *HD1a* (первый показатель ниже на эту величину) при ИЧР = 0,80.

Donckt, 2010] используют этот индекс в своем эмпирическом анализе связи между расширением возможностей женщин и началом перехода в рождаемости⁹.

Результаты

В следующих четырех разделах мы представим наши результаты. Прежде всего мы проанализируем возрастные профили рождаемости в высокоразвитых странах, в которых она повысилась в последние годы. Затем изучим роль гендерного равенства в этом повышении рождаемости. Наконец, мы оценим связь этого повышения с показателями рождаемости в реальных поколениях. Во всех трех разделах выводы будут подкрепляться графическими иллюстрациями. В последнем разделе мы применим к нашим данным лонгитюдную регрессию (или регрессию временных рядов) для оценки устойчивости основных результатов анализа в зависимости от специфики страны, динамических изменений и календаря рождений.

Повозрастная рождаемость и изменение знака в связи «развитие – рождаемость»

Рисунок 2 дополняет графическое изображение связи «развитие – рождаемость» в межстрановом сравнении, представленное на рис. 1, связью ИЧР с повозрастными показателями рождаемости, а именно, с рождаемостью в возрастах до и после 30 лет, в 1985 и 2005 гг.¹⁰ Для обеих дат рождаемость до 30 лет имеет отрицательную корреляцию с развитием для ИЧР ниже 0,8 (коэффициент ранговой корреляции Кендалла равен $-0,58$ ($p < 0,001$) для 1985 и $-0,56$ ($p < 0,001$) для 2005 г.). При более высоких значениях ИЧР его связь с рождаемостью до 30 лет не меняется. Для 1985 г. число стран с ИЧР выше 0,8 слишком мало для анализа, но для 2005 г. ранговая корреляция равна 0,00 ($n = 13$, $p > 0,10$) в странах с ИЧР, равным 0,80–0,84, и 0,17 ($n = 29$, $p > 0,10$) в странах с ИЧР, равным 0,85 и выше.

Аналогичным образом, рождаемость в возрастах старше 30 лет имеет обратную зависимость от ИЧР в странах, где этот индекс не превышает 0,8. Для 1985 и 2005 г. ранговая корреляция была равна $-0,55$ ($p < 0,001$) и $-0,54$ ($p < 0,001$), соответственно. Однако на уровне ИЧР, равном 0,80–0,84, зависимость становится прямой. В 1985 г.

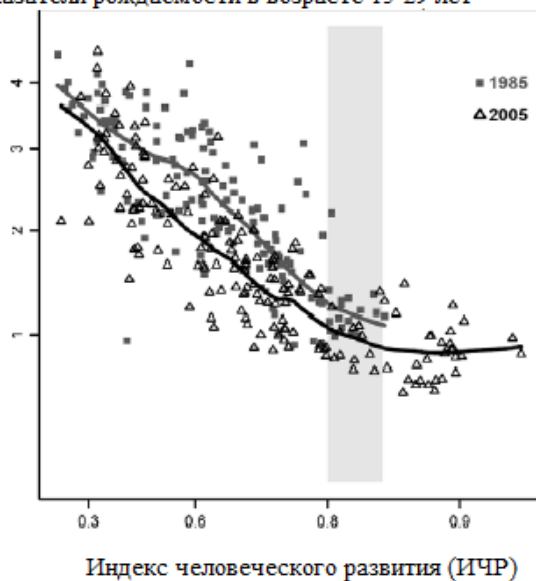
⁹ Альтернативы Глобальному индексу гендерного разрыва (*GGG*), такие, как гендер-зависимый индекс развития *UNDP* (*GDI*) или показатель гендерного присутствия во власти (*GEM*), также могут быть использованы в анализе [Mills, 2010]. *GDI* измеряет гендерные различия в тех же базовых возможностях, что и ИЧР, но применяет «штрафы за неравенство», так что *GDI* снижается, когда разница между достижениями мужчин и женщин растет. Таким образом, *GDI* – это тот же ИЧР, но пониженный за счет гендерного неравенства. Это может объяснить, почему Миллз [Mills, 2010] считает, что этот показатель (*GDI*) имеет наиболее сильную корреляцию с репродуктивными намерениями. *GEM*, в свою очередь, оценивает прогресс в представительстве женщин на политических и экономических форумах. Это показывает, в какой степени женщины и мужчины способны активно участвовать в экономической и политической жизни и в принятии решений. Если *GDI* фокусирует внимание на расширении возможностей, *GEM* оценивает степень реализации этих возможностей. Но мы предпочитаем *GGG* альтернативным показателям *GDI* и *GEM* по трем причинам. Во-первых, *GGG* измеряет гендерное равенство независимо от уровня развития, и может быть высоким в тех случаях, когда и женщины, и мужчины находятся в одинаково неблагоприятном положении. Это не наблюдается для *GDI*, который измеряет достижения в тех же базовых возможностях, что и ИЧР, но вводит штрафы за разницу в равенстве мужчин и женщин. Во-вторых, компоненты экономического и политического равенства, включенные в *GGG*, учитывают все измерения, производимые с помощью *GEM*. Следовательно, информация, содержащаяся в *GEM*, немного добавит по сравнению с компонентами *GGG*. В-третьих, мы оценивали связь, используя вышеприведенные альтернативные индикаторы гендерного равенства, и результаты получились количественно похожими.

¹⁰ Мы используем 1985 и 2005 г., потому что для многих стран повозрастные показатели недоступны для конечных точек периода – 1975 и 2008 г.

число стран с ИЧР $> 0,8$ слишком мало для анализа, но для 2005 г. ранговая корреляция между развитием и рождаемостью в возрастах старше 30 лет равна 0,30 ($n = 13$, $p > 0,10$) в странах с ИЧР, равным 0,80–0,84, и 0,31 ($n = 29$, $p < 0,05$) в странах с ИЧР, равным 0,85 и выше. Двойственный характер связи между развитием и повозрастной рождаемостью – устойчиво отрицательная или нулевая корреляция между ИЧР и рождаемостью до 30 лет, и меняющая знак на положительный для рождаемости после 30 лет – соответствует практике откладывания рождений, когда снижение рождаемости в молодых возрастах сопровождается ее повышением в старших.

А) ИЧР и рождаемость, 15-29 лет

Показатели рождаемости в возрасте 15-29 лет

Б) ИЧР и рождаемость, 30-49 лет

Показатели рождаемости в возрасте старше 30 лет

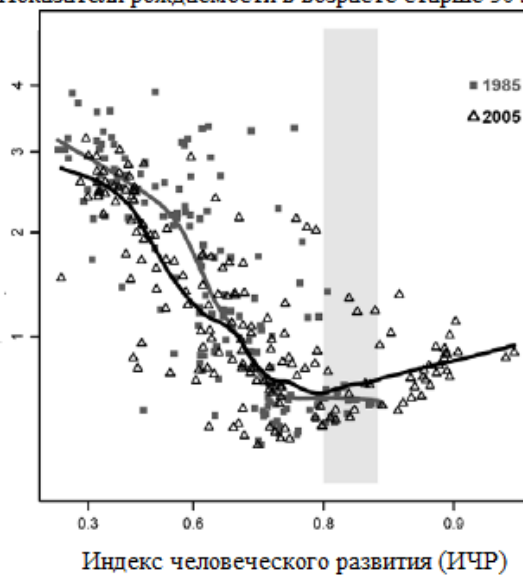

Рис. 2. Страновой анализ связи между повозрастной рождаемостью и ИЧР, 1985 и 2005 г.: а) возрастная группа 15–29 лет; б) возрастная группа 30 лет и старше

Примечания:

- 1) Как и на рис. 1, оси шкалированы с использованием следующих логарифмических преобразований: $KCP^* = \log(0,49 \times KCP)/31$; $ИЧР^* = -\log(1 - ИЧР)$.
- 2) Мы подтвердили нулевую корреляцию между развитием и рождаемостью в возрастах до 30 лет и перемену знака с отрицательного на положительный в возрастах старше 30 лет на высоких уровнях развития, рассчитав τ -коэффициент ранговой корреляции Кендалла между повозрастной рождаемостью и ИЧР для 2005 г. Для рождаемости в возрастах 15–29 лет корреляция была $-0,56$ ($n = 130$, $p < 0,001$), $0,00$ ($n = 13$, $p > 0,10$) и $0,17$ ($n = 29$, $p > 0,10$) для значений ИЧР $< 0,80$, $0,80-0,84$ и $\geq 0,85$, соответственно. Для возрастной группы 30–49 лет корреляции были $-0,54$ ($n = 127$, $p < 0,001$), $0,30$ ($n = 13$, $p > 0,10$) и $0,31$ ($n = 29$, $p < 0,05$) для значений ИЧР $< 0,80$, $0,80-0,84$ и $\geq 0,85$, соответственно.

Анализ также подтверждает, что корреляция меняет знак на положительный при уровнях ИЧР, равных 0,80–0,84, но определяющим фактором этой смены знака является рождаемость в возрастах старше 30 лет. Таким образом, реализация отложенных рождений, известная как ключевой дискриминант для количественной характеристики рождаемости на уровне ниже необходимого для простого воспроизводства [Billari and Kohler, 2004; Frejka et al., 2010; Lesthaeghe, 2010; Lesthaeghe, Willems, 1999], является еще и механизмом смены знака в связи «развитие – рождаемость» при высоком уровне развития.

Подтверждаются ли результаты нашего межстранового анализа, если мы посмотрим на траекторию связи между развитием и рождаемостью на уровне одной страны? Рис. 3 дополняет межстрановой сравнительный анализ динамической перспективой, показывая траектории рождаемости для некоторых стран. График содержит кривые, описывающие связь ИЧР и КСР для всех 30 стран, для которых доступны временные ряды данных и в которых ИЧР к 2008 г. достиг значения 0,85. Начало отсчета оси X соответствует *контрольному году*, тому, в котором ИЧР в этой стране вошел в зону 0,80–0,84. Это та область значений, в которой кривые связи ИЧР с КСР (и регрессионные оценки, сделанные Мирскиля с соавторами [Myrskylä et al.] в 2009 г.) предположительно меняют направление. Траектории, заканчивающиеся в правой верхней четверти графика, соответствуют странам, в которых рождаемость постоянно повышалась после контрольного года. Те же траектории, которые заканчиваются в нижнем правом углу, описывают снижение рождаемости, происходящее, вопреки нашей гипотезе, при продолжающемся развитии.

Рисунок 3 подтверждает в динамической перспективе то, что поперечный анализ позволяет только предположить: в большинстве стран КСР поднялся выше уровня, достигнутого в контрольном году.

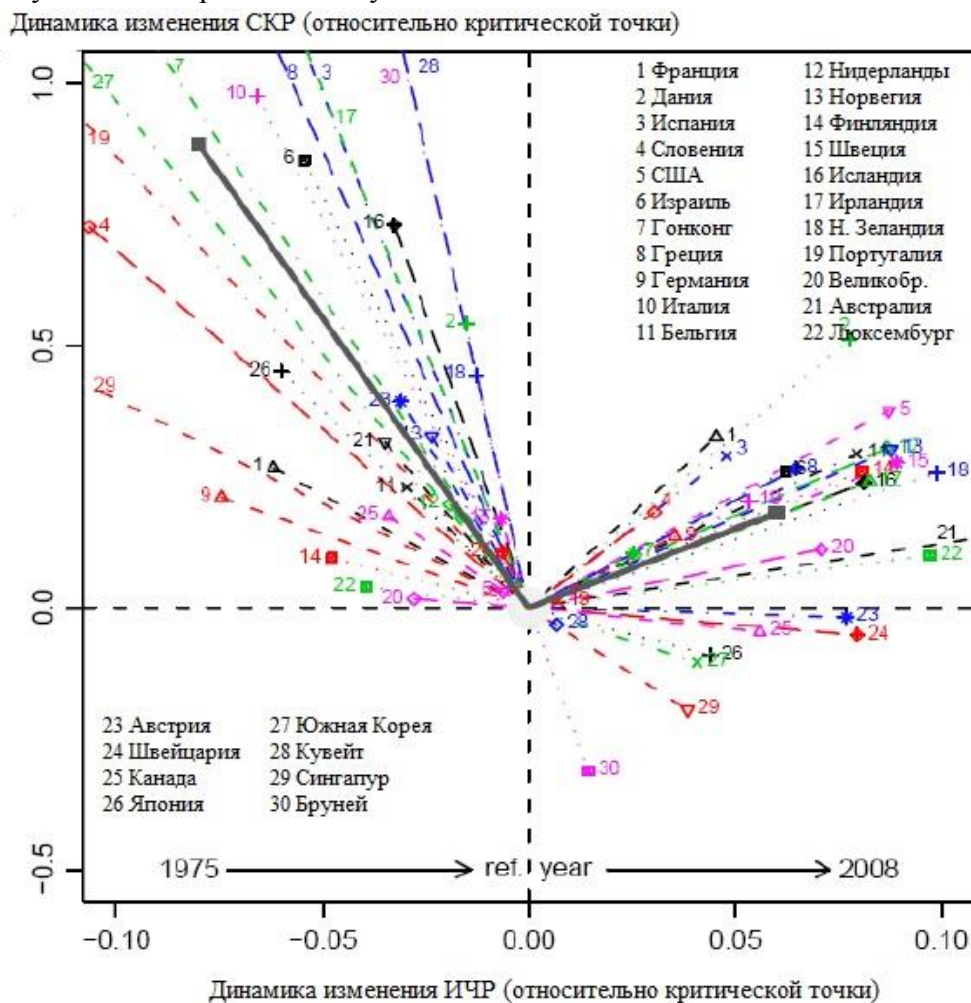

Рис. 3. Динамика связи между коэффициентом суммарной рождаемости (КСР) и индексом человеческого развития (ИЧР)

Примечания:

- 1) На рис. 3 для каждой страны показаны: стартовая точка (которая для большинства стран относится к 1975 г., но для некоторых стран отсчет начинается позже), критическая точка, когда ИЧР в стране находился в зоне значений 0,80–0,84, а рождаемость была самой низкой в этой зоне, и конечная точка траектории. Начальная и конечная точки рассчитаны по отношению к критической точке, которая имеет координаты (0,0) на плоскости значений ИЧР–КСР. Начальная точка соответствует первому году наблюдений и показывает разницу в КСР и ИЧР по сравнению с критическим годом. Соответственно, конечная точка рассчитывается для последнего года наблюдений и также показывает разницу в КСР и ИЧР по сравнению с критическим годом. На рис. 3 представлены все страны, достигшие развития, соответствующего ИЧР $\geq 0,85$ в 2008 г., и для которых были доступные динамические ряды КСР. Во всех странах ИЧР в 2008 г. был выше, чем в критическом году; в 22 из 30 стран, достигших уровня ИЧР $\geq 0,85$ к 2008 г., КСР в 2008 г. был выше, чем в критическом году. Толстая серая линия представляет собой медиану всех наблюдаемых траекторий.

Хотя из этого правила есть исключения (например, Бруней, Сингапур, Япония или Швейцария)¹¹, траектории для большинства стран подтверждают, что из 30 стран, включенных в список высокоразвитых (ИЧР выше 0,84 в 2008 г.), для 22 стран траектория связи ИЧР–КСР имеет форму «j» и заканчивается в правой верхней четверти рис. 3. Толстая серая линия на графике показывает среднюю кривую связи КСР с ИЧР, рассчитанную как медианное значение градиента для всех стран, причем, расчет сделан отдельно для периода до и после контрольного года. Средний наклон кривой КСР–ИЧР до контрольного года составляет $-11,0$; это означает, что до этого года увеличение ИЧР на 0,05 вызывает снижение КСР на 0,55. После контрольного года наклон равен $3,0$, т.е. увеличение ИЧР на 0,05 увеличивает КСР на $0,15$ ¹².

Результаты анализа подтверждают, что с дальнейшим развитием этих 22 стран, достигших уровня ИЧР 0,80 и выше, наблюдаемые ранее тенденции изменения КСР сменились на противоположные. В итоге в 2008 г. рождаемость в этих странах была выше, чем минимум, наблюдаемый в тот период, когда страна находилась в зоне ИЧР = 0,80–0,85. К примеру, в США рождаемость начала повышаться в 1976 г. (контрольный год) при ИЧР = 0,81. После этого рождаемость выросла с 1,74 до 2,10 ребенка на одну женщину. В Швеции рост рождаемости начался в 1978 г., когда ИЧР был равен 0,81, и КСР после этого вырос с 1,60 до 1,91. В Испании точкой поворота стал 1995 г. при ИЧР, равном 0,85; после чего КСР увеличился с 1,17 до 1,46. Япония, напротив, хотя и вошла в зону высоких ИЧР в 1993 г., испытала после этого снижение показателей рождаемости с 1,46 до 1,34.

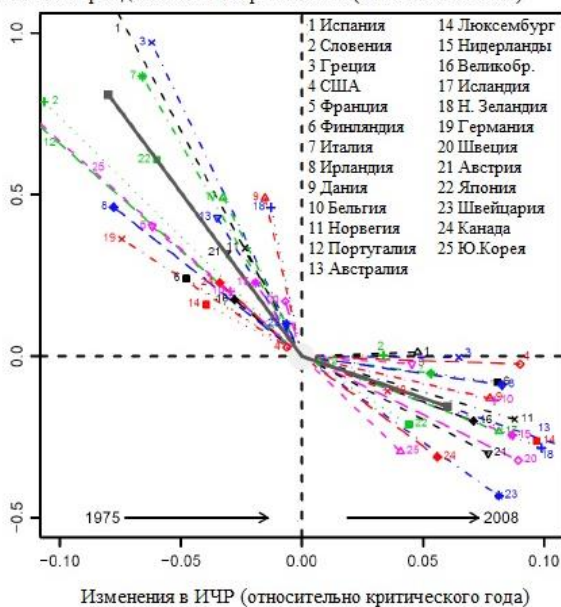
¹¹ Результаты, представленные на рис. 3, соответствуют полученным ранее Мирскиля с соавторами [Myrskylä et al., 2009]. Для всех стран, которые в работе 2009 г. были перечислены как имеющие прямую связь между КСР и ИЧР на высоких уровнях развития, такая же положительная связь обнаружена и в данной статье. В 2009 г. авторами была найдена обратная корреляция между ИЧР и КСР в 6 странах, несмотря на высокий уровень их развития: Австрии, Австралии, Швейцарии, Канаде, Южной Корее и Японии. Рис. 3 включает уже 8 стран, для которых наблюдается одновременно высокий уровень развития и обратная связь между ИЧР и КСР: Австрию, Швейцарию, Канаду, Южную Корею, Японию, Бруней, Кувейт и Сингапур. Три последние страны – новички в этом списке по сравнению со статьей 2009 г.; почти во всех остальных отрицательная корреляция сохранилась. Только одна страна – Австралия – из списка 2009 г. перешла в группу стран с позитивной связью между ИЧР и КСР, но уже в 2009 г. она занимала пограничное положение между двумя группами стран.

¹² Мы используем медианные значения вместо средних, поскольку средние значения чувствительны к исключительным случаям, таким, как Бруней. Также средняя траектория остается положительной после критического года (средний наклон КСР в связи с ИЧР равен 1,4) и показывает положительную связь между КСР и ИЧР на высоких уровнях развития. Из-за чувствительности средних к исключительным случаям мы также используем медиану при суммировании повозрастных траекторий на рис. 4.

На рис. 4 представлена динамика связи между ИЧР и повозрастными показателями рождаемости (количество стран в списке значительно уменьшается, поскольку временные ряды повозрастных показателей рождаемости доступны не так широко)¹³; точкой отсчета на оси X является тот же контрольный год, что и на предыдущем графике.

А) Изменения в ИЧР и в коэффициентах рождаемости в возрасте 15-29 лет

Изменения в рождаемости в возрасте 15-29 (относительно к.г.)

Б) Изменения в ИЧР и в коэффициентах рождаемости в возрасте 30-49 лет

Изменения в рождаемости в возрасте 30-49 (относительно к.г.)

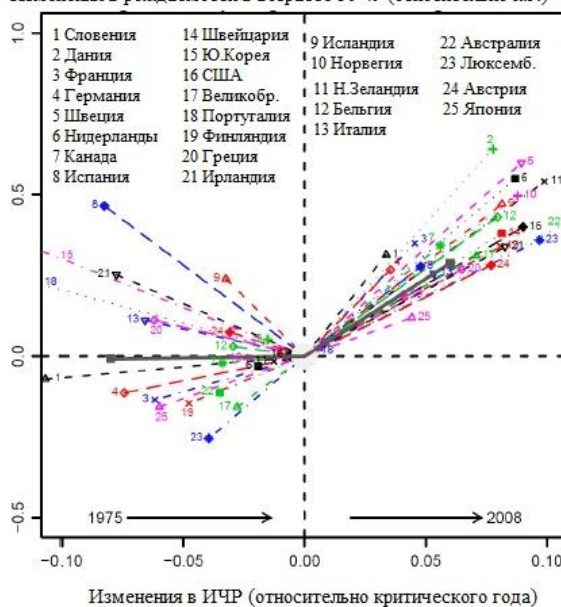

Рис. 4. Динамика связи между повозрастной рождаемостью и индексом человеческого развития (ИЧР): а) изменения в повозрастной рождаемости (возрастная группа 15–29 лет) и в ИЧР; б) изменения в повозрастной рождаемости (возрастная группа 30–49 лет) и в ИЧР

Примечания:

- 1) На рисунке для каждой страны показаны: стартовая точка (которая для большинства стран находится в 1975 г., но для некоторых стран отсчет начинается позже), критическая точка, в которой ИЧР каждой страны находился в зоне значений 0,85–0,90, а рождаемость была самой низкой в этой зоне, и конечная точка траектории. Толстая серая линия представляет собой медиану всех наблюдаемых траекторий.

Рис. 4а показывает связь ИЧР с рождаемостью в возрастах до 30 лет и подтверждает, что почти во всех странах снижение рождаемости в молодых возрастах продолжается даже при дальнейшем социально-экономическом развитии. Средняя траектория, рассчитанная как медианное значение градиентов связи повозрастной рождаемости с ИЧР для всех стран, демонстрирует, что до контрольного года рост ИЧР на 0,05 ассоциировался со снижением рождаемости в возрастах до 30 лет на 0,51, тогда

¹³

Продольные данные о повозрастной рождаемости недоступны в широких масштабах. Следовательно, число стран для лонгитюдного анализа падает с 30 на рис. 3 до 25 на рис. 4. Пять исключенных стран – Кувейт, Сингапур, Бруней, Израиль и Гонконг. Рис. 3 демонстрирует, что три из них (Кувейт, Бруней и Сингапур) показывали самое быстрое снижение рождаемости при уровнях ИЧР выше 0,85. Возможно, что группа исключенных стран показала бы такие же девиантные результаты, если бы данные для продольного анализа повозрастной рождаемости были для них доступны. Таким образом, мы не можем экстраполировать результаты, представленные на рис. 4, на страны Ближнего Востока, поскольку для них нет ни одной точки на графике. Из стран Восточной Азии только Южная Корея и Япония представлены на рис. 4; таким образом, выводы для этого региона также являются осторожными (не вполне определенными). Для европейских и англо-саксонских стран выводы более очевидны.

как после контрольного года такой же рост ИЧР вызывал снижение рождаемости в этой возрастной группе на 0,13. На рис. 4б представлены те же самые связи, но для возрастов старше 30 лет. Они не совпадают с тенденциями, представленными на рис. 4а, поскольку во всех странах рождаемость в возрастах 30 лет и старше при очень высоком уровне развития повышалась. Для некоторых стран рост рождаемости в этой группе после контрольного года является продолжением тренда, наблюдаемого уже при ИЧР ниже 0,80, тогда как для других повышение рождаемости с ростом ИЧР выглядит как резкое изменение тенденции. Медианная траектория, рассчитанная по тому же принципу, показывает, что до контрольного года корреляция ИЧР с рождаемостью в старших возрастах практически отсутствует, тогда как после этой даты увеличение ИЧР на 0,05 вызывает рост показателей рождаемости в возрасте 30 лет и старше на 0,24. То есть изменение знака в связи «развитие – рождаемость» обусловлено исключительно динамикой рождаемости в возрастах старше 30 лет.

Гендерное равенство и изменение знака в связи «развитие – рождаемость»

Рис. 3 и 4 показывают, что в рамках общей тенденции изменения знака в связи «развитие – рождаемость» существует значительная региональная дифференциация. В частности, из рис. 3 видно, что рождаемость в скандинавских странах и в большинстве стран Западной Европы идет по пути увеличения после контрольного года, тогда как в некоторых странах Восточной Азии (Япония, Сингапур, Южная Корея), Ближнего Востока (Бруней, Кувейт) и Центральной Европы (Швейцария, Австрия) снижение рождаемости продолжается и после контрольного года, несмотря на рост ИЧР. Как уже упоминалось ранее, мы рассматриваем гендерное равенство как потенциальный ключевой фактор, способствующий росту рождаемости при достижении очень высокого уровня развития. Мы проверяем эту гипотезу, анализируя связь между индексом гендерного разрыва (ИГР) и темпами прироста рождаемости после того, как ИЧР достигает уровня 0,80–0,84. Темп роста рождаемости измеряется как угол наклона кривой, описывающей линейную связь КСР и ИЧР после контрольного года (см. рис. 3). Темп роста рождаемости для большинства стран положителен, в полном соответствии с изменением знака в связи «развитие – рождаемость», но в некоторых странах остается отрицательным.

На рис. 5 представлены темпы роста рождаемости в зависимости от среднего значения ИГР в период 2006–2010 гг. для всех 30 стран, для которых доступны данные. Значения индекса, отнесенные к данному году, измеряют уровни гендерного равенства, наблюдаемые двумя годами ранее [World Economic Forum, 2010]. Так, значения ИГР для 2006–2010 гг. отражают гендерное равенство в 2004–2008 гг., т.е. в последние 5 лет нашего периода наблюдений. Рис. 5 содержит прогнозные значения, полученные из квадратичной регрессии темпа роста рождаемости на ИГР (сплошная линия). Из графика видно, что при высоком уровне развития страны гендерное равенство имеет сильную связь с темпом роста рождаемости: значениям ИГР ниже 0,65 соответствует отрицательный темп роста, как в Южной Корее, Японии, Кувейте и Брунее (те страны, которые образуют изолированную группу на рис. 3). Значения ИГР ниже 0,70 наблюдаются в 11 странах, и почти в половине из них (в 5 из 11) наблюдается отрицательный темп роста рождаемости. Если значения ИГР лежат в пределах

0,70–0,75, то в большинстве таких стран (в 8 из 11) темп роста рождаемости будет положительным, а при ИГР выше 0,75 он будет положительным во всех 8 странах, в которых наблюдается такой высокий уровень гендерного равенства. Иными словами, там, где показатели гендерного равенства низкие, рождаемость продолжает отрицательно коррелировать с развитием; там же, где они высокие, знак в корреляции меняется на положительный. Похоже, что гендерное равенство определяет атмосферу, в которой становится возможным изменение знака в связи «развитие – рождаемость» и, соответственно, повышение показателей рождаемости.

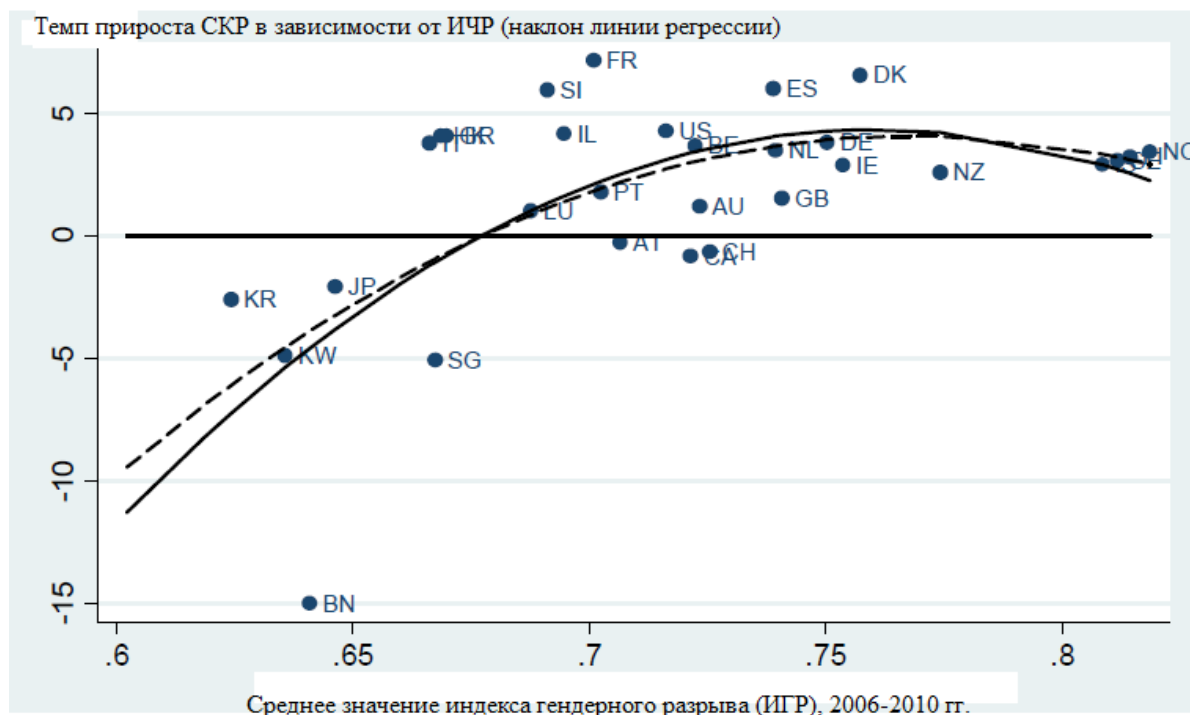

Рис. 5. Темп прироста КСР в связи с ИЧР (наклон) и гендерное равенство

Обозначения:

Сплошная линия: модель 1, регрессия темпов роста КСР с учетом ИЧР на индекс гендерного разрыва (ИГР) и ИГР².

Коэффициенты регрессии для ИГР и ИГР² статистически значимы ($p < 0,05$); $R^2 = 0,35$.

Пунктирная линия: модель 2, регрессия темпов прироста КСР с учетом ИЧР на индекс гендерного разрыва (ИГР) и ИГР² с дополнительным контролем на КСР в критический год.

Коэффициенты регрессии для ИГР и ИГР² статистически значимы ($p < 0,05$); $R^2 = 0,53$.

Примечания:

1. Вертикальная ось: темп прироста КСР с изменением ИЧР на один пункт при высоком уровне ИЧР.
2. Горизонтальная ось: ИГР, среднее значение за период 2006–2010 гг.
3. Темп прироста КСР с учетом ИЧР рассчитывается как изменение КСР, деленное на изменение ИЧР после того года, когда ИЧР вошел в зону 0,80–0,84, и значение КСР было самым низким за все время нахождения в этой зоне (см. примечания к рис. 3).

Источники: Индекс гендерного разрыва – Мировой экономический форум; темп прироста КСР в связи с ИЧР – расчеты авторов, основанные на данных UNDP (ИЧР), Всемирного банка развития и Human Fertility Database (КСР).

Учитывая важность этого вывода, было бы полезно проверить его устойчивость. На первый взгляд, частично связь между ИГР и темпом роста рождаемости может быть обусловлена различиями в стартовых значениях показателей рождаемости. К примеру, в странах с высоким гендерным неравенством, в которых рождаемость продолжает снижаться, это снижение могло начаться с относительно *высокого уровня*, что не должно способствовать изменению знака в связи «рождаемость – гендерное равенство» на положительный. Мы изучали чувствительность связи «ИГР – темп роста рождаемости» к уровню рождаемости. Результат, приведенный на рис. 5 (пунктирная линия), показывает, что положительную связь между темпом роста рождаемости и ИГР определяют вовсе не те страны, где ИГР низкий, а исходный уровень рождаемости – высокий: положительная связь устойчива к уровням рождаемости, наблюдаемым в контрольный год, начиная с которого измерялся темп роста рождаемости для каждой страны.

Второй тест на устойчивость заключался в проверке того, нарушается ли связь «ИГР – темп роста рождаемости» после деления стран на региональные кластеры. Рис. 5 показывает, что страны на графике сгруппированы в соответствии с показателем гендерного равенства и повышением рождаемости. К примеру, скандинавские страны имеют высокий ранг по обоим показателям; страны Восточной Европы отличаются быстрым ростом рождаемости при среднем уровне гендерного равенства (возможно, здесь сыграло роль существенное откладывание рождений в 1990-е гг.); страны Восточной Азии и экономически благополучный Ближний Восток объединяются в кластер, в котором наблюдается значительное гендерное неравенство и продолжающееся снижение показателей рождаемости. Мы сначала проверили устойчивость положительной связи «ИГР – темп роста рождаемости» к группировке стран по крупным регионам (Скандинавия, Западная Европа, Восточная Европа, Средиземноморье, англоязычные страны, Ближний Восток). Региональные показатели как для каждой страны, так и для групп стран, были статистически незначимы ($p > 0,10$ для каждого теста), а форма кривой, прогнозирующей связь «ИГР – темп роста рождаемости», была очень похожей на кривую, полученную без учета принадлежности страны к тому или иному региону (результаты не показаны на рис. 5). Затем мы исключали из нашего массива данных по одному региону, один за другим, и строили регрессию темпов роста рождаемости на ИГР для оставшихся регионов (результаты не показаны). В каждой из семи регрессий ИГР сохранял статистически значимую положительную связь с темпом роста рождаемости. Таким образом, вывод о том, что гендерное равенство имеет прямую корреляцию с темпом роста рождаемости, устойчив к ненаблюдаемым факторам на уровне региональных кластеров.

Рождаемость в когортах и изменение знака в связи «развитие – рождаемость»

Наш анализ показывает, что наблюдаемое в последние годы повышение суммарных коэффициентов рождаемости связано с ростом ее показателей в старших возрастах, и что необходимым условием этого повышения является гендерное равенство. Этот вывод совпадает с идеями о том, что реализация отложенных рождений в старших возрастах является необходимым условием для достижения

высоких уровней рождаемости в высокоразвитых странах, и что гендерное равенство – ключевой фактор, объясняющий, как достичь этих уровней.

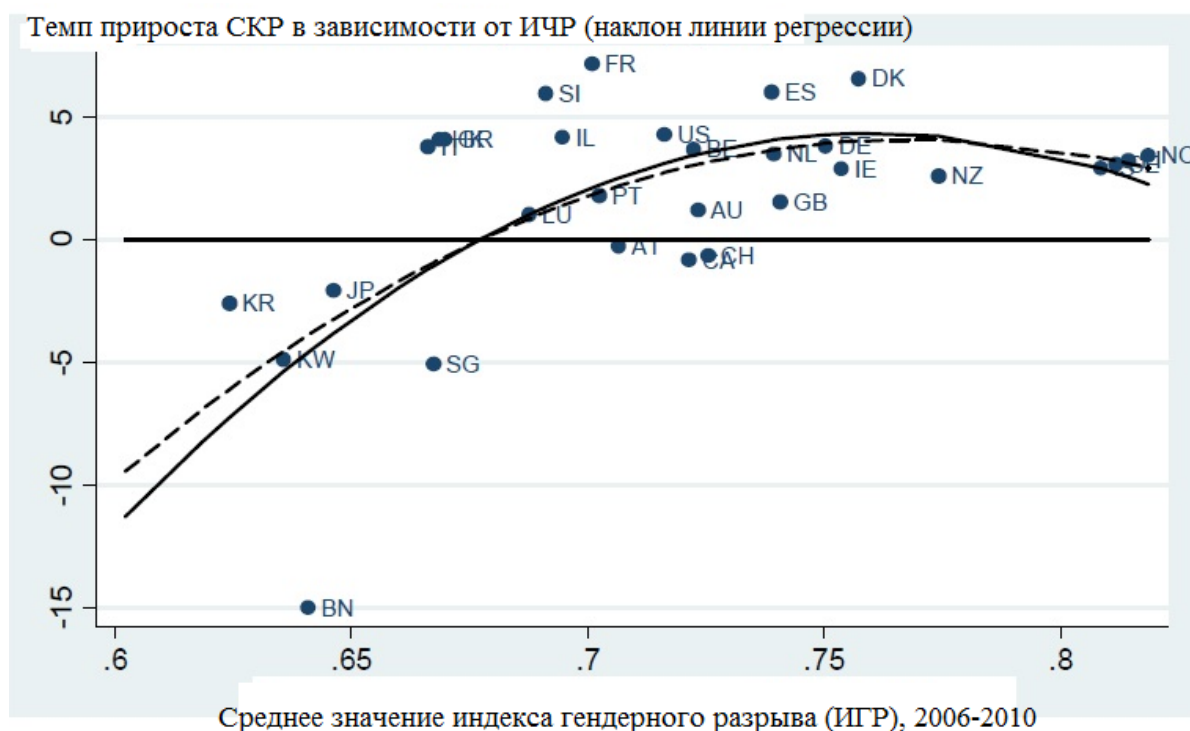

Рис. 6. Итоговая рождаемость для когорты 1970 года рождения, ИЧР и гендерное равенство

Обозначения:

Сплошная линия: модель 1, регрессия когортной рождаемости на индекс человеческого развития (ИЧР) и ИЧР².

Коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² статистически значимы ($p < 0,05$); $R^2 = 0,21$.

Пунктирная линия: модель 2, регрессия когортной рождаемости на индекс человеческого развития (ИЧР), ИЧР² и индекс гендерного равенства (ИГР).

Коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² статистически значимы ($p < 0,10$); $R^2 = 0,40$.

Примечания:

1. На рисунке представлена связь между итоговой рождаемостью когорты 1970 года рождения и средним значением ИЧР для периода 1995–2005 гг., на ранних этапах репродуктивного цикла (в возрасте 25–35 лет).
2. Когортная рождаемость оценивалась с помощью простого и консервативного метода «замороженных» показателей, при котором самые последние наблюдаемые по возрасту показатели экстраполируются в будущее [Cheng and Goldstein, 2010].
3. В анализ включены все страны, для которых доступны необходимые данные (индекс гендерного равенства, ИЧР и показатели рождаемости для каждого года между 1985, когда когорта вступила в возраст 15 лет, и 2008). Это Словакия, Польша, Чешская Республика, Словения, Южная Корея, Греция, Португалия, Канада, Сингапур, Ирландия, Италия, Люксембург, Испания, Новая Зеландия, Исландия, Дания, Германия, Австрия, Финляндия, Швейцария, Япония, Франция, Швеция, Соединенное Королевство, США, Бельгия, Нидерланды, Норвегия, Австралия.

Источники: ИЧР – UNDP; итоговая рождаемость когорты – расчеты авторов на основе источников, перечисленных в табл. 1. Индекс гендерного разрыва – Мировой экономический форум.

Ниже мы показываем, что в каждой стране связь между развитием и рождаемостью когорт несущественно отличается от той связи, что мы наблюдали для рождаемости условных поколений. Для этого мы представляем на **рис. 6** рождаемость

поколений 1970 года рождения в зависимости от ИЧР в период 1995–2005 гг., когда этим женщинам было по 25–35 лет. Мы включили в анализ все страны, для которых был доступен весь набор необходимых данных: ИЧР, индекс гендерного равенства и повозрастные показатели рождаемости по одногодичным интервалам с 1985 г., когда когорта вступила в возраст 15 лет, до 2008 г., когда она достигла 38-летнего возраста. Этим условиям отвечали 29 стран, перечисленных в комментарии к рис. 6; это в большинстве своем те же страны, которые представлены на рис. 3. Разница состоит только в том, что данные для когортного анализа недоступны для стран Ближнего Востока, а Словакия, Польша и Чехия, представленные на рис. 6, не показаны на рис. 3, потому что они еще не вошли к 2008 г. в зону ИЧР, равного 0,80–0,84. Таким образом, результаты когортного анализа относятся к европейским, азиатским и англоязычным странам, но не к Ближнему Востоку. На рис. 6 также представлены прогнозы, основанные на двух моделях квадратичной регрессии. Модель 1 оценивает связь рождаемости в когорте 1970 года рождения с социально-экономическим развитием, выраженным в терминах ИЧР и ИЧР² для периода 1995–2005 гг. Поскольку поперечный анализ показал, что гендерное равенство является важным фактором, влияющим на связь календарных показателей рождаемости с развитием, в модели 2 мы оцениваем ту же самую связь, что и в модели 1, но контролируем результат еще и на гендерное равенство. Таким образом, в модель 2 добавлено в качестве независимой переменной среднее значение индекса гендерного разрыва (ИГР) для последних 5 лет наблюдения, с 2006 по 2010 г. Для расчета среднего значения ИГР мы должны были бы использовать тот же период, что и для ИЧР – 1995–2005 гг., но данные для ИГР доступны, только начиная с 2005 г. Если гендерное равенство обуславливает прямую связь между развитием и когортной рождаемостью, мы вправе ожидать, что эта положительная связь станет слабее или вовсе исчезнет, если ввести в модель переменную, контролирующую гендерное равенство.

Модель 1 на рис. 6 (сплошная линия) показывает, что когортная рождаемость имеет сначала обратную, а затем прямую зависимость от уровня развития; коэффициент корреляции остается отрицательным при ИЧР ниже 0,80–0,85, а после достижения уровня 0,85 становится положительным. Коэффициенты регрессии как для ИЧР, так и для ИЧР² статистически значимы ($p < 0,05$). Хотя в странах с высоким ИЧР наблюдается значительная дифференциация когортной рождаемости (к примеру, в зоне ИЧР = 0,80–0,85 итоговая рождаемость когорт варьирует от 1,5 в Италии, Германии, Испании и Японии до 2 и более в Исландии, Новой Зеландии, Ирландии, США, Норвегии и Австралии), ИЧР, тем не менее, объясняет значительную часть различий в когортной рождаемости между высокоразвитыми странами ($R^2 = 0,21$).

Как и ожидалось, включение переменной гендерного равенства в модель 2 ослабляет положительную корреляцию между итоговой рождаемостью и ИЧР на высоких уровнях развития: прогнозная кривая (пунктирная линия на рис. 6), показывающая зависимость между когортной рождаемостью и ИЧР, очищенным от влияния гендерного равенства, снижается вплоть до значений ИЧР, равных 0,85, затем начинает повышаться, но не так круто, как кривая в модели 1, а коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² статистически значимы только на уровне $p = 0,10$. Дальнейший анализ с использованием повозрастной рождаемости (не приводится на

рисунке) показывает, что положительная связь между итоговой рождаемостью в когорте и высокими значениями ИЧР обеспечивается рождаемостью в возрастах 30 лет и выше, как это было и в случае для условных показателей рождаемости.

Результаты для когорты 1970 года рождения показали, что связь «развитие – рождаемость», рассмотренная с когортной точки зрения, в определенный момент также меняет знак. В качестве теста на устойчивость мы изучали связь между ИЧР и итоговой рождаемостью когорт 1960 и 1965 годов рождения. Для обеих когорт кривая зависимости между ИЧР и итоговой рождаемостью по странам похожа на ту, что представлена на рис. 6 для когорты 1970 года: нескорректированная кривая имеет форму U , а скорректированная с учетом гендерного равенства связь становится слабее, но по-прежнему графически имеет ту же форму. Таким образом, развитие и когортная рождаемость имеют обратную связь на низких и средних уровнях развития страны, но при повышении уровня развития связь становится прямой. Более того, если смотреть на проблему в когортной перспективе, гендерное равенство является необходимым условием для поворота показателей рождаемости к росту с повышением уровня развития.

Панельный регрессионный анализ изменения знака в связи «рождаемость – развитие»

В большинстве графических представлений наших результатов, приведенных выше, мы не могли полностью проверить влияние на результат специфики стран из списка или временных трендов, которые могут опровергнуть факт повышения рождаемости с ростом показателей развития. Хотя наш анализ для когорты 1970 года дал похожие результаты, на повышение рождаемости, наблюдаемое в последние годы, могли также повлиять и изменения в календаре рождений. Ниже мы анализируем повышение рождаемости, используя регрессионную модель для панели стран, с помощью которой мы можем проверить оба наших предположения. Точнее говоря, мы оцениваем регрессионные модели, контролирующие ненаблюдаемую гетерогенность и общие или специфические для страны временные тренды, корректируя связь «рождаемость – ИЧР» на календарь рождений. Мы используем панель из 35 стран в период 1975–2008 гг. (это все страны и все годы, данные для которых доступны), чтобы оценить влияние ИЧР на суммарные коэффициенты рождаемости с помощью следующих 4 моделей¹⁴:

1. $TFR_{i,t} = \alpha + \beta_1 HDI_{i,t} + \beta_2 HDI_{i,t}^2 + \gamma_i + \theta_t + \varepsilon_{i,t};$
2. $TFR_{i,t} = \alpha + \beta_1 HDI_{i,t} + \beta_2 HDI_{i,t}^2 + \gamma_i + \theta_t + \varphi_1 \Delta MAB_{i,t} + \varphi_2 \Delta \Delta MAB_{i,t} + \varepsilon_{i,t};$
3. $TFR_{i,t} = \alpha + \beta_1 HDI_{i,t} + \beta_2 HDI_{i,t}^2 + \gamma_i + \theta_i t + \varepsilon_{i,t};$
4. $TFR_{i,t} = \alpha + \beta_1 HDI_{i,t} + \beta_2 HDI_{i,t}^2 + \gamma_i + \theta_i t + \varphi_1 \Delta MAB_{i,t} + \varphi_2 \Delta \Delta MAB_{i,t} + \varepsilon_{i,t}.$

¹⁴ Для проверки чувствительности мы оценили регрессионные модели 1 и 2 также и со случайным страновым эффектом вместо фиксированного, и с использованием разностей вместо наблюдаемых значений. Результаты соответствовали полученным при использовании фиксированных эффектов.

Здесь $TFR_{i,t}$ – зависимая переменная, коэффициент суммарной рождаемости для страны i в году t ; HDI и HDI^2 – индекс человеческого развития и его квадрат; γ_i и θ_t – параметры, описывающие фиксированные эффекты каждой страны i и каждого календарного года t ; ΔMAB и $\Delta\Delta MAB$ – разности первого и второго порядка среднего возраста при рождении; $\varepsilon_{i,t}$ – остаточный член уравнения. Мы оцениваем стандартные ошибки, используя бутстрэппинг¹⁵ панельных данных (10 000 подвыборок), поскольку асимптотические стандартные ошибки могут искажаться, если использовать только исходную выборку для 35 стран¹⁶.

Приведем аргументы для использования четырех различных уравнений регрессии. Модель 1 оценивает связь между КСР и ИЧР, контролируя на общие временные тренды суммарных коэффициентов рождаемости с помощью параметра регрессии θ_t для каждого года от 1975 до 2008, а также на межстрановые различия в уровнях рождаемости с помощью фиксированных параметров страны γ_i . Эта модель предоставляет более сильное доказательство причинной связи, чем поперечный анализ, поскольку оценивает зависимость между ИЧР и КСР с позиций внутривнутристрановых вариаций рождаемости, контролируя при этом на временные тренды КСР.

С помощью модели 2 мы проверяем, может ли связь между ИЧР и КСР быть обусловлена изменениями в календаре рождений. Это расширенный вариант модели 1, в который добавлены переменные, оценивающие влияние разностей первого (ΔMAB) и второго ($\Delta\Delta MAB$) порядка в среднем возрасте при рождении. Разность первого порядка контролирует исходное понижающее влияние на КСР, когда кривая рождаемости только начинает смещаться к старшим возрастам. Разность второго порядка оценивает потенциальный рост рождаемости, когда темп изменения среднего возраста при рождении замедляется и понижающее влияние на КСР ослабевает. Этот регрессионный подход является альтернативой использования прямой *tempo*-коррекции рождаемости; он особенно полезен в продольном анализе, когда прямая *tempo*-коррекция может увеличить дисперсию оценок или же она невозможна из-за недостатка информации о рождаемости по порядку рождений. В сноске 3 обсуждается использование среднего возраста при рождении в качестве переменной в регрессионной модели.

Модели 3 и 4 представляют собой расширенные варианты моделей 1 и 2, куда вместо фиксированных эффектов календарного года θ_t , общих для всех стран,

¹⁵ Бутстрэп — метод определения статистик вероятностных распределений, основанный на многократной генерации выборок методом Монте-Карло на базе имеющейся выборки предложен в 1977 г. Б. Эфроном. Метод состоит в том, чтобы из имеющейся выборки сформировать достаточно большое количество (5—10 тыс.) псевдовыборок, состоящих из случайных комбинаций исходного набора элементов, размер каждой из которых совпадает с исходной (в результате в одной псевдовыборке некоторые исходные элементы могут встретиться несколько раз, тогда как другие — отсутствовать), и для каждой полученной псевдовыборки определить значения анализируемых статистических характеристик. — *Примеч. ред.*

¹⁶ В статье *Advances in Development Reverse Fertility Declines* мы использовали модель структурного разрыва для оценки связи между КСР и ИЧР. Здесь мы обновляем модель, чтобы ответить на замечания относительно нашей модельной стратегии. Во-первых, были высказаны предположения, что метод структурного разрыва не предоставляет оценок «все в одном» на том уровне, на котором связь между ИЧР и КСР меняет знак [Luci, Thévenon, 2010]. Это критическое замечание не совсем справедливо, поскольку разрыв оценивался на основе эмпирических данных (в результате получилась двухшаговая оценка). Тем не менее мы изменили модель на одношаговую квадратичную, которая, возможно, лучше подходит при плавных изменениях. Во-вторых, были предложены аргументы, что на наши результаты повлияло включение точек с низким ИЧР [Lauer, 2009]. Чтобы исключить такое влияние, мы изменили нашу регрессию следующим образом: использовали только данные для стран с ИЧР не ниже 0,75, исключив из анализа низко- и среднеобразованные страны [UNDP, 2011]; оценивали модели регрессии с временными рядами для каждой страны отдельно.

включены фиксированные эффекты календарного года для каждой страны отдельно $\theta_i t$. Это важное дополнение модели, поскольку динамика снижения КСР в менее развитых странах может повлиять на коэффициент регрессии при переменной ИЧР, если динамические ряды показателей рождаемости вынужденно обобщаются из соображений статистического дизайна.

Таблица 1 Панельная регрессия коэффициента суммарной рождаемости (КСР) на индекс человеческого развития (ИЧР)

Показатели	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Индекс человеческого развития (ИЧР)	-90,73***	-63,61***	-51,12*	-29,91
ИЧР ²	55,12***	38,15***	31,89*	18,55
Средний возраст при рождении, разность первого порядка		-0,84**		0,61*
Средний возраст при рождении, разность второго порядка		0,43**		0,29*
Фиксированные страновые эффекты	Y	Y	Y	Y
Фиксированные временные эффекты (общие для всех стран)	Y	Y		
Фиксированные временные эффекты, специфические для каждой страны			Y	Y
Значение ИЧР, при котором модель предполагает изменение знака в связи «ИЧР – КСР» ($-ИЧР/(2 \times ИЧР^2)$)	0,823	0,834	0,802	0,806
Число наблюдений	962	962	962	962
Число стран	35	35	35	35
R^2 (внутригрупповой)	0,41	0,48	0,71	0,72

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Модель 1: панельная регрессия КСР на ИЧР и ИЧР², с фиксированными страновыми и временными эффектами (бинарная переменная для каждого календарного года).

Модель 2: к модели 1 добавлены разности первого и второго порядка для среднего возраста при рождении.

Модель 3: аналогична модели 1, но общие фиксированные временные эффекты заменены на временные эффекты для каждой страны отдельно.

Модель 4: аналогична модели 2, но общие фиксированные временные эффекты заменены на временные эффекты для каждой страны отдельно.

Примечание:

Мы включили в анализ все страны, для которых доступна ежегодная динамика КСР, ИЧР и среднего возраста при рождении, и которые достигли уровня ИЧР = 0,75. Это следующие страны: Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Литва, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Российская Федерация, Румыния, Сингапур, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, США, Финляндия, Франция, Чешская Республика, Швейцария, Швеция, Эстония, Южная Корея, Япония.

Таблица 1 содержит значения коэффициентов регрессии для моделей 1–4; **рис. 7** иллюстрирует прогнозируемые значения КСР в зависимости от ИЧР для моделей 1 и 2.

На рис. 7 также показаны соотношения показателей рождаемости и ИЧР для всех 35 стран из нашего списка в конечной точке нашего анализа, в 2008 г.¹⁷

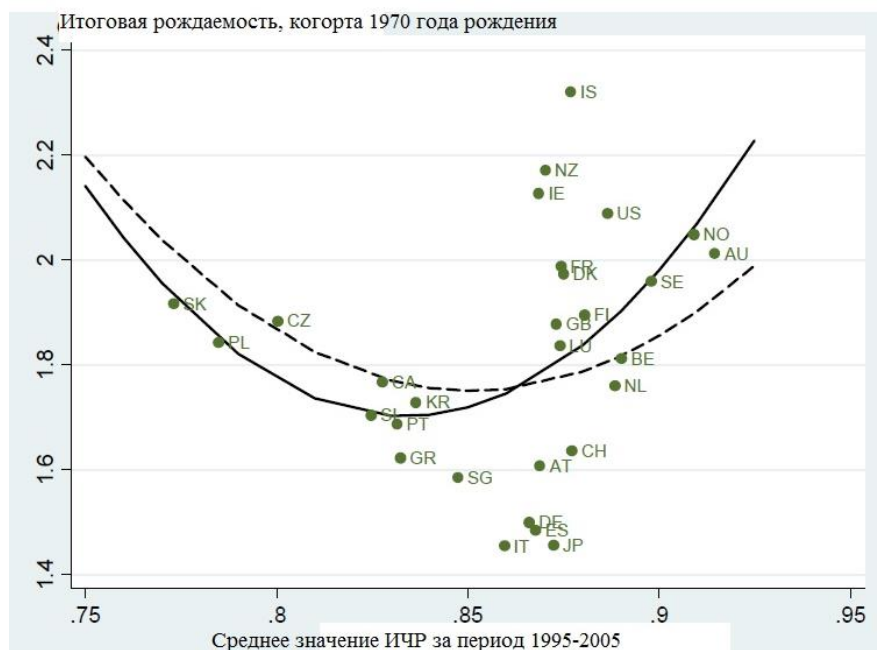

Рис. 7. Прогнозные кривые связи СКР и ИЧР и точечные значения СКР и ИЧР для 35 стран

Обозначения:

Сплошная линия: модель 1, панельная регрессия КСР на ИЧР и ИЧР², с контролем временных и страновых фиксированных эффектов.

Коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² статистически значимы ($p < 0,001$); R^2 (внутригрупповой) = 0,41.

Пунктирная линия: модель 2, панельная регрессия КСР на ИЧР и ИЧР², с контролем временных и страновых фиксированных эффектов и дополнительным контролем разностей первого и второго порядков среднего возраста при рождении.

Коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² статистически значимы ($p < 0,001$), а для разностей первого и второго порядков изменения значимы на уровне $p = 0,1$; R^2 (внутригрупповой) = 0,48.

Примечание: В анализ включены все страны, достигшие уровня ИЧР = 0,75, для которых доступны временные серии КСР, ИЧР и среднего возраста при рождении. Это Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Литва, Люксембург, Чешская Республика, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Сингапур, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, США, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Эстония, Южная Корея, Япония.

Источники: ИЧР – UNDP; КСР – Индикаторы развития Всемирного банка; средний возраст матери – расчеты авторов на основе источников данных, перечисленных в Приложении.

¹⁷ Регрессионные модели 1-4 имеют парсимониальную квадратичную спецификацию, которая позволяет зафиксировать тот факт, что в связи между СКТ и ИЧР смена знака с отрицательного на положительный имеет место при уровнях ИЧР = 0,80–0,85. Тем не менее квадратичная спецификация может дать нереалистичные прогнозы, особенно при очень высоких уровнях ИЧР. К примеру, квадратичная спецификация подразумевает, что после смены знака в связи КСР–ИЧР положительное влияние ИЧР на КСР с ростом ИЧР возрастает до потенциально нереальных значений, если ИЧР выше 0,90. Альтернативой, более эластичной, но с менее парсимониальной спецификацией, для анализа связи КСР и ИЧР является кубическая регрессия, которая допускает наличие двух точек перегиба на кривой КСР–ИЧР внутри зоны наблюдаемых значений ИЧР. Мы оценили модели 1–4 с помощью кубической спецификации вместо квадратичной, и каждая из этих моделей предполагала, что связь между КСР и ИЧР меняет знак с отрицательного на положительный в зоне ИЧР = 0,80–0,85, а на очень высоком уровне ИЧР (0,90–0,95) положительная связь стабилизируется. К примеру, в модели 1 с квадратичной спецификацией прогнозируемое значение изменения КСР при росте ИЧР с 0,825 до 0,875 равно + 0,21 ($p < 0,05$). На более высоком уровне развития связь между ИЧР и КСР стабилизируется, и при росте ИЧР от 0,875 до 0,95 прогнозируемый прирост КСР равен + 0,02 ($p = 0,94$).

Модель 1 подтверждает то, что уже предполагалось после графического анализа. Очищенная от влияния ненаблюдаемой гетерогенности для каждой страны и общих временных трендов рождаемость снижается до тех пор, пока растущий ИЧР не достигнет уровня 0,80–0,82 (прогнозируемый минимум ИЧР равен 0,82). При более высоких значениях ИЧР его корреляция с рождаемостью становится прямой. Коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² статистически значимы на уровне $p = 0,001$. Сплошная линия на рис. 7 отображает зависимость между КСР и ИЧР, полученную после применения модели 1.

Когда в уравнения регрессии включаются переменные, описывающие влияние календаря рождений (модель 2), прямая корреляция между ИЧР и КСР при высоком уровне развития ослабевает, но коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² остаются значимыми ($p < 0,01$). Коэффициенты регрессии для разностей первого и второго порядков среднего возраста матери при рождении оказываются соответственно отрицательным и положительным. Это означает – подобно тому, что обнаружили Голдстейн и др. [Goldstein et al., 2009], изучая зависимость между КСР и средним возрастом матери при первом рождении: когда средний возраст матери сначала начинает расти, рост КСР сдерживается, но затем, когда темп роста среднего возраста матери замедляется, сдерживающий эффект ослабевает. Пунктирная линия на рис. 7 иллюстрирует зависимость КСР от ИЧР, прогнозируемую с помощью модели 2. Сравнение кривых, соответствующих модели 1 (сплошная линия) и модели 2 (пунктирная линия) подтверждает, что контроль на календарь рождений не меняет прямой корреляции между КСР и ИЧР при уровнях развития, соответствующих ИЧР выше 0,85 (прогнозируемый минимум ИЧР равен 0,83).

Модели 3 и 4 являются расширенными версиями моделей 1 и 2; используемые в них временные тренды рождаемости являются не общими для всей группы стран, а специфическими для каждой страны. Эти специфические тренды, а также фиксированные эффекты для каждой страны объясняют до 85% вариаций в КСР, оставляя очень немного статистических возможностей для оценки коэффициентов регрессии для ИЧР. Тем не менее в модели 3 коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² статистически значимы ($p < 0,05$), и кривая, описывающая зависимость между КСР и ИЧР, по-прежнему имеет форму U с минимальным значением КСР, соответствующим ИЧР = 0,80.

В модели 4 коэффициенты регрессии для ИЧР и ИЧР² теряют статистическую значимость, но прогнозируемая связь между КСР и ИЧР остается количественно подобной той, что и в модели 2, с кривой в форме U и минимумом КСР, приходящимся на точку ИЧР = 0,81. Недостаточная статистическая значимость в модели 4 может быть связана с проблемой мощности, поскольку включенные в модель временные тренды и фиксированные эффекты для каждой страны поглощают большую часть вариации в показателях КСР. Тем не менее результаты, полученные при контроле на специфику временных трендов в каждой стране (модели 3 и 4), количественно согласуются с результатами, полученными при использовании общих временных трендов (модели 1 и 2), и все они подтверждают, что знак в связи между КСР и ИЧР меняется с отрицательного на положительный при уровне ИЧР, равном примерно 0,80–0,85.

Дискуссия

Изменение корреляции – с обратной на прямую – между социально-экономическим развитием и рождаемостью при высоком уровне развития и связанное с этим повышение рождаемости в некоторых высокоразвитых обществах после ее предшествующего падения до беспрецедентно низких значений, является одним из важных наблюдений последнего времени [*Caltabiano et al.*, 2009; *Furuoka*, 2010; *Goldstein et al.*, 2009; *Luci, Thevenon*, 2010; *Myrskylä et al.*, 2009; *Trovato*, 2010]. Тем не менее несколько ключевых аспектов этого изменения тренда до сих пор не изучены. В частности, его демографические механизмы: в настоящей работе мы показали, что изменение в знаке связи «развитие – рождаемость» существует как в поперечной, так и в продольной перспективах, и главным образом вызвано повышением рождаемости в старших репродуктивных возрастах. По поводу детерминант, мы показали, что необходимым условием этого изменения является гендерное равенство: страны, высоко стоящие в рейтинге развития, выраженного в показателях здоровья, уровня дохода и образования, но с низким уровнем гендерного равенства, продолжают переживать снижение рождаемости. Таким образом, достижение гендерного равенства является необходимым для стран, желающих получить дивиденды от развития для повышения уровня рождаемости.

Анализ повозрастных и когортных показателей дает ответ на важный вопрос: вызвано ли это повышение рождаемости ростом количественных характеристик или оно определяется изменениями в календаре рождений? Различные методы анализа, примененные нами, показывают, что рождаемость в возрастах старше 30 лет является ключом к изменению знака в связи «развитие – рождаемость» на положительный. Что касается рождаемости в возрастах моложе 30 лет, оба аналитических подхода показывают непрерывное снижение этого показателя, без смены тренда на положительный. Регрессионный анализ, позволяющий учесть влияние специфики каждой страны и динамики показателей рождаемости, показал, что для всех возрастов вместе на высоких уровнях развития наблюдается прямая связь между ИЧР и КСР. Эти результаты устойчивы к изменениям среднего возраста при рождении, т.е. к календарю рождений. В целом все результаты анализа изменения знака в связи «рождаемость – развитие» устойчивы, несмотря на ограниченность КСР как индикатора уровня рождаемости в развитых странах вследствие наблюдаемого в настоящее время откладывания рождений [*Sobotka and Lutz*, 2009]. Анализ связи между развитием и рождаемостью в когорте 1970 года рождения также показал, что для стран, в которых эта когорта прожила свои первые репродуктивные годы при ИЧР выше 0,85, рождаемость была выше по сравнению со странами, в которых ИЧР был на уровне 0,80–0,85. Когортные профили и устойчивость результатов регрессионного анализа к поправкам на средний возраст матери показывают, что положительная корреляция развития с рождаемостью существует независимо от изменений в календаре рождений. Поскольку динамика среднего возраста матери на высоких уровнях развития вносит свой вклад в переход к повышению рождаемости и даже может быть частью промежуточного механизма, обеспечивающего этот переход, наши результаты показывают, что изменение знака имеет место независимо от роста КСР и может быть результатом изменений в календаре рождений.

Используя гетерогенные траектории для каждой страны, пересекающей «критическую» зону развития (ИЧР = 0,80–0,85), мы смогли исследовать роль гендерного равенства. Очевидно, что индекс гендерного разрыва (ИГР) является мощным предиктором того, будет ли в стране наблюдаться снижение или рост рождаемости после достижения ею «критической» зоны ИЧР. Следовательно, адекватный уровень гендерного равенства является необходимым условием для перехода от снижения рождаемости к ее повышению на высоких уровнях развития. Гетерогенность высокоразвитых стран, имеющих одинаково высокие показатели гендерного равенства и переживающих рост показателей рождаемости, означает, что способ, каким страны решают проблему сочетания карьеры и семьи, зависит от контекста; наши результаты помогают понять, что некоторые институциональные структуры облегчают переход к повышению рождаемости. В более ранних исследованиях утверждалось, что ответ на вызовы развития может заключаться в создании институтов, способствующих достижению гендерного равенства и равновесия между работой и семьей; отсутствие таких институтов может объяснить нетипичную ситуацию в богатых Восточноазиатских странах, для которых характерна обратная связь между ИЧР и рождаемостью. Наш анализ подтверждает это, показывая, что повышение рождаемости обусловлено гендерным равенством.

Однако наши результаты имеют три ограничения. Во-первых, выдвигались предположения, что положительное изменение тренда рождаемости может быть вызвано растущей долей иммигрантов в населении, имеющих более высокую рождаемость, чем коренное население [Hugh, 2009; Parker, 2009; Reeb, 2009; Yong, 2009]. Хотя рождаемость иммигрантов может отчасти объяснить недавнее повышение рождаемости в некоторых высокоразвитых странах, маловероятно, что этот фактор является определяющим для роста рождаемости. Изучая влияние рождаемости мигрантов на КСР в некоторых европейских странах, Соботка [Sobotka, 2008] делает вывод, что, хотя в последнее десятилетие вклад мигрантов в общее число рождений постоянно растет, чистое влияние более высокой рождаемости мигрантов на суммарные коэффициенты остается незначительным. Он показывает, что недавний подъем КСР произошел главным образом благодаря росту показателей рождаемости коренного населения [Sobotka, 2008]. Голдстейн с соавторами [Goldstein, Lutz, Testa, 2003] пришли к аналогичному заключению, анализируя вклад женщин-иммигранток в КСР в семи европейских странах. К примеру, в Испании рождаемость в коренном населении выросла с 1,12 в 1998 г. до 1,30 в 2006 г., тогда как общий КСР за этот период увеличился с 1,15 до 1,35. В Италии в 2007 г. КСР для коренного населения был равен 1,28, существенно выше самого низкого КСР (1,19), наблюдаемого для всего населения в 1995 г., и всего лишь на 0,07 ниже КСР для всего населения в 2007 г. Относительно небольшое влияние иммиграции на рост рождаемости в европейских странах отчасти объясняется еще и тем, что мигранты могут прибывать из стран, где рождаемость еще ниже, чем в стране прибытия. Но даже в США, куда прибывают мигранты из регионов с более высокой рождаемостью, КСР белого неиспанского населения вырос с 1,77 в 1989 г. (самый первый год, для которого доступны данные) до 1,86 в 2006 г. (5,3% прироста), тогда как во всем населении за этот же самый период КСР вырос с 2,01 до 2,10, или на 4,3% [Martin et al., 2009]. Таким образом, похоже, что

наблюдаемый в последние годы рост КСР у коренного населения часто имеет тот же масштаб, что и рост КСР у всего населения. Наше объяснение, что рост ИЧР вызывает рост КСР скорее в результате изменений в поведении, чем в результате композиционных изменений, связанных с иммиграцией, не противоречит современным профилям иммиграции в высокоразвитые страны.

Во-вторых, из-за ограничений, связанных с данными, мы смогли измерить гендерное равенство только в поперечной перспективе. Влияние гендерного равенства на рождаемость может изменяться с прогрессивными изменениями экономической роли женщин в обществе [McDonald, 2000]. Сначала, когда возникает равенство на рынке труда, рождаемость может снизиться вследствие растущей упущенной выгоды детей. Затем, когда развитое общество осознает проблемы, с которыми сталкиваются работающие матери и пары с детьми, растущее гендерное равенство может стать основой для развития институтов и социальных норм, помогающих сочетать работу и семью [Mills, 2010]. Дальнейшие лонгитюдные исследования связи между гендерным равенством и тенденциями рождаемости могли бы помочь яснее понять эти процессы.

В-третьих, наш анализ когортной рождаемости основан всего на одной когорте, 1970 года рождения. Чтобы исследовать когорты, прошедшие через очень высокое развитие, т.е. когорты 1970 или 1980 годов рождения, мы должны ждать еще 10 лет. Возможно, в качестве альтернативы, мы можем использовать прогнозы рождаемости, но это выходит за рамки настоящей статьи. Однако, используя данные для предшествующих когорт, мы обнаружили, что *U*-образная связь между итоговой рождаемостью и развитием наблюдается также и для когорт 1960 и 1965 годов рождения.

Полученные результаты еще раз подтверждают вывод о том, что социально-экономическое развитие является важным фактором, обеспечивающим перелом негативных тенденций рождаемости в развитых странах. В частности, эти результаты показывают, что развитие вносит свой вклад в рождаемость через *tempo*-эффект, и что гендерное равенство является необходимым условием для стран, желающих использовать все преимущества развития для изменения негативных тенденций рождаемости. Переход в рождаемости, вызванный развитием, может иметь существенные долговременные последствия, поскольку рост рождаемости при высоком уровне развития может снизить показатели старения населения и решить другие социальные проблемы, вызванные низкой рождаемостью.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Источники данных, использованных в исследовании

Коэффициент суммарной рождаемости (КСР)

База данных «Показатели развития Всемирного Банка» (*World Bank* 2010)

<http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators>

Индекс человеческого развития (ИЧР)

Программа развития ООН (2011)

<http://hdr.undp.org/en/statistics/hdi/>

Итоговый коэффициент суммарной рождаемости для когорты 1970 года рождения и средний возраст матери

Расчеты авторов, основанные на следующих источниках:

- База данных Евростата (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>) для следующих стран: Бельгия, Болгария, Венгрия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словения, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция, Эстония.
- База данных по рождаемости (*Human Fertility Database* 2011, <http://www.humanfertility.org>) для следующих стран: Австрия, Канада, Чешская Республика, Германия, Норвегия, Россия, Словакия, Швеция, Швейцария, США.
- Южная Корея: данные *Kwang-Hee Jun*, профессора демографии и социологии, Национальный университет *Chungnam*.
- Сингапур: Статистический комитет Сингапура (2010), <http://www.singstat.gov.sg>.
- Япония: *Ryuichi Kaneko*, Национальный институт демографических и социальных исследований; *Rikiya Matsukura*, Институт по изучению населения, Университет *Nihon*.
- Тайвань: Статистический ежегодник Китая (2011), <http://eng.stat.gov.tw>.
- Австралия: Статистический комитет Австралии (2010), <http://www.abs.gov.au>.
- Новая Зеландия: Статистический комитет Новой Зеландии (2010), <http://www.stats.govt.nz>.

Повозрастные показатели рождаемости (для условных поколений в возрастах 15–29 и 30 +)

Отдел народонаселения Департамента экономических и социальных проблем Секретариата ООН (2009) и вышеперечисленные источники, использованные авторами для расчета когортных показателей рождаемости.

Глобальный индекс гендерного разрыва

Мировой экономический форум (2010), <http://www.weforum.org>.

Таблица А1 Список стран, включенных в анализ, их КСР и ИЧР в 1975 и 2008 гг., итоговая рождаемость когорты 1970 года рождения и среднее значение ИГР для периода 2006–2010 гг.

Страна	КСР 1975	КСР 2008	ИЧР 1975	ИЧР 2008	Итоговая рождаемость когорты 1970	Среднее значение ИГР 2006–2010
Австралия	2,15	1,97	0,79	0,93	2,03	0,72
Норвегия	1,99	1,96	0,82	0,93	2,06	0,82
Исландия	2,61	2,14	0,79	0,91	2,33	0,81
Ирландия	3,40	2,10	0,75	0,91	2,15	0,75
Нидерланды	1,66	1,78	0,80	0,91	1,76	0,74
Канада	1,82	1,60	0,81	0,90	1,78	0,72
Дания	1,92	1,89	0,80	0,90	1,98	0,76
Финляндия	1,69	1,85	0,77	0,90	0,90	0,81
Франция	1,93	2,00	0,79	0,90	2,00	0,70
Люксембург	1,55	1,61	0,76	0,90	1,85	0,69
Новая Зеландия	2,33	2,20	0,79	0,90	2,18	0,77
Испания	2,79	1,46	0,77	0,90	1,50	0,74
Швеция	1,78	1,91	0,80	0,90	1,97	0,81
Швейцария	1,60	1,48	0,81	0,90	1,65	0,73
США	1,77	2,10	0,80	0,90	2,10	0,72
Австрия	1,82	1,41	0,78	0,89	1,61	0,71
Бельгия	1,74	1,82	0,78	0,89	1,83	0,72
Италия	2,21	1,41	0,77	0,89	1,47	0,67
Япония	1,91	1,34	0,79	0,89	1,47	0,65
Германия	1,45	1,38	0,77	0,88	1,51	0,75
Греция	2,37	1,51	0,76	0,88	1,63	0,67
Израиль	3,55	2,96	0,76	0,88		0,69
Сингапур	2,08	1,28	0,69	0,88	1,59	0,67
Южная Корея	3,47	1,19	0,62	0,88	1,73	0,62
Великобритания	1,81	1,94	0,78	0,88	1,89	0,74
Гонконг	2,67	1,04	0,70	0,87		0,67
Словения	2,20	1,53	0,73	0,87	1,71	0,69
Бруней	4,90	2,08	0,78	0,86		0,64
Кувейт	6,44	2,17	0,73	0,86		0,64
Кипр	2,35	1,52	0,66	0,85		0,66
Португалия	2,52	1,37	0,68	0,85	1,69	0,70
Антигуа и Барбадос	2,43			0,84		
Бахрейн	5,56	2,27	0,66	0,84		0,60
Чешская Республика	2,43	1,50	0,74	0,84	1,89	0,68
Катар	6,47	2,41	0,73	0,84		
ОАЭ	6,01	1,94	0,68	0,84		0,62
Мальта	2,27	1,43	0,67	0,83		
Эстония	2,08	1,66	0,72	0,82	1,87	
Венгрия	2,35	1,35	0,71	0,82	1,88	

Польша	2,27	1,39	0,72	0,82	1,84	
Словакия	2,56	1,32	0,71	0,82	1,92	
Аргентина	3,32	2,24	0,71	0,81		
Чили	3,16	1,93	0,65	0,81		
Хорватия	2,00	1,47	0,72	0,81		
Литва	2,19	1,47	0,73	0,81	1,76	
Уругвай	2,93	2,01	0,69	0,81		
Латвия	1,96	1,45	0,71	0,80		
Ливия	7,51	2,70	0,62	0,80		
Сейшелы		2,28	0,69	0,80		
Мексика	5,93	2,10	0,65	0,79		
Саудовская Аравия	7,31	3,12	0,55	0,79		
Венесуэла	4,66	2,54	0,69	0,79		
Болгария	2,23	1,48	0,68	0,78	1,66	
Коста Рика	3,97	1,96	0,67	0,78		
Оман	7,20	3,05	0,42	0,78		
Панама	4,48	2,55	0,66	0,78		
Румыния	3,60	1,35	0,68	0,78	1,62	
Сент-Киттс и Невилл				0,78		
Беларусь	2,17	1,42	0,70	0,77		
Черногория	2,38	1,64		0,77		
Бразилия	4,50	1,88	0,60	0,76		
Доминика				0,76		
Гренада	4,44	2,28		0,76		
Лиан	4,54	1,85	0,66	0,76		
Малайзия	4,59	2,56	0,57	0,76		
Россия	1,98	1,49	0,72	0,76	1,60	
Сербия		1,40		0,76		
Тринидад и Тобаго	3,41	1,64	0,70	0,76		
Босния и Герцеговина	2,41	1,21		0,75		
Колумбия	4,63	2,43	0,61	0,75		
Эквадор	5,72	2,56	0,60	0,75		
Македония	2,65	1,44	0,68	0,75		
Перу	5,70	2,57	0,61	0,75		
Турция	5,13	2,11	0,56	0,75		
Албания	4,45	1,86	0,63	0,74		
Азербайджан	3,95	2,30	0,64	0,74		
Казахстан	3,27	2,56	0,65	0,74		
Маврикий	3,14	1,58	0,57	0,74		
Санта-Люсия		2,01		0,74		
Украина	2,02	1,39	0,71	0,74		
Армения	2,75	1,74	0,61	0,73		
Иран	6,41	1,81	0,54	0,73		
Доминиканская Республика	5,19	2,65	0,56	0,72		
Ямайка	4,48	2,39	0,65	0,72		

Сан-Винсент	4,97	2,12	0,53	0,72		
Таиланд	4,49	1,82	0,54	0,72		
Тунис	5,86	2,06	0,47	0,72		
Белиз	6,28	2,90	0,57	0,71		
Иордания	7,62	3,49	0,55	0,71		
Мальдивы	7,02	2,02		0,71		
Суринам	4,74	2,40	0,66	0,71		
Алжир	7,33	2,36	0,48	0,70		
Китай	3,78	1,77	0,39	0,70		
Сальвадор	5,72	2,32	0,54	0,70		
Грузия	2,50	1,58	0,69	0,70		
Шри Ланка	3,78	2,33	0,56	0,70		
Тонга	5,43	4,00	0,58	0,70		
Габон	5,02	3,31	0,61	0,69		
Парагвай	5,22	3,05	0,58	0,69		
Самоа	5,24	3,95	0,58	0,69		
Туркменистан	5,78	2,48		0,69		
Индонезия	5,04	2,17	0,42	0,68		
Филиппины	5,75	3,08	0,57	0,68		
Сирия	7,51	3,25	0,50	0,68		
Боливия	6,18	3,46	0,49	0,67		
Экваториальная Гвинея	5,67	5,34		0,67		
Фиджи	4,05	2,73	0,59	0,67		
Гондурас	6,84	3,26	0,49	0,67		
Монголия	7,07	2,00	0,53	0,66		
Ботсвана	6,48	2,87	0,46	0,65		
Кабо Верде	6,93	2,73		0,65		
Египет	5,65	2,86	0,42	0,65		
Гватемала	6,20	4,11	0,45	0,65		
Гайана	4,38	2,32	0,58	0,65		
Вьетнам	6,36	2,06	0,40	0,65		
Молдова	2,48	1,50	0,61	0,64		
Намибия	6,65	3,36		0,64		
Вануату	5,93	3,96		0,64		
Кыргызстан	4,87	2,70	0,57	0,63		
Никарагуа	6,60	2,72	0,51	0,63		
ЮАР	5,25	2,54	0,57	0,63		
Марокко	6,42	2,35	0,38	0,61		
Узбекистан	5,67	2,56	0,57	0,61		
Йемен	8,71	5,22		0,61		
Сан Томе и Принсипе	6,54	3,81		0,60		
Таджикистан	6,40	3,41	0,59	0,60		
Соломоновы Острова	7,24	3,87		0,58		
Индия	5,08	2,74	0,36	0,57		
Бутан	6,69	2,64		0,56		

Лаос	5,98	3,47	0,33	0,56		
Камбоджа	4,93	2,91	0,27	0,54		
Конго	6,33	4,37	0,51	0,54		
Свазиленд	6,82	3,53	0,47	0,53		
Коморские острова	7,05	3,95		0,52		
Пакистан	6,93	3,96	0,33	0,52		
Ангола	7,19	5,76		0,51		
Мадагаскар	7,22	4,72	0,39	0,50		
Камерун	6,37	4,62	0,40	0,49		
Кения	7,84	4,92	0,43	0,49		
Непал	6,08	2,90	0,24	0,49		
Папуа Новая Гвинея	6,00	4,07	0,34	0,49		
Танзания	6,75	5,56		0,49		
Бангладеш	6,80	2,34	0,29	0,48		
Гана	6,82	4,00	0,36	0,48		
Гаити	5,64	3,50		0,48		
Бенин	6,84	5,45	0,28	0,47		
Мавритания	6,68	4,47	0,39	0,47		
Нигерия	6,82	5,70	0,33	0,47		
Судан	6,57	4,17	0,32	0,47		
Уганда	7,10	6,34	0,33	0,47		
Кот-д'Ивуар	7,92	4,60	0,39	0,45		
Джибути	6,99	3,90	0,35	0,45		
Лесото	5,76	3,33	0,34	0,45		
Того	7,28	4,26	0,35	0,45		
Руанда	8,23	5,41	0,29	0,44		
Сенегал	7,56	4,82	0,29	0,44		
Восточный Тимор	5,15	6,48		0,44		
Малави	7,53	5,55	0,29	0,43		
Эритрея	6,50	4,63		0,42		
Гамбия	6,35	5,05	0,30	0,41		
Замбия	7,44	5,83	0,46	0,41		
Эфиопия	6,77	5,32	0,21	0,40		
Гвинея	6,88	5,41		0,38		
Буркина-Фасо	6,87	5,91	0,18	0,37		
Мозамбик	6,55	5,06	0,23	0,37		
Центрально-Африканская Республика	5,95	4,80	0,30	0,36		
Чад	6,68	6,16	0,21	0,36		
Гвинея-Бисау	6,94	5,71	0,20	0,36		
Либерия	6,55	5,90	0,31	0,36		
Мали	6,71	6,54	0,19	0,36		
Афганистан	7,69	6,60	0,23	0,35		
Бурунди	6,80	4,59	0,20	0,33		
Сьерра Леоне	5,86	5,20	0,27	0,33		

Нигер	7,89	7,12	0,16	0,31		
Конго	6,37	6,03	0,34	0,30		
Зимбабве	7,40	3,43	0,29	0,13		

Рис. А1 показывает, что положительная связь между КСР и ИЧР наблюдается при уровне ИЧР, превышающем 0,85, независимо от шкалирования, использованного в рис. 1.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР)

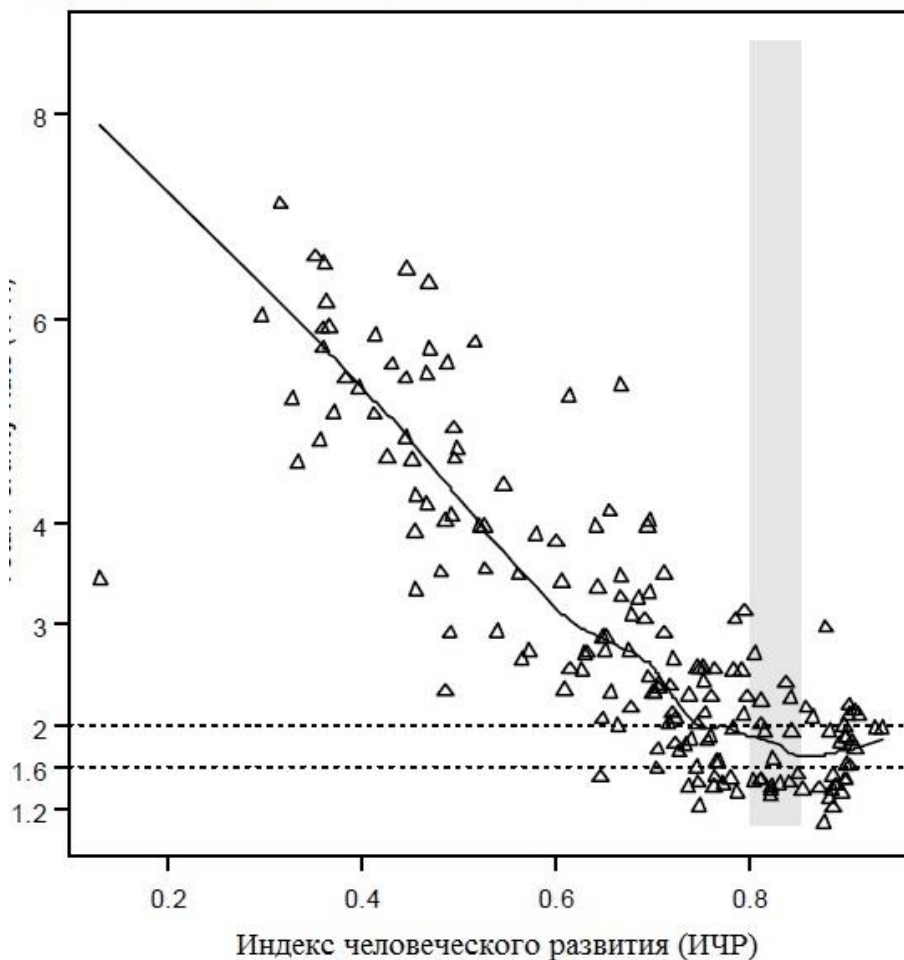

Рис. А.1. Связь между КСР и ИЧР в 2008 г., по странам: точечные значения и сглаженная кривая, соответствующая этим точкам

Примечания:

1. Страны, в которых в 2008 г. ИЧР находился в зоне 0,80–0,84 (в алфавитном порядке): Аргентина, Венгрия, Катар, Латвия, Ливия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Уругвай, Хорватия, Чешская Республика, Чили, Эстония.
2. Страны, в которых в 2008 г. ИЧР был не ниже 0,85 (в алфавитном порядке): Австралия, Австрия, Бельгия, Бруней-Даруссалам, Германия, Гонконг, Греция, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Канада, Кувейт, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Португалия, Сингапур, Словения, Соединенное Королевство, США, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция, Южная Корея, Япония.

Литература

- Alkema L., Raftery A., Gerland P., Clark S., Pelletier F., Buettner T., Heilig G. 2011. Probabilistic Projections of the Total Fertility Rate for All Countries // *Demography* 48(3), p. 815–839.
- Balter M. 2006. The baby deficit // *Science* 312, p. 1894–1897.
- Billari F.C., Kohler H.-P. 2004. Patterns of low and lowest-low fertility in Europe. *Population Studies* 58(2), p. 161-176.
- Bongaarts J. 1998. Demographic consequences of declining fertility // *Science* 282, p. 419–420.
- Bongaarts J. 2002. The End of the Fertility Transition in the Developed World // *Population and Development Review* 28(3), p. 419–443.
- Bongaarts J., Feeney G. 1998. On the Quantum and Tempo of Fertility // *Population and Development Review* 24(2), p. 271–291.
- Bongaarts J., Sobotka T. 2011. Demographic Explanations for the Recent Rise in Europe's Fertility in Population Association of America Annual Meeting. Washington, DC.
- Bongaarts J., Watkins S.C. 1996. Social Interactions and Contemporary Fertility Transitions // *Population and Development Review* 22(4), p. 639–682.
- Bryant J. 2007. Theories of Fertility Decline: Evidence from Development Indicators // *Population and Development Review* 33.
- Butler D. 2004. The fertility riddle // *Nature* 432, p. 38–39.
- Caltabiano M., Castiglioni M., Rosina A. 2009. Lowest-Low Fertility: Signs of a recovery in Italy? // *Demographic Research* 21(23), p. 681–718.
- Cheng Y.A., Goldstein J.R. 2010. The future of completed cohort fertility in low fertility countries: A comparison of forecasting methods in 2010 Population Association of America meeting, April 14-17, Dallas, U.S.
- D'Addio A., D'Ercole M. 2005. Trends and Determinants of Fertility Rates in OECD Countries: The Role of Policies. OECD Social, Employment and Migration Working Papers 27. Paris, OECD.
- de la Croix D., Vander Donckt M. 2010. Would empowering women initiate the demographic transition in least developed countries? // *Journal of Human Capital* 4(2), p. 85–129.
- Demeny P. 2003. Population Policy Dilemmas in Europe at the Dawn of the Twenty-First Century // *Population and Development Review* 29(1), p. 1–28.
- EC. 2005. Green Paper “Confronting demographic change: a new solidarity between the generations.”. Commission of the European Communities. Brussels.
- Esping-Andersen G. 2009. *The Incomplete Revolution: Adapting Welfare States to Women's New Roles*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Eurostat. —. 2011. "Online Database. <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>."
- Frejka T. 2010. Cohort overlays of evolving childbearing patterns: how postponement and recuperation are reflected in period fertility trends." P. 1–43 in *MPIDR Working Papers*. Rostock, Germany: Max Planck Institute for Demographic Research.
- Frejka T., Calot G. 2001. Cohort Reproductive Patterns in Low-Fertility Countries // *Population and Development Review* 27(1), p. 103–132.
- Frejka T., Jones G.W., Sardon J.-P. 2010. East Asian Childbearing Patterns and Policy Developments // *Population and Development Review* 36(3), p. 579–606.

- Frejka T., Sobotka T. 2008. Overview Chapter 1: Fertility in Europe: Diverse, delayed and below replacement // *Demographic Research* 19(3).
- Furuoka F. 2010. The Fertility-Development Relationship in the United States: New Evidence from Threshold Regression Analysis // *Economics Bulletin* 30(3), p. 1808–1822.
- Gauthier A.H. 2007. The impact of family policies on fertility in the industrialized countries: a review of the literature // *Popul. Res. Policy Rev.* 26, p. 323–346.
- Goldstein J., Lutz W., Testa M. R. 2003. The emergence of sub-replacement family size ideals in Europe // *Population Research and Policy Review* 22, p. 479–496.
- Goldstein J.R., Sobotka T., Jasilioniene A. 2009. The end of “lowest-low fertility?” // *Population and Development Review* 35(4), p. 663–699.
- Hausmann R., Tyson L.D., Zahidi S. 2010. The Global Gender Gap Report 2008. World Economic Forum. Geneva, Switzerland.
<https://members.weforum.org/pdf/gendergap/report2010.pdf> .
- HFD. 2011. Human Fertility Database. Max Planck Institute for Demographic Research (Germany) and Vienna Institute of Demography (Austria). Available at www.humanfertility.org.
- Hugh E. 2009. "Advances in development reverse fertility declines" – science or hocus pocus?" in *A Fistful of Euros Blog* (8 August 2009), <http://fistfulofeuros.net/afoe/economics-and-demography/>.
- Human Fertility Database. <http://www.humanfertility.org>.
- Kohler H.-P., Billari F.C., Ortega J.A. 2002. The Emergence of Lowest-Low Fertility in Europe During the 1990s // *Population and Development Review* 28(4), p. 641–680.
- Lauer M. 2009. "Is there a baby bounce?" in *Stubborn Mule Blog* (4 September 2009), <http://www.stubbornmule.net/2009/09/baby-bounce/>."
- Lee R.D. 2003. The demographic transition: three centuries of fundamental change. *J. Econ. Perspect.* 17, p. 167–190.
- Lesthaeghe R. 2010. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // *Population and Development Review* 36(2), p. 211–251.
- Lesthaeghe R., Willems P. 1999. Is low fertility a temporary phenomenon in the European Union? // *Population and Development Review* 25(2), p. 211–228.
- Luci A., Thevenon O. 2010. Does economic development drive fertility rebound in OECD countries? in *Population Association of America Annual Meeting*. Dallas, TX.
- Luci A., Thevenon O. 2011. Do fertility trends respond to family policies in OECD countries? in *Population Association of America Annual Meeting*. Washington, D.C.: Population Association of America.
- Lutz W., O'Neill B.C., Scherbov S. 2003. Europe's population at a turning point. *Science* 299, p. 1991–1992.
- Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. 2008. The coming acceleration of global population aging // *Nature* 451, p. 716–719.
- Martin J.A., Hamilton B.E., Sutton P.D., Ventura S.J., Fay M.A., Menacker F., Kirmeyer S., Mathews M.S. 2009. Births: Final data for 2006. Centers for Disease Control.
http://www.cdc.gov/nchs/data/nvsr/nvsr57/nvsr57_07.pdf.
- McDonald P. 2000. Gender Equity in Theories of Fertility Transition // *Population and Development Review* 26(3), p. 427–439.
- McDonald P. 2006. Low fertility and the state; the efficacy of policy // *Population and Development Review* 32(3), p. 401–510.

- McDonald P., Moyle H. 2011. Why do English-speaking countries have relatively high fertility? // *Journal of Population Research*, p. 1–27.
- Mills M. 2010. Gender roles, gender (in) equality and fertility: An empirical test of five gender equity indices // *Canadian Studies in Population* 37, p. 445–474.
- Morgan S.P., Taylor M.G. 2006. Low Fertility at the Turn of the Twenty-First Century // *Annual Review of Sociology* 32, p. 375–399.
- Myrskylä M., Kohler H.-P., Billari F.C. 2009. Advances in development reverse fertility declines // *Nature* 460(7256), p. 741–743.
- Neyer G.R., Andersson G. 2008. Consequences of family policies on childbearing behavior: effects or artifacts? // *Population and Development Review* 34(4), p. 699–724.
- OECD. 2011. *Doing Better for Families*. Paris: OECD Publishing.
- Ogawa N., Retherford R.D., Matsukura R. 2006. The Emergence of Very Low Fertility in Japan: Changing Mechanisms and Policy Responses in United Nations ESCAP's Seminar on Fertility Transition in Asia: Opportunities and Challenges. Bangkok.
- Parker R. 2009. Fertility decline with rising incomes reverses at high incomes in FuturePundit Blog (5 August 2009), <http://www.futurepundit.com/archives/006423.html>.
- Preston S.H., Heuveline P., Guillot M. 2001. *Demography: Measuring and Modeling Population Processes*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Reebs S. 2009. Birth rates rise in wealthiest nations in LiveScience Blog (11 October 2009), <http://www.livescience.com/culture/091011-population-growth.html>.
- Rindfuss R.R., Guilkey D.K., Morgan S.P., Kravdal Ø. 2010. Child-Care Availability and Fertility in Norway // *Population and Development Review* 36(4), p. 725–748.
- Ruckdeschel K. 2009. Rabenmutter contra Mère Poule: Kinderwunsch und Mutterbild im deutschfranzösischen Vergleich // *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft* 34(1–2), p. 105–134.
- Sobotka T. 2004. Is lowest-low fertility explained by the postponement of childbearing? // *Population and Development Review* 30(2), p. 195–220.
- Sobotka T. 2008. Overview Chapter 7: The rising importance of migrants for childbearing in Europe // *Demographic Research* 19(9).
- Sobotka T., Lutz W. 2009. Misleading Policy Messages from the Period TFR: Should We Stop Using It? // *European Demographic Research Papers*. 4.
- Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. 2011. Economic Recession and Fertility in the Developed World // *Population and Development Review* 37(2), p. 267–306.
- Statistical Yearbook of the Republic of China. 2011. <http://eng.stat.gov.tw>.
- Statistics Australia. 2010. <http://www.abs.gov.au>.
- Statistics New Zealand. 2010. <http://www.stats.govt.nz>.
- Statistics Singapore. 2010. Population Trends 2010 (<http://www.singstat.gov.sg>).
- Thévenon, O. 2011. Family Policies in OECD Countries: A Comparative Analysis // *Population and Development Review* 37(1), p. 57–87.
- Trovato F. 2010. Fertility in Alberta in a Context of Rapid Economic Growth, 1997–2007 // *Canadian Studies in Population* 37(3–4), p. 497–524.
- UNDP. 2011. Statistics of the Human Development Report (UNDP Human Development Report Office, New York, 2011. <http://hdr.undp.org/en/statistics/>).
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2009. "World Fertility Data 2008 (POP/DB/Fert/Rev2008)."

- United Nations. 2010. *World population policies 2009*. New York: Population Division, Department of Economic and Social Affairs.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. "World Population Prospects (<http://www.un.org/esa/population/unpop.htm>).
- United Nations Development Programme. (<http://hdr.undp.org/en/statistics/hdi/>).
- van Peer C. 2002. Desired and achieved fertility. P. 117-142 in *Dynamics of Fertility and Partnership in Europe: Insights and Lessons from Comparative Research*. V. II., edited by E. Klijzing and M. Corijn. New York and Geneva: United Nations.
- VID. 2010. Vienna Institute of Demography (2010) European Demographic Data Sheet. http://www.oeaw.ac.at/vid/datasheet/download_2010.shtml.
- Wilson C. 2004. Fertility Below Replacement Level // *Science* 304, p. 207-208.
- Wilson C. 2011. Understanding Global Demographic Convergence since 1950 // *Population and Development Review* 37(2), p. 375–388.
- World Bank. 2010. World Development Indicators Online Database.
- World Economic Forum. 2010. The Global Gender Gap Report. http://www3.weforum.org/docs/WEF_GenderGap_Report_2010.pdf.
- Yong E. 2009. Fertility rates climb back up in the most developed countries in *Not Exactly Rocket Science Blog*. [http://scienceblogs.com/notrocketscience/2009/08/fertility_rates_climb_back_up_in_the_most_develop ed_countrie.php](http://scienceblogs.com/notrocketscience/2009/08/fertility_rates_climb_back_up_in_the_most_developed_countrie.php).

Перевод И. Троицкой

Взгляд на современные теории миграции через призму фундаментальных работ ¹

Миграция представляет собой объект, давший пищу для многочисленных научных трудов и теоретических размышлений. Собрание этих статей, глав из книг и других работ, охватывающих период в несколько десятилетий, сегодня представлено в одном томе, опубликованном на французском языке в издательстве ИНЕД, в новой серии «Фундаментальные тексты», где будут публиковаться работы, внесшие важный вклад в развитие демографических теорий. Эта серия призвана объединить все оригинальные тексты, ставшие важными вехами в развитии демографической мысли и давшие ключи к анализу и пониманию демографических феноменов. Виктор Пише, редактор-составитель первого тома этой серии, предлагает в его первой главе (сокращенная и переработанная версия которой превратилась в данную статью) обзор этих фундаментальных трудов. Автор пытается представить в статье все разнообразие подходов к пониманию миграционных феноменов: страна выбытия и приема; микро-, мезо- и макроуровни анализа; индивидуальное поведение и сети; миграционная политика. Также он показывает развитие этих теорий с эволюцией динамики внутренних и внешних миграций.

Целью настоящей статьи является обзор современных теорий миграции, изложенных на протяжении последних 50 лет в двух десятках фундаментальных работ, оказавших заметное влияние на наши теоретические представления об этом феномене². Но прежде необходимо отметить две вещи. Во-первых, под фундаментальными работами мы понимаем статьи или главы из книг, которые определенно внесли вклад в изучение миграций. На эти работы постоянно ссылаются или как на теоретические основы, используемые исследователями в эмпирических работах, или в многочисленных обзорах литературы, предлагающих критический анализ теорий миграции. Во-вторых, интересующий нас период охватывает 1960–2000 гг. Выбирая именно такие хронологические рамки исследования, мы исключаем из анализа классические работы по социологии и экономике известных авторов: О. Конта, Э. Дюркейма, М. Вебера, К. Маркса, А. Смита и др. Эти работы оказали существенное влияние на развитие социальных наук, но их вклад в исследование миграций незначителен. Было бы интересно проследить, как в этих классических трудах представлена концепция мобильности, но эта задача выходит за рамки данной статьи.

Первый важный вопрос касается самого определения миграции. Статья начинается с анализа текста, принадлежащего перу А. Симмонса [*Simmons, 1987**] и представляющего собой новаторский документ в том смысле, что в нем сделана

* Отдел демографии, Университет Монреаля, кафедра государственного международного права им. Оппенгеймера, Университет МакГилл, Канада. v-pic@hotmail.com

¹ Оригинал статьи: V. Piché. Les théories migratoires contemporaines au prisme des textes fondateurs. *Population*, 2013/1 Vol. 68, p. 153–178.

² 20 таких текстов, включенных в вышеназванную книгу Piché V., Les théories de la migration, Paris, Ined, Les Manuels/Textes fondamentaux, упомянуты в тексте данной статьи, а в библиографии к ней помечены звездочкой (*).

попытка упорядочить определения и типологии, и, что особенно важно, поместить существующие теории миграции в исторический контекст. Он предлагает три основополагающих параметра для определения миграции: смена места жительства, смена работы и смена социальных связей. Миграция определяется главным образом по первому критерию – смене места жительства, но новаторское предложение Симмонса расширить определение применяется все чаще, особенно в исследованиях макроструктурных факторов миграции.

Симмонс также отмечает фрагментацию этой области исследований, поскольку существующие теории описывают специфические типы миграции, для объяснения которых необходимо рассматривать их в определенном социальном или историческом контексте. Особенно это касается разделения причин и последствий миграции, доминировавшего в исследованиях в этой области. Фрагментация также определяет выбор методов анализа: будет ли это микро-, макро- или мезоуровень. Анализируя фундаментальные тексты, мы принимаем во внимание эту фрагментацию, делая различия, с одной стороны, между причинами и последствиями, и с другой – между микроиндивидуальными и макроструктурными подходами.

1. Происхождение и причины миграции

Микроиндивидуальные подходы

Один из самых первых объяснительных подходов к изучению миграции, как внутренней, так и внешней, базируется на принятии решений на индивидуальном уровне. Перед тем как покинуть свое настоящее место жительства, **индивид** оценивает затраты и выгоды, связанные с потенциальной миграцией. Этот подход часто ассоциируется с текстом Л. Сьястада [*Sjaastad, 1962**], в котором автор предлагает определить эти затраты и выгоды и оценить «процент по инвестициям» в миграцию. Фактически автор рассматривает миграцию как «инвестицию, повышающую производительность человеческих ресурсов», инвестицию, которая требует затрат, но также приносит выгоды. Затраты могут быть денежными и неденежными.

Самым значительным вкладом Сьястада, безусловно, является введение в теорию миграции понятия человеческого капитала, позволившего решить проблему оценки выгод. Он пишет: «Было бы чрезвычайно полезно использовать концепцию человеческого капитала и рассматривать миграцию, образование и опыт как инвестиции в человеческий фактор». Подход Сьястада определенно основан на следующем постулате: анализ индивидуальных затрат и выгод возможен только в случае добровольной миграции, которая в условиях конкурентной экономики означает «оптимальное» распределение ресурсов.

Текст Сьястада открывает направление в исследованиях миграции, в общем виде представленное в работе Э. Ли [*Lee, 1966**]. Это направление основано на объяснении сальдо и потоков миграции с помощью индивидуальных характеристик мигрантов. Ли исходит из предположения, что миграция – это результат личного решения, основанного на факторах притяжения (в месте назначения) и факторов выталкивания (в месте жительства). Одним из основных достоинств модели Ли является ввод концепции промежуточных возможностей, возникающих на пути из места выбытия к месту

прибытия. Он уточняет, что к миграции побуждают не столько объективные характеристики места выбытия и прибытия, сколько индивидуальные, субъективные представления о них. Среди факторов, влияющих на миграционные процессы, Ли отмечает личные контакты и источники информации, имеющиеся у потенциального мигранта в месте прибытия. От этого уже недалеко до понятия «миграционные сети», которое, начиная с 1980-х гг., станет ядром миграционных теорий.

Кроме понятий притяжения, выталкивания и промежуточных факторов, Ли, упоминая миграционные законы Равенштейна [*Ravenstein*, 1885; 1889], предвосхищает иные элементы теории миграции, которые будут развиты позднее другими исследователями. Можно привести в качестве примера идею Ли о специализации квалификаций и занятий, которая предшествовала гипотезе о сегментации рынка труда. Эту гипотезу отстаивал, среди прочих, Портес [*Portes*, 1981]; мы рассмотрим ее ниже. Ли говорит также о дискриминации и «создании новых форм разнообразия в населении», открывая дорогу будущим массовым исследованиям мультикультурных и мультирасовых обществ. Кроме того, он утверждает, что масштабы миграции со временем возрастают, и этот рост связан с все более существенными экономическими различиями между регионами мира, растущим уровнем образования и технологическим прогрессом, особенно в области средств коммуникации и транспорта, а также с появлением факторов, уменьшающих число «промежуточных препятствий». Эти темы, о которых впервые упомянул в своих работах Ли, позднее будут доминировать в научной литературе о международной миграции в контексте глобализации. Наконец, он отмечает, что рост миграции может также определяться и самой миграцией: по мере того, как первые волны мигрантов преодолевают промежуточные препятствия, пересечение границ становится менее проблематичным для следующих волн. Кто-то может увидеть в этих интуитивных открытиях Ли концепцию кумулятивной причинности, предложенную Д. Масси [*Massey*, 1990*].

В обзорах литературы по миграционным теориям модель Ли представлена достаточно полно, поскольку ее критическому анализу было посвящено немало публикаций. Два аспекта заслуживают внимания. С одной стороны, критики единодушно утверждали, что речь идет не о теории как таковой, но скорее о концептуальных рамках, позволяющих классифицировать различные факты, объясняющие миграцию. С другой стороны, они отмечали доминирование, если не исключительность микроиндивидуальных факторов, главным образом связанных с человеческим капиталом, над макроструктурными. Фактически, модель Ли неотделима от микроэкономической концепции добровольной миграции при конкурентной экономике – концепции, которая находится в центре микроэкономической теории миграции, делающей акцент на индивидуальном выборе. Эта теоретическая модель получила дальнейшее развитие в работах М. Тодаро [*Todaro*, 1969; *Harris, Todaro*, 1970] и Борхаса [*Borjas*, 1989]. Достоинством этого теоретического подхода является введение понятия ожидаемого дохода или, говоря языком Сьястада, ожидаемой чистой прибыли от инвестиций.

Если оставаться в рамках микроиндивидуального подхода, возникает еще один вопрос, касающийся эволюции миграционных перемещений. В. Зелински [*Zelinski*, 1971*] одним из первых сформулировал суть теории мобильности, основанной на

понятии перехода, такого близкого сердцу каждого демографа. Он также пытался включить миграцию в теорию демографического перехода, которая до этих пор традиционно принимала в расчет только изменения в уровнях рождаемости и смертности. Как и классическая теория демографического перехода, теория перехода в мобильности (Зелински сдержанно называет ее гипотезой) не выходит за рамки теории модернизации, доминировавшей в 1970-е гг.

Несмотря на архаичные и устаревшие термины Зелински, его вклад в теорию миграций значителен по двум причинам. С одной стороны, он предлагает включить миграцию в комплексную теорию демографического перехода. Это предложение позволяет преодолеть фрагментацию области исследования демографии, обращаясь к понятию демографического режима. В зависимости от эпохи общество использует различные стратегии воспроизводства населения, комбинируя различные воспроизводственные механизмы – рождаемость, смертность и миграцию. Таким образом, миграция не является изолированной стратегией: она соединяется с другими видами демографического поведения [*Gregory, Piché, 1985; Mertens, 1995*]. С другой стороны, если представления о теории (витальной) демографического перехода в наши дни достаточно детально изучены, теория перехода в мобильности, особенно его продвинутой фазы, остается перспективной. К сожалению, это направление развивалось в очень немногих работах. Исключением является анализ А. Симмонса [*Simmons, 1995, 2002*], устанавливающий явную связь между исторической эволюцией миграционных перемещений, их социальным и экономическим значением, и разными этапами развития капитализма и глобализации.

Чаще всего в подходе Зелински критикуют его эволюционистский характер, соответствующий теории модернизации. Этот подход, расцениваемый как «западоцентризм», остается до настоящего времени краеугольным камнем концепции социального изменения и развития в демографии. Фактически первые формулировки теории демографического перехода, появившиеся в колониальную эпоху, сильно окрашены эволюционизмом и представляют «традиционные неиндустриальные общества» как зеркальное отражение мира современных индустриальных обществ. В эволюционистской перспективе эти общества будут развиваться, только если они переймут наиболее современные структуры и привычки, лежащие в основе развитого мира. Сегодня от эволюционистского взгляда почти полностью отказались, по крайней мере, в социологии и антропологии, вследствие, помимо прочего, влияния постмодернистского подхода, который оспаривает важность универсалистских теорий в социальных науках. Даже если постмодернизм был малоприменим в демографии³, в теории миграций он оказал определенное влияние на два направления исследований. Первое направление вновь ставит вопрос о претензии статистических категорий на универсальность, предполагая, что категории – это социальные и политические конструкции, определенные исторически [*Szreter et al., 2004; Cordell, 2010*]. Этот критический подход ставил под сомнение официальные категории, применяемые в ходе переписей, в особенности расовые и этнические [*Nobles, 2000; Simon, Piché, 2012*]. Второе направление, связанное с постколониальными исследованиями, ставит вопрос о

³

За исключением исследований в области рождаемости и здоровья, см. *Riley et McCarthy, 2003*.

последствиях человеческого и символического трансферта колониального наследия в самое сердце метрополии. В противоположность иммиграции из Европы, миграции из бывших колоний, обозначенные как постколониальные, обладают характерными чертами, которые «наследуют как из общего колониального, так и из постколониального опыта, перенесенного в метрополию и отмеченного этническими и расовыми предрассудками, а также дискриминацией» [Simon, 2010, p. 362].

Макроструктурные подходы

С точки зрения большинства исследователей, решение мигрировать невозможно понять вне глобального контекста. Один из первых макроструктурных подходов заключался в описании миграционных перемещений в системе, включающей циркуляцию различных потоков между местом выбытия и прибытия: потоков людей, а также товаров, услуг и идей. Появление синтетического подхода связано с именем Мабогунже [Mabogunje, 1970*]. Его аналитическая схема была попыткой определить все элементы окружения человека, которые могли бы повлиять на миграцию, от экономической ситуации до технологии, социального климата и политической ситуации. Он также отмечает два других фактора, которые получают развитие в дальнейших исследованиях: обмен информацией и сохранение контактов с местом выбытия. За этим последовали многочисленные работы, доказывающие важность для миграционных процессов таких элементов, как социальные и семейные сети, а также финансовые трансферты. Подход Мабогунже позволяет рассматривать миграцию не как линейное однонаправленное движение, но как циркулярный процесс, включенный в систему взаимозависимых переменных.

Разумеется, системный подход нелегко операционализировать, настолько многочисленны факторы миграции, перечисленные Мабогунже. Тем не менее этот подход позволяет перейти к концепции международной миграции в ее связи с глобализацией, и даже к идее общего рынка труда в мировой глобальной экономике [Petras, 1981; Simmons, 2002]. Эта глобальная перспектива становится все более и более популярной с 2000-х гг. и дает повод для многочисленных публикаций, посвященных транснациональным сетям [Schiller et al., 1992; Faist, 2000; Vetrovec, 2009]. Мы вернемся к этому позже, анализируя труды Оберэ и Манмохана [Oberai, Manmohan, 1980*].

Неотъемлемой характеристикой системного подхода является циркулярность – понятие, теоретически обоснованное Буравым [Burawoy, 1976*]. Оригинальный вклад Буравого заключается в следующем: прежде всего он расширил рамки модели циркуляции, обобщив ее для всех видов циркулярной миграции (особенно международной), затем проиллюстрировал свои гипотезы с помощью сравнительного анализа, включающего случаи Мексики, США и ЮАР. Ставя вопрос об определении рационального мигранта, максимизирующего свои интересы под влиянием сил рынка, он вводит в модель политические и структурные переменные. Ключевое понятие его теории основано на принципе географического разделения функций возобновления (воспроизводства) и содержания рабочей силы. Соединение этих двух функций является основой циркулярной системы. С одной стороны, внутренняя экономика должна продолжать функционировать, не только с точки зрения производства

необходимых товаров, но и как система социальной защиты для всех членов семьи, включая и тех, кто уехал из страны и прибыл на другой рынок труда, не имея гарантий в виде социальной страховки от несчастных случаев, болезни или безработицы. С другой стороны, финансовые потребности обязывают часть членов семьи эмигрировать туда, где находятся рынки труда, связанные с рыночной экономикой⁴.

В соответствии с тезисом Буравого, идея циркуляции предполагает двойную зависимость и базируется одновременно как на экономике, так и на политических и юридических институтах: «Двойная зависимость от двух способов производства не воспроизводится без обращения к неэкономическим институтам». Это утверждение заслуживает более детального изучения. На самом деле, пример Западной Африки, подтвержденный данными, показывает, что даже после исчезновения института принуждения (т.е. отмены подневольного труда) система временных трудовых миграций продолжает существовать [Cordell et al., 1996].

Концепция циркуляции ставит под сомнение классический подход, связывающий развитие и миграцию, согласно которому развитие порождает эмиграцию, разрушая доиндустриальное общество и освобождая рабочую силу для новых городских рынков труда [Massey, 1988]. Ожидается, что с течением времени под влиянием миграции, рассматриваемой как механизм перераспределения ресурсов, установится равновесие между зонами выбытия и прибытия [Torado, 1969]. Напротив, идея циркуляции предполагает, что доиндустриальное общество, с его домашней экономикой, не может разрушиться, поскольку оно должно продолжать обеспечивать как существование тех членов семьи, которые не эмигрировали, так и «социальную защиту» уехавших [Gregory et Piché, 1983].

Модель Буравого остается актуальной и в наши дни, но уже по иной причине. Фактически программы найма временных работников, вновь начинающие реализовываться в развитых странах, характеризуются двойной зависимостью трудовых мигрантов – экономической и институциональной. Даже если этим работникам платят в соответствии с рыночной зарплатой (что бывает далеко не всегда), работодатели, прежде всего, ищут возможности избежать расходов, связанных с социально-экономической интеграцией, отказывая своим работникам в гражданских правах⁵.

Подход, предложенный Буравым, вводит макроструктурные факторы в процессы циркулярных миграций. Но более общая точка зрения для некоторых авторов состоит в том, что миграция является, прежде всего, ответом на спрос на рабочую силу. Так, Сассен [Sassen, 1988*] перечисляет самые распространенные факторы, определяющие спрос на рабочие руки иммигрантов. Она считает, что иммиграция – это исключительно городской феномен, который в особенности затрагивает большие городские агломерации развитого мира. Именно Сассен принадлежит заслуга развития

⁴ Интересно отметить, что примерно в это же время, за год до Буравого, Клод Мейассу [Meillassoux, 1975], которого мы не цитируем здесь, предложил для африканского контекста тот же подход связывания способа внутреннего производства и капитализма, а также разделение двух функций (воспроизводство и содержание рабочей силы). Эта идея вдохновила впоследствии многих авторов работ об африканских миграциях, как внутренних, так и внешних [Gregory et Piché, 1985].

⁵ Создание программ привлечения временных работников в настоящее время получает большую поддержку как международных организаций (к примеру, МОТ или МОМ), так и исследователей [Piché, 2012].

концепции мирового города, из которого осуществляется управление мировой экономикой. Она обсуждает реорганизацию промышленного производства, выражающуюся, в частности, в быстром росте небольших мастерских, эксплуатирующих нелегальную рабочую силу и домашний труд. Эта новая экономика также спровоцировала рост предложений малооплачиваемой работы. Как утверждает Сассен, «динамика роста этих секторов играет решающую роль в экспансии неформального сектора экономики», предположительно занятого неквалифицированными рабочими-иностранцами. Массовое прибытие иммигрантов из бедных стран в течение последних 15 лет трудно объяснить без учета этих тенденций.

Гендерный подход

До недавних пор вся литература о миграциях была посвящена перемещениям мужчин. Специальный выпуск «Журнала международных миграций» (*International Migration Review*) под редакцией М. Мороквасич [*Morokvasic*, 1984], напомнил, что этот феномен в равной мере относится и к женщинам. Мороквасич исследует разнообразие судеб женщин-мигрантов в мире, приводя в качестве примеров многочисленные случаи эксплуатации женской рабочей силы. Согласно ее исследованиям, миграция женщин может иметь позитивные последствия (эмансипация, финансовая независимость), но может и усугублять проблемы неравенства полов.

Несмотря на выступления Мороквасич в защиту женщин-мигранток, необходимо, тем не менее, признать, что феминистский подход к изучению миграций пока еще недостаточно широко применяется в этой области исследований. Обзоры литературы не уделяют достаточно внимания миграциям женщин [см., к примеру, *Massey et al.*, 1998; *Zlotnik*, 2003]. Тем не менее в подходе Мороквасич гендерные роли в принятии решений о миграции изучаются с позиций специфической теории о месте женщин в обществе. Эта теория утверждает, что необходимо выйти за рамки принятия в расчет пола как простой переменной, одной среди прочих, и сделать из него центральный элемент концепции [*Boyd*, 1989; *Pessar*, 1999; *Lutz*, 2010]. Эта теоретическая конструкция настаивает на разделении труда по полу, предписывая женщинам практически всю домашнюю работу, помещая их в подчиненное положение, ограничивая их территориальные перемещения в местах выбытия и часто оставляя им в качестве выбора только временную работу в зонах прибытия. По мнению многих авторов, маргинальное положение женщин на рынке труда является результатом внутрисемейных соглашений, поддерживающих принцип неравенства полов [*Tienda et Booth*, 1991].

Миграционные сети

Неоклассическая теория чаще всего подвергалась критике представителями «новой экономики трудовых миграций», в особенности экономистом О. Старком [*Stark*, 1991]. Старк и Блум в своей работе [*Stark, Bloom*, 1985*] дистанцируются от микроэкономических теорий и вводят понятие семейной стратегии, подчеркивая взаимозависимость мигранта и его семьи и делая акцент на управлении и разделении рисков. Таким образом, миграция анализируется на уровне домохозяйства и приобретает вид социальной защиты, поскольку помимо человеческого капитала, столь

популярного среди представителей неоклассической теории, существует еще капитал связей и родства (социальный капитал). Этот подход затем был обобщен и распространен на исследования миграции в развивающихся странах, в особенности в том, что касается стратегий выживания и способности мигрантов стать участниками процесса изменений [De Haas, 2010]. Выходя за рамки индивидуалистского и атомистического взгляда, можно определить миграцию как процесс, зависящий от коллективных и семейных действий, объединяющий мигрантов и немигрантов в систему связей, к которой затем применяются новые методы анализа, группирующиеся вокруг концепции сети.

Работа М. Бойд [Boyd, 1989*] – одна из наиболее заметных в литературе, посвященной сетям и гендеру. Основным вкладом этой работы является определение сетей как связей между местом выбытия и прибытия. Сети также представляют собой промежуточные связующие звенья между структурными факторами (макроуровень) и действующими лицами (микроуровень). В такой конструкции семья играет центральную роль. Наконец, Бойд настаивает на связи между гендером и сетями в миграциях, подчеркивая, что необходимо принимать во внимание разделение труда по полу в социальных производственных связях. Также, опираясь на работы Буравого [Burawoy, 1976] и Мейясу [Meillassoux, 1975], она вновь возвращается к разделению между общественной и частной сферами, а также к их взаимосвязи для понимания миграционных стратегий женщин.

Сетевой подход лежит и в основе модели кумулятивной причинности Д. Масси [Massey, 1990*]. Понятие сети представляет собой элемент социальной структуры, на основании которого Масси устанавливает связь между сетью и влиянием обратной связи на миграцию. Через какое-то время, под влиянием циркулярной и кумулятивной причинности, миграция начинает поддерживать сама себя. Другим важным вкладом работы Масси стало предположение о разделении процессов инициации миграции и ее поддержания. На первом этапе проникновение рынков в развивающиеся регионы постепенно разрушает традиционные пространственные общинные структуры и создает локальные условия, благоприятные для миграции. И только после того, как миграция началась, «включаются различные механизмы самоподпитывания, позволяющие упрочивать и расширять миграционные потоки», которые, в свою очередь, влияют на общинные структуры и усиливают кумулятивную причинность. Существование сетей выливается в создание социального капитала – концепции, позволяющей понять, как и почему принадлежность к сетям повышает вероятность мигрировать: благодаря ресурсам сети цена риска снижается, а выгоды миграции возрастают [Palloni et al., 2001].

Этот подход, в центре которого стоят сети и социальный капитал как позитивный фактор, критиковал, среди прочих, Криссман [Krissman, 2005]. В частности, он полагает, что понятие миграционных сетей, предложенное Масси, слишком ограничено, поскольку сосредоточено на социальных и семейных сетях, функционирующих в основном в тех же регионах, из которых происходят сами мигранты. По мнению Криссмана, сети включают множество других действующих лиц, выполняющих функции посредников, как при пересечении мигрантами границ, так и при прибытии в место назначения.

Этими действующими лицами могут быть работодатели, ищущие работников-мигрантов, а также проводники, обеспечивающие нелегальные миграции. Эти лица, вовлеченные в миграционные сети, не только упрощают процесс миграции, но могут быть и эксплуататорами. Многочисленные документы свидетельствуют о существовании разветвленных сетей перевозчиков нелегальных мигрантов, часто связанных с организованной преступностью [Skeldon, 2002; Bélanger]⁶.

2. Влияние миграций

До настоящего времени область исследования миграций остается поделенной между объясняющими теориями и изучением последствий. Литература, посвященная последствиям миграций, в свою очередь, делится на исследование микро- и макроподходов и на изучение миграций в контексте развивающихся и развитых стран.

Экономическое влияние иммиграции: макроструктурный подход в развитых странах

Статья С. Кастла и П. Косак [Castles, Kosack, 1972*] рассматривает иммиграцию как следствие «структурной необходимости» в ответ на нужды капитала и работодателя. Эта пионерская работа об экономическом вкладе иммигрантов порождает целую серию гипотез, на которых основываются последующие исследования. Она описывает существенный по европейским меркам миграционный поток, который и сегодня еще существует для некоторых форм иммиграции, особенно иммиграции низкоквалифицированной рабочей силы, нелегальной иммиграции и временной миграции в некоторых областях экономики: сельском хозяйстве, строительстве и ресторанном бизнесе. Но основным вкладом Кастла и Косак была идея о существовании иерархии в структуре занятости, и иммигранты часто находились в самом низу социальной и экономической лестницы, усиливая таким образом расслоение рабочего класса. В серии работ Кастла и Косак, выполненных в марксистском ключе, иммиграция рассматривалась как феномен, имеющий негативные последствия. Этот негативный подход будет впоследствии применен к исследованиям связи миграции и развития; эту тему мы рассмотрим подробнее в следующем разделе. Недавние исследования глобальных экономических последствий иммиграции (на макроуровне) дают менее противоречивые и более достоверные результаты [Héran, 2002]. Самые существенные ограничения работ Кастла и Косак – методологического порядка. Большинство исследователей признает, что существующие методы анализа не позволяют делать окончательные выводы; этим же объясняется и большой разброс результатов – от положительного до отрицательного или даже неопределенного влияния. В любом случае измеренное влияние оказывается слабым, даже незначимым. Первая причина этого методологического ограничения проистекает из того факта, что число параметров, которые необходимо включить в аналитические модели, очень велико и не поддается эмпирической оценке, по крайней мере, до настоящего времени. Вторая причина более фундаментальна: все исследования оценивают краткосрочные последствия иммиграции, тогда как наиболее полно все выгоды можно оценить только

⁶ Для общего обзора состояния нелегальной миграции в мире см. *Laczko et Gozdziaik, 2005.*

в средне- и долгосрочной перспективе [Goldin et al., 2011]. К сожалению, работы, посвященные анализу отдаленных последствий миграции, очень редки. Если опираться на исследование американцев Картера и Сутча [Carter, Sutch, 1999], посвященное длительному периоду, охватывающему XIX и часть XX в., выгоды миграции видны более ясно. На самом деле, иммиграция может оказывать очень сильное влияние на экономическую структуру в целом, включая показатели занятости, уровень квалификации населения, количество и качество капитала, организацию производства [Carter et Sutch, 1999]. В другом, более недавнем обзоре дебатов о последствиях иммиграции для развитых стран, делается вывод, что в глобальном смысле влияние позитивно, с точки зрения как роста производства, так и инноваций и налоговых поступлений [Goldin et al., 2011, part 6].

Миграция и развитие: случай развивающихся стран

В развивающихся странах дебаты об экономическом влиянии миграции приняли принципиально иной характер. Исследователей интересует не столько ситуация в регионах прибытия, сколько связи между эмиграцией и развитием регионов выбытия. Как свидетельствуют более ранние работы [Oberai, Manmohan, 1980*], так было не всегда. Заслуга авторов этой работы заключается в том, что они взглянули на проблему с противоположной стороны, рассматривая связи между эмигрантами и зонами их выхода через призму денежных трансфертов, которые составляют, по мнению авторов, один из ключевых векторов влияния эмиграции в развивающихся странах. Точный вклад этих денежных переводов в сельскую экономику трудно определить *a priori*. Они могут дополнять продуктивные инвестиции, направленные на развитие и диверсификацию сельского хозяйства, или вкладываться в несельскохозяйственную деятельность в сельских регионах, или расходоваться на покупку жилья и образование, или просто служить для поддержки тех, кто не мигрировал и остался в деревнях. То есть трансферты могут использоваться и непродуктивно, и это станет лейтмотивом последующих исследований – как сделать более продуктивными финансовые трансферты.

Авторы отмечают, что сезонный мигрант может начать посылать деньги достаточно скоро, – идея, использованная впоследствии многими авторами. К ним относится и Портес [Portes, 2009], который в своем исследовании сделал вывод, что временная миграция дает наиболее выраженный положительный эффект. Оберэ и Манмохан [Oberai, Manmohan, 1980*] также отмечают, что относительное влияние денежных переводов наиболее заметно для самых бедных домохозяйств. Работа Оберэ и Манмохана дала импульс настоящей исследовательской программе, развивающейся в двух направлениях. Сначала произошло осознание важности объема денежных переводов, и многие исследователи пытались оценить денежные потоки в мировом масштабе. К примеру, в 2011 г. денежные переводы в развивающиеся страны достигали в сумме 372 млрд долл., увеличившись на 12,1% по сравнению с 2010 г. При среднем приросте в 7–8% в год сумма этих трансфертов могла бы достичь 467 млрд долл. в 2014 г. [Ratwa, Silwal, 2012]. Все международные организации, вовлеченные в процессы развития, приняли идею, что мигранты могли бы стать носителями прогресса и развития [Faist, 2007]. Второе направление исследований, связанное с первым, привело

к появлению множества работ, посвященных феномену транснационализма [Vertovec, 2009]. В рамках этой концепции миграции речь идет не об окончательном разрыве, но скорее о сохранении связей между местом выхода и местом назначения, поскольку жизнь мигрантов выходит за рамки национальных границ, объединяя два общества в единое социальное пространство.

Транснационализм часто создает позитивное восприятие миграции, поддерживаемое и распространяемое такими международными организациями, как Всемирный банк, МОМ и различные структуры ООН. В многочисленных критических публикациях делались предложения ограничить влияние денежных переводов и транснационализма на развитие. В частности, обзоры литературы, посвященные влиянию денежных трансфертов, предполагают, что ситуация очень неоднородна, и трансферты сами по себе не могут оказывать значительного влияния на экономическое развитие страны или региона, если не существует реальной возможности инвестирования в экономику той местности, в которой живут домохозяйства – получатели трансфертов [Skeldon, 2008; De Haas, 2010]. Иными словами, если домохозяйства не могут преодолеть структурные препятствия на пути развития (доступ к кредитам, доверие к институтам, благоприятная для инвестиций миграционная политика и т.п.), денежные переводы не могут оказать существенного влияния на развитие на локальном или национальном уровне.

Микроэкономические последствия иммиграции

Изучение влияния миграции на микроиндивидуальном уровне имеет два направления. Первое отвечает на следующий вопрос: является ли миграционный опыт позитивным для самого мигранта? Представителей второго направления больше интересует влияние миграции на немигрирующее население или коренное население принимающего общества. Удивительно, что в развитых странах первое направление очень мало изучено, как если бы заранее предполагалось, что миграция не может быть позитивной для **индивида**. В некотором смысле получается, что микроэкономическая гипотеза о рациональном **индивиде**, максимизирующем свои интересы, является постулатом, не требующим проверки. Напротив, второе направление занимает почти всю область исследований миграции, концентрируясь на трех вопросах: каково влияние иммиграционных потоков на доходы и занятость коренного населения? Действительно ли наличие иммигрантов оказывает негативное влияние на возможности коренного населения? Наконец, все ли группы коренного населения одинаково затронуты появлением иммигрантов на рынке труда?

Дж. Борхас [Borjas, 1990*] посвятил свои труды изучению этих вопросов. Согласно его выводам, существуют две противоположные точки зрения на влияние иммиграции на занятость коренного населения. Некоторые наблюдатели утверждают, что иммигранты занимают рабочие места коренного населения, тогда как другие, в том числе и сам Борхас, поддерживают противоположную точку зрения, считая, что иммигранты не оказывают влияния на возможности занятости для коренного населения. Самый важный его вывод состоит в том, что весь методологический арсенал современной эконометрики не способен найти ни одного доказательства того, что иммигранты имеют значительное негативное влияние на доходы и занятость коренного

населения США. Какова причина этого? Она состоит в том, что работники из коренного населения и из иммигрантов в среднем очень слабо заменяют друг друга в экономике. Борхас показывает, кстати, что появление новых иммигрантов на рынке труда может оказать негативное влияние, но сильнее всего почувствуют это или иммигранты, уже присутствующие на рынке труда, или низкоквалифицированные работники из коренного населения. Но и в этих случаях влияние будет настолько слабым, что им можно пренебречь [Card, 2009].

Одной из концептуальных проблем изучения экономической интеграции мигрантов как в развитых, так и в развивающихся странах является представление о рынке труда как о чем-то цельном. Благодаря А. Портесу и его исследовательской группе возникла идея существования нескольких способов выхода на рынок труда [Wilson, Portes, 1980*]. Авторы, вдохновленные теорией сегментации рынка труда, разработанной М. Пиоре [Piore, 1979], предлагают три таких способа. Два первых связаны с первичным и вторичным секторами экономики. Первый способ возможен для профессиональных квалифицированных работников, часто организованных в профессиональные союзы и имеющих реальные возможности для карьеры. Этот сектор характеризуется стабильностью, шансами на повышение в должности, высокими зарплатами и хорошими условиями труда. Вторичный сектор выглядит совершенно иначе и характеризуется неквалифицированным или низкоквалифицированным временным трудом и слабым присутствием профсоюзов. Именно в этом секторе занято значительное количество иммигрантов.

Но самым оригинальным вкладом Уилсона и Портеса в теорию миграций является предложенный ими третий способ входа на рынок труда, который они назвали «этническим анклавом». Они назвали так группы иммигрантов, сконцентрированные в ограниченном пространстве и организующие предприятия, которые обслуживают их собственный этнический рынок и/или все население в целом [Portes, 1981]. Основной характеристикой анклава является то, что значительная доля иммигрантов трудится на предприятиях, принадлежащих таким же иммигрантам [Light, 1972]. Этот способ выхода на рынок труда означает, что не все неквалифицированные иммигранты оказываются в самом низу социально-экономической пирамиды, и что труд в этническом анклаве может быть выгодным, поскольку предоставляет реальные возможности для продвижения. Исследования, в большинстве своем американские, изучают главным образом иммигрантов из Азии (японцев, корейцев), а также кубинцев в Майами.

В недавних исследованиях, посвященных этому вопросу, делались попытки вернуться к изучению этнических анклавов. В своей критической статье Вальдингер [Waldinger, 1993] приходит к заключению, что применение понятия анклава заводит исследователя в концептуальный и эмпирический тупик, и предлагает отказаться от этого термина, заменив его понятием этнической экономики. Дебаты, вызванные работами Портеса, касаются, прежде всего, позитивного или негативного влияния анклава на экономическую интеграцию. В противоположность сторонникам этого подхода, многие исследователи задаются вопросом о том, является ли этнический анклав преимуществом для иммигрантов [Sanders and Nee, 1992]. В работе, опубликованной в 2006 г., Портес и Шафер [Portes, Shafer, 2006] вернулись к этим

дебатам и пришли к выводу, что подход, основанный на концепции этнического анклава, до сих пор остается применимым.

Политические последствия: случай миграции беженцев

Политические последствия иммиграции рассматриваются с двух точек зрения. С одной стороны, политические факторы были лучше всего изучены на примере передвижений беженцев; с другой стороны, влияние миграций на разнообразие – в терминах отношений между меньшинствами и большинством – приобретает иной политический смысл в дебатах по вопросам идентичности. Во многих работах, опубликованных к настоящему времени, авторы изучают легальную и добровольную миграцией. Статья Золберга, Шурке и Агуайо [Zolberg, Suhrke, Aguayo, 1986*] посвящена перемещениям беженцев – типу миграции, достаточно распространенному на всем протяжении XX в. и остающемуся значительным и в наши дни.

Авторы, обсуждая причины миграции беженцев, указывают на важное различие между внутренними и внешними факторами. На самом деле, если детерминанты преследования, а именно, на факте преследования основано определение беженца в Женевской конвенции, являются внутренними для какого-то государства, внешние последствия также могут присутствовать: это факторы, которые обостряют экономические и социальные проблемы, повышают вероятность развязывания конфликтов, вызывая, таким образом, массовые перемещения беженцев. Политика, проводимая потенциальными странами – реципиентами беженцев, представляет наиболее проблематичный вид внешних последствий. Решение предоставить гражданам другого государства формальный статус беженцев выглядит как обвинение правительства этого государства в преследовании своих граждан или в недостаточной защите, которая им должна быть гарантирована.

Авторы также обсуждают миграции беженцев в контексте, в котором присутствует значительная асимметрия власти и богатства. Развивающиеся страны, для которых характерна структурная деформация вследствие их интеграции в мировую экономическую систему, участвуют, таким образом, в глобальной экономике на неравных условиях, что обостряет конфликты всех видов, в особенности этнические, которые, по мнению авторов, в наши дни постоянно возникают в Азии и Африке. Они показывают, что ситуация, ведущая к развязыванию социальных конфликтов, является не исключительно внутренней, но и транснациональной, и когда конфликты возникают, они имеют тенденцию становиться международными. В заключение скажем, что если конфликты становятся международными, их разрешение требует действий также на международном уровне.

Этот тип исследований очень мало развивался после работы Золберга, Шурке и Агуайо [Zolberg, Suhrke, Aguayo, 1986*]. Проблемы беженцев чаще всего изучаются с точки зрения применения Женевской конвенции. Некоторые недавно опубликованные работы, к примеру, показывают, что европейские страны проводят политику ограничения и даже прекращения практики предоставления убежища в Европе [Legoux, 2006].

Социальные последствия миграций: меньшинство против большинства

Все возрастающая дифференциация в обществе составляет одно из важных последствий миграционных перемещений и бросает серьезный вызов решению проблем социального, расового и этнического неравенства. По этому поводу Кастл [Castl, 1993*] предложил целую серию гипотез о положении мигрантов и этнических меньшинств в Западной Европе, особенно с точки зрения миграционной политики, проблем гражданства, расизма и идентичности. Не рассматривая здесь каждую из этих гипотез в отдельности, мы считаем важным подчеркнуть некоторые аспекты, до сих пор остающиеся актуальными, в частности, влияние иммиграции на межэтнические и межрасовые отношения.

Оригинальный вклад Кастла состоит в том, что он обратился к проблеме расизма в Европе и пришел к выводу, что «европейское сознание» строится на принципах исключения и дискриминации, и что в основе его лежит страх перед волной «отчаявшихся масс», прибывших с Юга. По его мнению, формирование новых меньшинств вследствие иммиграции, с их собственной культурой, идентичностью и институтами, является необратимым процессом, по-новому определяющим существующие понятия национальной идентичности и гражданства. Он утверждает, что наилучшим решением являются мультикультурные модели, но препятствия для их создания слишком велики. Отдаленным последствием иммиграции станет появление мультикультурного общества, в котором возникнут новые концепции гражданства и государства.

Гипотезы Кастла, сформулированные в европейском контексте, все еще очень уместны в нашем мире. Лучше всего исследованы два направления. Прежде всего почти все работы, посвященные факторам входа в экономику, предполагают, что трудности этого входа для некоторых групп иммигрантов, в частности, тех, которые на модном языке, принятом в США, называются «видимыми меньшинствами», определяются дискриминацией [Piché et al., 2002; Richard, 2004]. В рамках другого направления исследуется влияние иммиграции на национальную идентичность. В этом направлении также наблюдаются ожесточенные социальные и политические дебаты между сторонниками плюрализма и теми, кто считает, что иммиграция угрожает национальным ценностям. Рост влияния крайне правых партий почти во всем мире обусловлен, среди прочего, и антииммиграционными лозунгами, иногда связанными с исламофобией.

3. Миграционная политика

Миграционные теории служат не только для того, чтобы понять и объяснить феномены, они используются еще и для обоснования миграционной политики. Вся миграционная политика XX в. основана на незыблемом постулате: иммиграция – это привилегия, но не право. Речь идет о парадигме, которая формирует миграционную политику в зависимости от экономических нужд страны и ориентирует ее главным образом на рынок труда. Кроме того, эта парадигма основана на принципе национального суверенитета в вопросах миграционной политики. В этом контексте нет оснований говорить о свободном перемещении людей, как это сделал Дж. Каренс [Carens, 1987].

Каренс исходит из принципа, что место рождения человека и его родственные связи образуют естественные условия, в которых формируются моральные принципы. Согласно его мнению, мысль иммигранта о том, что его отъезд снизил бы экономическое благополучие граждан его страны, не превалирует над приоритетом иммиграции. Влияние иммиграции на историю и культуру не является решающим аргументом, «пока фундаментальные либеральные и демократические ценности не находятся под угрозой». Дискуссия о принципах сообщества, а именно, об оправдании исключений из прав общин на самоопределение, приводит его к следующему вопросу: «Если свобода передвижений внутри государства так важна, что берет верх над требованиями местных политических общин, на каком основании мы ограничиваем свободу перемещений между государствами?». Он идет еще дальше, излагая другой принцип, также актуальный в наши дни для временных трудовых миграций: «Будет справедливо заметить, что наше общество должно давать трудовым иммигрантам доступ к гражданству в полном объеме. Любая другая политика не будет соответствовать нашим демократическим либеральным принципам». Для Каренса свобода передвижений, возможно, не может быть реализована немедленно, но представляет собой цель, к которой мы должны стремиться. Этот подход стал регулярно обсуждаться в литературе лишь в конце 2000-х гг. Недавняя работа Пеку и Гуштенеира [*Pécoud, Guchteneire, 2009*] особенно поколебала уверенность, касающуюся незыблемости утилитаристского принципа.

Б. Гош [*Ghosh, 2000**], не предлагая полную свободу перемещений, которую он считает нереальной, одним из первых систематизировал глобальный подход к управлению миграциями. Его работа проливает свет на некоторые недостатки существующей миграционной политики и практики и предлагает многосторонний подход, более глобальный, более уравновешенный и прозрачный. Он подчеркивает отсутствие приспособленной политики и твердых рамок действий, чтобы встретить во всеоружии новые миграционные реалии, в особенности все возрастающее давление на эмиграцию, связанное с ростом неравенства.

Основная мысль Гоша такова: вместо того, чтобы бороться с причинами, которые создают и подпитывают напряжение, провоцирующее беспорядочные миграционные перемещения в странах-донорах или привлекающее миграционные потоки в принимающие страны через тайные каналы, правительства в качестве ответа вводят репрессивные и ограничительные меры. Он считает, что миграции начинают постепенно выходить из-под всякого контроля, а масштаб нелегальной миграции в мире свидетельствует о его неэффективности.

Подход Гоша дал начало тому, что можно назвать новой парадигмой в области управления миграциями, а именно, *миграционному менеджменту*. В рамках этого подхода управление миграциями означает систему действий, направленных на достижение более упорядоченных, предсказуемых и гуманных целей благодаря глобальному управлению миграционным режимом. Оно базируется, таким образом, на той идее, что хорошо организованная миграция может иметь положительные последствия для всех: стран исхода, принимающих стран и самих мигрантов (откуда и появился известный лозунг *win-win-win*, или *выигрывают все*). По мнению авторов многих критических работ, *миграционный менеджмент* представляет собой новую

парадигму, которая пытается распространить глобальный гегемонистский подход, рассматривающий миграцию как нормальную характеристику сегодняшнего глобализирующегося мира [Geiger, Pécoud, 2012]. На практике управление миграциями включает серию мер, обеспечивающих более эффективный пограничный контроль, в том числе перехват мигрантов еще до того, как они попали в страну назначения.

Все возрастающие потоки нелегальных мигрантов отчасти определяют текущие политические лозунги и служат для оправдания ограничительных мер. К сожалению, научные исследования этого вида миграционных потоков отсутствуют. Исключением является работа Ж. Тапиноса [Tapinos, 2000*], хорошо дополняющая анализ Б. Гоша, особенно в ее части, касающейся нелегальных миграций. Тапинос считает, что анализ экономического и политического смысла нелегальной миграции сводится к исследованию ее отличий от миграции легальной. Помимо проблем измерения, объектом политических дебатов часто становятся экономические последствия нелегальной миграции. По мнению автора, выгоду от нелегальной миграции получает прежде всего работодатель. Сама ситуация нелегальности благоприятствует дискриминации, принимая во внимание неустроенность нелегального мигранта и его слабую позицию в диалогах с работодателем на рынке труда.

По мнению Тапиноса, нелегальные мигранты являются одним из элементов теневой экономики, но не ее причиной. Существование такой экономики повышает возможность приема на работу нелегальных мигрантов, тем более что миграционные сети облегчают их наем в неформальном секторе. Проблема управления миграциями невозможна без координации между правительствами. Таким образом, речь идет о многостороннем управлении, поскольку, считает Тапинос, взгляд на контроль иммиграции исключительно с позиций суверенитета давно устарел.

4. К множественному подходу

Для периода 1960–1980-х гг. нередко были характерны конфронтации между различными теориями миграций. Микроиндивидуальным теориям, базирующимся на экономической рациональности и понятии равновесия, часто противопоставлялись теории макроструктурные, в центре внимания которых находился спрос на рабочую силу мигрантов, вызванный трансформациями мировой капиталистической экономики [Wood, 1982]. Многочисленные эмпирические исследования, особенно в начале 1990-х гг., подорвали саму основу этих дебатов между двумя подходами и позволили констатировать, что каждая теория объясняет лишь часть миграционного процесса, причем некоторые теории более обоснованы в зависимости от региона или исторического периода.

Мы объединили различные теоретические подходы, представив схематически определенную эволюцию идей. Это не столько противопоставление теоретических подходов – каждый из них описывает специфическую область, и любое объяснение миграционных процессов должно принимать в расчет все эти подходы. Теоретические подходы, описанные выше, представляют в некотором роде кусочки пазла, которые мы попытались собрать в целое на **рис. 1**. Эта схема представляет аналитические рамки, в которых миграция рассматривается как многофакторный и многомерный процесс, а также определяет три основные составляющие миграции: география (страна-донор и

страна-реципиент); уровень анализа (микро-, мезо-, макро- и глобальный); социально-экономическое и политическое измерение миграций [Piché, 2004]. С методологической точки зрения, мы видим, что в центре модели находится переменная времени. С одной стороны, макроэффект миграции ощущается лишь в долгосрочной перспективе (историческое время); с другой стороны, интеграция в новое общество является функцией от длительности пребывания в нем (биографическое время).

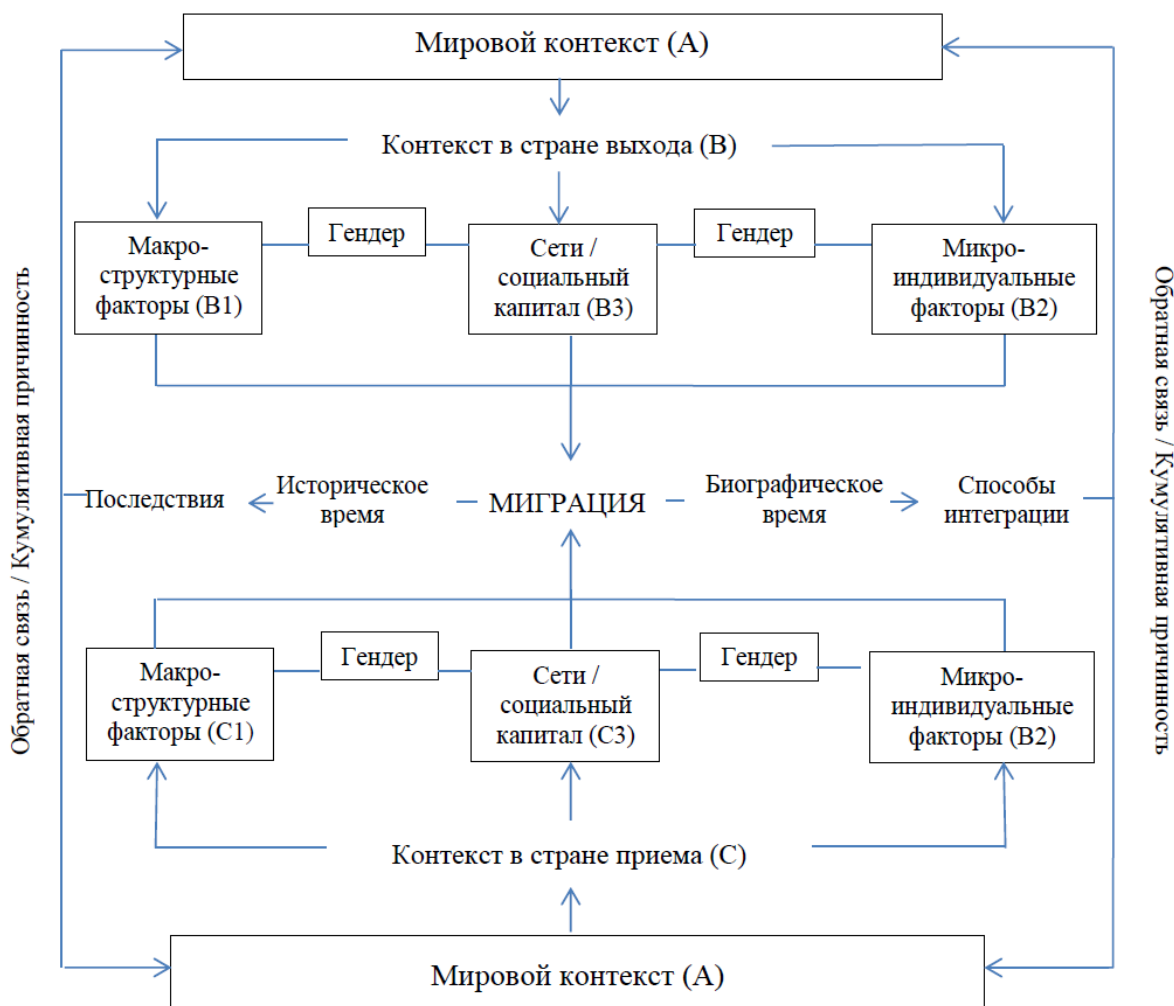

Рис. 1. Концептуальные рамки изучения факторов миграции и интеграции

Заключение

Все фундаментальные работы, проанализированные в этой статье, написаны до 2000 г. Означает ли это, что с тех пор не было заметного вклада в теорию изучения миграции? Если основываться только на обзорах литературы, опубликованных после 2000 г., ответ на этот вопрос мог бы быть положительным. Читая, к примеру, работы А. Портеса и Дж. ДеВинда [Portes, DeWind, 2007], Л. Бонифацци [Bonifazi, 2008], М. Окольски [Okolski, 2008], Дж. Шорль [Schoorl, 2008] или П. Симона [Simon, 2008], можно сделать вывод, что поднятые ими темы не отличаются принципиально от тех,

которые исследовались в классических текстах. В некотором роде, современные исследователи имеют в своем распоряжении хорошо развитый ранее теоретический блок, и сейчас идет речь лишь о его углублении и, особенно, о его приложении к специфическому историческому и географическому контексту.

Два аспекта миграции заслуживают теоретизации в будущем. Первый связан с появлением новой миграционной парадигмы, о которой мы говорили выше, а именно, парадигмы глобализации миграционных потоков, которая именно сейчас вносит фундаментальные изменения в оценку роли международной миграции в современном обществе [Kabbanji, 2011]. Даже если в нескольких текстах этот вопрос поднимался, все равно в объяснении современных тенденций остается значительный пробел. В частности, необходимо изучить два вопроса: каков есть и каким будет новый спрос на рабочую силу в развитых странах? Как отдельные государства и супранациональные союзы будут реагировать на этот новый спрос? В настоящее время реакция правительства выражается в ограничениях постоянной миграции в пользу возвратной и временной, и, как следствие этого, возникают новые категории неграждан. Эта новая парадигма означала бы «подмену концепции миграции концепцией мобильности»; предполагается, что последняя создаст наиболее благоприятную ситуацию для оптимизации выгод [Pellerin, 2011]. Можно ли здесь говорить о фундаментальных противоречиях между неолиберализмом, продвигающим свободное обращение капитала, и новой протекционистской моделью управления миграцией, базирующейся на гибкости и циркулярности? И, что особенно важно, сколько еще продлится эта конфронтация?

Второй аспект, который необходимо интегрировать в миграционные теории, относится к предоставлению прав мигрантам. Речь идет о парадигме, имеющей исключительно утилитаристские цели и предлагающей включить в политические параметры вопрос о правах мигрантов. Исследования в этой области представляются излишне идеологизированными и недостаточно сконцентрированными на изучении конкретных условий, в которых живут трудовые мигранты и члены их семей. Здесь важно рассматривать предоставление прав мигрантам как составную часть миграционной политики [Piché, 2009].

Благодарность: Оливии Самюэль и Даниэлю Беланже за их комментарии к первой версии статьи.

Список литературы

*Работы, предваряемые знаком *, представляют собой фундаментальные тексты, включенные в книгу «Теории миграции» (Piché V. Les théories de la migration)*

Bélangier D., à paraître, Labour migration and trafficking among Vietnamese migrant workers in Asia // American Annals of Social and Political Science.

Bonifazi C., Okólski M., Schoorl J., Simon P. (eds.) 2008. International Migration in Europe: New Trends and New Methods of Analysis, Amsterdam, Amsterdam University Press, 325 p.

Borjas G. 1989. Economic theory and international migration, International Migration Review, 23(3), p. 457-485.

- *Borjas G. 1990. *Friends or Strangers: The Impact of Immigration on the US Economy*, New York, Basic Books (version française dans Piché, 2013a, ch. 15).
- *Boyd M. 1989. Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agendas // *International Migration Review*, 23(3), p. 638-670 (version française dans Piché, 2013a, ch. 11).
- *Burawoy M. 1976. The function and reproduction of migrant labour: Comparative material from Southern Africa and the United States // *American Journal of Sociology*, 82(5), p. 1031-1042 (version française dans Piché, 2013, ch. 7).
- Card D., 2009, Immigration and inequality // *American Economic Review*, 99(2), p. 1-21.
- *Carens J. H. 1987. Aliens and citizens: The case for open borders // *Review of Politics*, 49(2), p. 251-273 (version française dans Piché, 2013a, ch. 19).
- Carter S. B., Sutch R. 1999. Historical perspectives on the economic consequences of immigration into the United States, in Hirschman C., Kasinitz P., DeWind J. (eds.), *The Handbook of International Migration: The American Experience*, New York, Russell Sage Foundations, p. 319-341.
- *Castles S. 1993. Migration and minorities in Europe. Perspectives for the 1990s: Eleven hypotheses, in Wrench J., Solomon J. (eds.), *Racism and Migration in Western Europe*, Oxford, BERG, p. 17-34 (version française dans Piché, 2013a, ch. 18).
- *Castles S., Kosack G. 1972. The function of labour immigration in Western European Capitalism, *New Left Review*, 73, p. 3-21 (version française dans Piché, 2013a, ch. 13).
- Cordell D. D. 2010. African historical demography in the postmodern and postcolonial eras, in Ittman K., Cordell D. D., Maddox G. (eds.), *The Demographics of Empire. The Colonial Order and the Creation of Knowledge*, Athens, Ohio University Press, p. 22-58.
- Cordell D. D., Gregory J. W., Piché V. 1996. *Hoe and Wage: A Social History of a Circular Migration System in West Africa*, Boulder, Westview Press, 400 p.
- De Haas H. 2010. Migration and development: A theoretical perspective, *International Migration Review*, 44(1), p. 227-264.
- Faist T. 2000. Transnationalization in international migration: Implications for the study of citizenship and culture, *Ethnic and Racial Studies*, 23(2), p. 189-222.
- Faist T. 2008. Migrants as transnational development agents: An inquiry into the newest round of the migration-development nexus, *Population, Space and Place*, 14(21-22).
- Geiger M., Pécoud A. (eds.) 2012. *The New Politics of International Mobility: Migration Management and its Discontents*, Osnabrück, IMIS-Beiträge, 236 p.
- Goldin I., Cameron G., Balarajan M. 2011. *Exceptional People: How Migration Shaped Our World and Will Define Our Future*, Princeton, Princeton University Press, 392 p.
- *Ghosh B. 2000. Towards a new international regime for orderly movements of people, in Ghosh B. (ed.), *Managing Migration: Time for a New International Regime?* Oxford, Oxford University Press, chapitre 1 (version française dans Piché, 2013a, ch. 20).
- Gregory J. W., Piché V. 1983. African return migration: Past, present, and future, *Contemporary Marxism*, 7, p. 169-183.
- Gregory J. W., Piché V. 1985. Mode de production et régime démographique // *Canadian Journal of African Studies / Revue canadienne des études africaines*, 19(1), p. 73-79.
- Harris J. R., Todaro M. P. 1970. Migration, unemployment, and development: A two-sector analysis, *American Economic Review*, 60(1), p. 126-142.

- Héran F. 2002. Les recherches sur l'immigration et l'insertion : avancées, débats et perspectives, in Héran F. (dir.), *Immigration, marché du travail, intégration*, Paris, Commissariat du Plan, La Documentation française, p. 11-102.
- Kabb anji L. 2011. Vers une reconfiguration de l'agenda politique migratoire en Afrique de l'Ouest // *Études internationales*, 42(1), p. 47-71.
- Krissman F. 2005. Sin coyote ni patrón: Why the « migrant network » fails to explain international migration? // *International Migration Review*, 39(1), p. 4-44.
- Laczko F., Gozdziaik E. (eds.) 2005. Data and research on human trafficking: A global survey // *International Migration*, numéro spécial, 43(1/2).
- *Lee E. 1966. A theory of migration // *Demography*, 3(1), p. 47-57 (version française dans Piché, 2013a, ch. 4).
- Legoux L. 2006. Asile, immigration : réconcilier les droits de l'homme et ceux du citoyen // *Revue européenne des migrations internationales*, 22(2), p. 95-103.
- Light I. H. 1972. *Ethnic Enterprise in America: Business and Welfare Among Chinese, Japanese and Blacks*, Berkeley, University of California Press, 209 p.
- Lutz H. 2010. Gender in the migratory process // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(10), p. 1647-1663.
- *Mabogunje A. 1970. Systems approach to a theory of rural-urban migration, *Geographical Analysis*, 2(1), p. 1-18 (version française dans Piché, 2013a, ch. 6).
- Massey D. 1988. Economic development and international migration in comparative perspective // *Population and Development Review*, 14(3), p. 383-413.
- *Massey D. 1990. Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration, *Population Index*, 56(1), p. 3-26 (version française dans Piché 2013a, ch. 12).
- Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. 1998. *Worlds In Motion: Understanding International Migration at the End of the Millenium*, Oxford, Clarendon Press.
- Meillassoux C. 1975. *Femmes, greniers et capitaux*, Paris, François Maspéro, 251 p.
- Mertens W. 1995. Population et développement : contributions sociologiques dans un cadre interdisciplinaire, in Gérard H., Piché V. (dir.), *La sociologie des populations*, AUPELF-UREF, Presses de l'Université de Montréal, p. 497-516.
- *Morokvasic M. 1984. Birds of passage are also women, *International Migration Review*, 37, p. 547-559 (version française dans Piché, 2012a, ch. 9).
- Nobles M. 2000. *Shades of Citizenship: Race and the Census in Modern Politics*, Stanford, Stanford University Press, 248 p.
- *Oberai A., Manmohan S. 1980. Migration remittances and rural development: Findings of a case study in the Indian Punjab, *International Labor Review*, 119, p. 229-241 (version française dans Piché, 2013a, ch. 14).
- Palloni A., Ceballos M., Espinosa K., Spittel M. 2001. Social capital and international migration: A test using information on family networks // *American Journal of Sociology*, 106(5), p. 1262-1298.
- Pécoud A., De Guchteneire P. (dir.) 2009. *Migrations sans frontières: essai sur la libre circulation des personnes*, Paris, Unesco, Études en sciences sociales.
- Pellerin H. 2011. De la migration à la mobilité : changement de paradigme dans la gestion migratoire. Le cas du Canada // *Revue européenne des migrations internationales*, 27(2), p. 57-75.

- Pessar P. R. 1999. The role of gender, households, and social networks in the migration process: A review and appraisal, in Hirschman C., Kasinitz P., DeWind J. (eds.), *The Handbook of International Migration: The American Experience*, New York, Russell Sage Foundation, p. 53-70.
- Petras E. M. 1981. The global labor market in the modern world-economy, in Kritz M. M., Keely C. B., Tomasi S. M. (eds.), *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements*, New York, Center for Migration Studies, p. 44-63.
- Piché V. 2004. Immigration et intégration dans les pays développés: un cadre conceptuel, in Caselli G., Vallin J., Wunsch G. (dir.), *Démographie : analyse et synthèse. vol. V : Population et société*, Paris, Ined, Les Manuels, p. 159-178.
- Piché V. 2009. Migrations internationales et droits de la personne : vers un nouveau paradigme ? in Crépeau F., Nakache D., Atak I. (dir.), *Les migrations internationales contemporaines. Une dynamique complexe au coeur de la globalisation*, Montréal, Les Presses de l'Université de Montréal, p. 350-369.
- Piché V. 2012. In and out the back door: Canada's temporary worker programs in a global perspective, in Geiger M., Pécoud A. (eds.), *The New Politics of International Mobility: Migration Management and its Discontents*, Osnabrück, IMIS-Beiträge, p. 113-132.
- Piché V. (dir.) 2013a. *Les théories de la migration*, Paris, Ined, Les Manuels/Textes fondamentaux, 536 p.
- Piché V. 2013b. Les fondements des théories migratoires contemporaines, in Piché V. (dir.), 2013, *Les théories de la migration*, Paris, Ined, Les Manuels/Textes fondamentaux, p. 19-60.
- Piché V., Renaud J., Gingras L. 2002. L'insertion économique des nouveaux immigrants dans le marché du travail à Montréal : une approche longitudinale, *Population*, 57(1), p. 63-89.
- Piore M. 1979. *Birds of Passage*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Portes A. 1981. Modes of structural incorporation and present theories of labor migration, in Kritz M. M., Keely C. B., Tomasi S. M. (eds.), *Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements*, New York, The Center for Migration Studies, p. 279-297.
- Portes A. 2009. Migration and development: Reconciling opposite views, *Ethnic and Racial Studies*, 32(1), p. 5-22.
- Portes A., Dewind J. (eds.) 2007. *Rethinking Migration: New Theoretical and Empirical Perspectives*, New York, Oxford, Berghahn Books, 454 p.
- Portes A., Shafer S. 2006. Revisiting the enclave hypothesis: Miami twenty-five years later, The Center for Migration and Development, Working Paper n° 06-10, Princeton, Princeton University.
- Ratha D., Silwal A. 2012. Remittance flows in 2011 – an update, *Migration and Development Brief*, 18, World Bank, April 23.
- Ravenstein E. G. 1885. The laws of migration // *Journal of the Royal Statistical Society*, 48, p. 167-227.
- Ravenstein E. G. 1889. The laws of migration (revised) // *Journal of the Royal Statistical Society*, 52, p. 241-301.
- Richard J.-L. 2004. *Partir ou rester? Destinées des jeunes issus de l'immigration*, Paris, PUF, 258 p.

- Riley N. E., Maccarthy J. 2003. *Demography in the Age of the Postmodern*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Sanders J. M., Nee V. 1992. Problems in resolving the enclave economy debate // *American Sociological Review*, 57(3), p. 418-420.
- *Sassen S. 1988. The rise of global cities and the new labor demand, in Sassen S., *The Mobility of Labor and Capital*, ch. 5, p. 126-170 (version française dans Piché, 2013a, ch. 8).
- Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. 1992. Transnationalism: A new analytic framework for understanding migration // *Annals of the New York Academy of Sciences*, 645(1), p. 1-24.
- *Simmons A. 1987. Explaining migration: Theory at the crossroads, in Duchêne J. (ed.), *Explanation in the Social Sciences: The Search for Causes in Demography*, Louvain-la-Neuve, Belgique, Université catholique de Louvain, Institut de démographie, p. 73-92 (version française dans Piché, 2013a, ch. 2).
- Simmons A. 1995. Migration internationale et capitalisme global: examen critique des théories, in Gérard H., Piché V. (dir.), *La sociologie des populations*, AUPELFUREF, Montréal, Les Presses de l'Université de Montréal, p. 341-364.
- Simmons A. 2002. Mondialisation et migration internationale: tendances, interrogations et modèles théoriques // *Cahiers québécois de démographie*, 31(1), p. 7-33.
- Simon P. 2010. "Race", ethnicisation, et discrimination : une répétition de l'histoire ou une singularité postcoloniale? in Bancel et al., *Ruptures postcoloniales. Les nouveaux visages de la société française*, Paris, La Découverte, p. 357-368.
- Simon P., Piché V. 2012. Accounting for ethnic and racial diversity: The challenge of enumeration // *Ethnic and Racial Studies*, 35(8), p. 1357-1365.
- *Sjaastad L. A. 1962. The costs and returns of human migration // *Journal of Political Economy*, 70(5), partie 2, p. 80-93 (version française dans Piché, 2013a, ch. 3).
- Skeldon R. 2002. Trafficking: A perspective from Asia // *International Migration*, 38(3), p. 7-30.
- Skeldon R. 2008. International migration as a tool in development policy: A passing phase? // *Population and Development Review*, 34(1), p. 1-18.
- Szreter S., Sholkamy H., Dharmalingam A. (eds.) 2004. *Categories and Contexts: Anthropological and Historical Studies in Critical Demography*, Oxford, Oxford University Press, 407 p.
- Stark O. 1991. *The Migration of Labor*, Oxford, Basil Blackwell Publishing Ltd, 406 p.
- *Stark O., Bloom D. E. 1985. The new economics of labor migration, *The American Economic Review*, 75(2), p. 173-178 (version française dans Piché, 2013a, ch. 10).
- *Tapinos G. 2000. Les enjeux économiques et politiques des migrations clandestines, in OCDE, *Combattre l'emploi illégal d'étrangers*, Paris, OCDE, p. 13-44 (Piché, 2013a, ch. 21).
- Tienda M., Booth K. 1991. Gender, migration and social change // *International Sociology*, 6(1), p. 51-72.
- Todaro M. P. 1969. A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries, *American Economic Review*, 59(1), p. 138-148.
- Vertovec S. 2009. *Transnationalism*, Routledge, 206 p.
- Waldinger R. 1993. Le débat sur l'enclave ethnique: revue critique, *Revue européenne des migrations internationales*, 9(2), p. 15-29.

- *Wilson K. L., Portes A. 1980. Immigrant enclaves: An analysis of the labour market experience of Cubans in Miami // *American Sociological Review*, 86(2), p. 295-319 (version française dans Piché, 2013a, chapitre 16).
- Wood C. H. 1982. Equilibrium and historical-structural perspectives on migration // *International Migration Review*, 16(2), p. 298-319.
- *Zelinsky W. 1971. The hypotheses of the mobility transition, *The Geographical Review*, 61, p. 219-249 (version française dans Piché, 2013a, ch. 5).
- Zlotnik H. 2003. Théories sur les migrations internationales, in Caselli G., Vallin J., Wunsch G. (dir.), *Démographie : analyse et synthèse, Vol. IV: Les déterminants de la migration*, Paris, Ined, Les Manuels, p. 55-78.
- *Zolberg A. R., Suhrke A., Aguayo S. 1986. International factors in the formation of refugee movements // *International Migration Review*, 20(2), p. 151-169 (version française dans Piché, 2013a, ch. 17).

Перевод А. Авдеева

О долговременном снижении численности населения: обсуждение принципиальных вопросов¹

Статья содержит размышления по поводу неизбежного снижения численности населения, наблюдающегося практически во всех развитых странах и, вполне возможно, в других регионах мира. Мы являемся свидетелями начала масштабного изменения тенденции, знаменующего окончание периода роста численности мирового населения, который продолжался в течение нескольких столетий. Можно утверждать, что это глобальное изменение представляет собой побочный эффект демографического перехода, высвободившего некие силы, которые и привели к сегодняшней ситуации. В статье обсуждается, в какой степени большая часть развивающихся стран будет следовать тенденциям воспроизводства развитого мира, со всеми вытекающими из этого социальными и экономическими последствиями. В следующие десятилетия большая часть мира вступит на практически неизведанную территорию, которая будет иметь мало общего с предыдущим периодом снижения численности населения. Целью настоящей работы является стимулирование размышлений и дебатов по теме, которая, возможно, вырастет в ключевую социальную проблему XXI в.

Эта работа была впервые представлена на XXV международной конференции по народонаселению, организованной IUSSP в Туре (Франция) в июле 2005 г. Автор благодарит за ценные критические замечания коллег: Т. Дэйсона, Х. Сомоза, М. Ливи-Баччи, Л. Ньюсон, Г. Перес-Бриньоли, В. Перес-Мореда и Ф. Гонсалес-Киньонес.

1. К долговременному снижению численности населения

Налицо все признаки того, что в большей части регионов мира начинается длительный период снижения численности населения. Это знаменует окончание трех веков практически неограниченного и исключительно быстрого роста населения, который сам по себе был уникальным опытом в истории человечества [Lutz, Sanderson, Scherbov, 2001; UN, 2004, p. 97–98]². Во второй половине XX в. в течение нескольких десятилетий ежегодный коэффициент прироста мирового населения составлял более 1,75%, в первой половине 1970-х гг. превышал 2%, а в ряде регионов мира даже был значительно выше. В XXI в. нас ожидает не только окончание периода роста численности населения, но и реальные перспективы длительного ее снижения во многих регионах. Едва ли можно сомневаться в том, что процесс снижения начнется с Европы и других развитых стран. Возможно, он будет идти полным ходом и во многих странах со средним уровнем развития. Только в наименее развитых регионах мира

* Departamento de Sociología II (Ecología Humana y Población), Facultad de CC. PP. y Sociología, Universidad Complutense de Madrid, Madrid 28223, Spain.

¹ Оригинал статьи: Reher David S. Towards long-term population decline: a discussion of relevant issues // European Journal of Population. Vol. 23. No. 2. P. 189–207.

² Истории известны другие периоды продолжительного роста численности населения, к примеру, с X по середину XIV в., но таких высоких темпов прироста не наблюдалось никогда.

такой процесс вызывает серьезные сомнения, хотя и там в последние годы коэффициенты прироста численности населения существенно снизились.

Механизм снижения можно отследить по длительному падению рождаемости практически во всем мире. Во многих развитых регионах мира оно началось более века назад; с тех пор это снижение ничем не нарушалось, за исключением короткого изменения тренда в период беби-бума 1950–1960-х гг. В других частях мира снижение рождаемости началось гораздо позже, в 1960–1980-х гг., хотя темп снижения был намного выше, чем в развитых странах. В результате в начале XXI в. межрегиональные различия в рождаемости гораздо менее значительны, чем 50 лет назад; исключения составляют такие регионы, как Африка южнее Сахары. Во многих регионах мира уже в течение некоторого времени наблюдается рождаемость ниже уровня простого воспроизводства, и велик шанс, что в других регионах показатели рождаемости, слегка превышающие этот уровень, движутся в том же направлении. В 1980-е гг. Ж. Буржуа-Пиша [*Bourgeois-Pichat*, 1981, 1986, 1989] опубликовал серию умозрительных, но пророческих статей о приближающейся эпохе снижения рождаемости в Европе, а со временем – и во всем мире. Однако сама идея о снижении численности населения и его нехватке абсолютно чужда нашему обществу, главным образом потому, что на протяжении нескольких веков человечество не переживало сокращения населения на социальном уровне³. Даже в развитых регионах, в которых этот процесс зашел достаточно далеко, идея депопуляции и ее последствий воспринималась широкими слоями общества с большим трудом [*Caldwell, Schindlmayr*, 2003, p. 257]. А в большинстве развивающихся стран проблемы избыточного населения продолжают доминировать в научных, социальных и политических планах.

Оптимальный рост населения всегда был недостижимым идеалом, и эта цель по-прежнему остается расплывчатой. Мир, в котором в течение такого долгого времени господствовал избыточный рост численности населения, вполне может превратиться в мир, в котором рост сменяется снижением, и вызовы этого нового мира обещают быть абсолютно иными. Исторически, «многочисленное и хорошо питающееся население» всегда рассматривалось как признак успешного общества и успешной экономики. Периоды снижения численности населения приравнивались к упадку и приписывались обществам, которые по каким-либо причинам не могли функционировать нормально. Придет ли мир в будущем к успеху или упадку? На этом перекрестке истории человечества, перекрестке, имеющем все признаки поворотной точки, взгляд в прошлое поможет нам яснее понять будущие тенденции.

2. Прослеживая снижение численности населения в недавнем прошлом и обозримом будущем

Профили возможного снижения численности населения не могут быть однозначно предсказаны с помощью существующих данных. В некоторых регионах, к примеру, в Европе, это снижение кажется неоспоримой реальностью, тогда как в других – не более чем вероятностью. Факты, тем не менее, складываются в логичную схему. Трудно спорить с тем, что в Европе начался длительный период снижения, а не

³ Отдельные группы населения, достаточно значительные по размеру, испытывали длительные периоды снижения своей численности. Одним из примеров является сельское население развитых стран в XX в.

просто стагнации численности населения. Многие годы рождаемости ниже уровня простого воспроизводства и снижающегося числа рождений предполагают, что структурный фактор стал оказывать отрицательное влияние на динамику численности населения [Balter, 2006, 1897; Lutz, O'Neil, Scherbov, 2003; Lutz, Skirbekk, 2005, p. 700–704]. Иными словами, неважно, каковы будут изменения в показателях рождаемости в обозримом будущем: маловероятно, что процесс депопуляции приостановится, поскольку когорты детей, рожденных от малочисленных когорт матерей, будут, в свою очередь, становиться еще более малочисленными. Даже по оптимистическому среднему сценарию рождаемости из прогнозов ООН в следующие 25 лет в Европе ожидается снижение численности женщин репродуктивного возраста на 21,2%, а их доля в общем числе женщин сократится с текущих 48,5% до 39,8% в 2030 г. Если продолжить прогнозы ООН до 2050 г., при том же среднем варианте рождаемости численность женщин репродуктивного возраста снизится на треть по сравнению с сегодняшними показателями и будет составлять 36,4% от общей численности женщин. Если использовать менее оптимистичные сценарии рождаемости, снижение численности женщин репродуктивного возраста будет еще более существенным.

Число рождений, регистрируемых в настоящее время, снизилось на 40% по сравнению с максимумом, наблюдавшимся в 1955–1960 гг. Используя оптимистический сценарий рождаемости, согласно которому коэффициент суммарной рождаемости (КСР) в Европе увеличится с текущего уровня в 1,4 до 1,83 в 2050 г., мы получим, что число рождений в 2025–2030 гг. будет на 45% ниже упомянутого максимума, а в 2045–2050 гг. – на 48%. Однако если рождаемость останется постоянной на уровне сегодняшних 1,4–1,45, число рождений в Европе к середине века будет на 63% ниже максимума, зарегистрированного во время беби-бума 1955–1960 гг. При таких показателях рождаемости нетрудно представить существенное снижение численности населения, сопровождающееся сокращением относительного веса Европы в мировом населении [Demeny, 2003]. Если бы для этих оценок использовались когортные показатели рождаемости, наши результаты еще лучше отражали бы влияние изменений в календаре рождений [Bongaarts, 2002; Bongaarts, Feeney, 1998; Billari, 2004; Frejka, Sardon, 2004; Philipov, Liebroer, Billari, 2006]. Профили рождаемости были бы примерно теми же самыми, но общая картина была бы менее впечатляющей.

Европу, в свою очередь, можно разделить на субрегионы: северо-западную и северную часть континента, с коэффициентами суммарной рождаемости 1,5–1,6, противостоящую Южной и Восточной Европе, где рождаемость экстремально низка (то, что в англоязычной литературе обозначается термином *lowest low*) и демонстрирует нисходящий тренд, который вполне может стать необратимым в самом недалеком будущем [Lutz, Skirbekk, 2005; Caldwell, Schildmayr, 2003; Lutz et al., 2003; Billari, Kohler, 2004; Kohler, Billari, Ortega, 2002]. Вопрос о степени значимости этих субрегиональных различий в средне- и долгосрочной перспективе не имеет однозначного ответа [Coleman, 2006a].

В других развитых странах ситуация несколько иная. Пусть даже старение населения и возможная депопуляция представляются наиболее вероятными сценариями развития событий, темпы изменения демографических показателей здесь совсем иные. В развитых странах Восточной Азии процесс в некотором отношении зашел еще

дальше, чем в Европе. В Японии рождаемость ниже уровня простого воспроизводства наблюдается с 1975–1980 гг., а в Южной Корее – с 1985–1990 гг. В настоящее время в этих странах КСР близок к 1,3, число рождений снизилось на 50% относительно наблюдаемого максимума, а численность женщин репродуктивного возраста будет, по оценкам, снижаться еще быстрее, чем в Европе. В Тайване и Сингапуре, где рождаемость чуть выше (КСР = 1,4), общая картина примерно та же. В остальных развитых странах мира ситуация не так ярко выражена. В Канаде (КСР = 1,51) и Австралии (КСР = 1,75) показатели рождаемости существенно ниже уровня простого воспроизводства, тогда как в США (2,04) и Новой Зеландии (1,96) она опустилась лишь чуть ниже этого уровня. Однако даже в США, если не учитывать вклад новых иммигрантов в рождаемость, окажется, что у коренного населения показатели находятся ниже уровня простого воспроизводства уже с 1972 г. и в настоящее время составляют 1,85 ребенка на женщину, а во многих штатах зарегистрированы показатели существенно ниже этого уровня [Caldwell, Shindlmyr, 2003, p. 256; Frejka, 2004; Lesthaeghe, Neidert, 2006, p. 672–684].

В менее развитых странах признаки депопуляции не так очевидны, как в Европе или других развитых регионах мира, хотя признаки потенциального снижения численности населения видны повсюду. В Китае профили снижения численности населения не отличаются существенно от наблюдаемых в Восточной Азии. Текущие показатели рождаемости там составляют 1,7 ребенка на женщину, снизившись на 73% по сравнению с максимумом, наблюдаемым в 1950–1955 гг. (КСР = 6,22). Что более важно, ежегодные числа рождений в данный момент на 29% ниже максимума 1987 г. Если использовать в качестве гипотезы комбинацию «среднего» и «низкого» сценариев рождаемости из прогнозов ООН⁴, к 2025 г. ежегодное число рождений будет чуть выше половины от пиковых уровней, а численность женщин репродуктивного возраста снизится на 15%. В общей сложности к этой дате население Китая и всех более развитых стран, вместе взятых, будет составлять почти 40% мирового населения.

Во всех остальных менее развитых регионах наблюдалось стремительное падение рождаемости (табл. 1). Между ними существуют заметные различия в том, когда начнется депопуляция, и начнется ли вообще. В большинстве менее развитых стран уже началось снижение не только показателей рождаемости относительно зафиксированного максимума, но и чисел рождений (красноречивый признак исключительно быстрого старения населения). Что касается наименее развитых регионов мира, несмотря на резкое снижение в них рождаемости, пока рано делать выводы о будущих трендах рождаемости и динамике численности населения.

Несмотря на все признаки начинающегося снижения, мировое население в ближайшие десятилетия продолжит расти и достигнет, вероятно, 8–9 млрд к 2050 г. (в момент публикации статьи оно составляло 6,4 млрд). Это результат инерции, присущей любым колебаниям демографических показателей. Тем не менее к середине XXI в.

⁴

Для Китая эта комбинация дает КСР = 1,6 в 2025 г., по сравнению с текущим уровнем, равным 1,7.

вследствие структурных изменений, обсуждаемых в данной статье, во всем мире рост населения сменится снижением⁵.

Таблица 1 Профили снижения рождаемости в менее развитых регионах

Страны	КСР 2000–2004	Отличие КСР от максимума, %	Период максимума чисел рождений	Отличие чисел рождений от максимума, %
Латинская Америка	2,38	59,9	1990–1995	0,8
Северная Африка	3,18	55,1	1985–1990	1,3
Южная и Средняя Азия	3,20	47,4	1990–1995	2,6
Юго-Восточная Азия	2,52	59,0	1985–1990	6,5
Западная (Передняя) Азия	3,36	48,1	2000–2005	
Наименее развитые страны	5,02	25,3	2000–2005	

Источник: Оценки населения ООН (База данных мирового населения).

Похоже, что для подобных изменений тренда невозможно подобрать подходящие исторические сравнения. В прошедшем тысячелетии наблюдалось два длительных периода снижения численности населения, затронувшего целые континенты. Предполагают, что на протяжении века, следующего за появлением «черной смерти» в Европе, ее население сократилось на треть, а в течение 100 лет после прибытия европейцев в Америку численность американских индейцев предположительно снизилось на 70% и более. В первом случае депопуляция была вызвана смертностью во время эпидемии, во втором – сочетанием последствий эпидемии и бесплодия [Livi Bacci, 2006, p. 199–205, 224–226]. Эти относительно недавние исторические факты массового снижения численности населения в наши дни едва ли могут быть использованы в качестве аналогий: вероятность того, что в перспективе численность мирового населения будет определяться экстремально низкой рождаемостью, а не какими-то иными причинами, очень велика.

3. Депопуляция и демографический переход

Точка зрения, представленная в статье, заключается в том, что устойчивая экстремально низкая рождаемость в развитых странах не может быть полностью объяснена экономическим кризисом, безработицей, несовершенством государственной политики или такими преходящими тенденциями, как откладывание рождений [Bongaarts, 2001, p. 271–75; 2004; Bongaarts, Feeney, 1998], хотя каждый из этих факторов играет свою роль. Сверхнизкая рождаемость существовала в нашем мире довольно долго и не могла не вызвать значительных долговременных социальных изменений. Иными словами, она стала структурной характеристикой развитого мира.

Имеются все основания полагать, что низкая рождаемость в европейских странах является следствием демографического перехода, начавшегося уже более века назад. В данной статье мы утверждаем, что это знаковое событие в истории человечества

⁵ Согласно прогнозам ООН, при средней гипотезе рождаемости (КСР = 2,05 в 2040–2050 гг.) мировое население в середине XXI в. достигнет максимума в 8,9 млрд, а при низкой гипотезе (КСР = 1,56 в середине XXI в.), максимум будет достигнут десятью годами ранее и составит 7,7 млрд.

высвободило могучие силы социальных изменений, приведших к модернизации сначала во многих европейских и американских обществах, а позднее – в ряде стран Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Согласно теории, демографический переход мог быть инициирован или, по крайней мере, мог сопровождаться глобальными социальными изменениями [Caldwell, 1982; Kirk, 1996; Notestein, 1945, 1983; van de Kaa, 1996, p. 398–402]. При этом сам процесс изменения режимов воспроизводства мог генерировать социальные и экономические синергии. Связь между демографическим переходом и социальными изменениями можно увидеть и в возрастной структуре, и в профилях миграции, и в разделении семейного труда, и в образовании и качестве детей, и в здоровье взрослых. Все это были действенные факторы изменений, много значившие как для ускорения экономического роста, так и для социальной и политической модернизации в Европе, Америке и некоторых регионах Восточной Азии на протяжении XX в. [Bloom, Canning, Sevilla, 2003; Dyson, 2001].

Чтобы понять этот процесс более основательно, полезно вспомнить, каково было влияние демографического перехода на социальные изменения вообще и на трансформацию роли женщин в обществе, в частности. Это ключевая проблема, сопутствующая всем демографическим переходам, как в исторической ретроспективе, так и в самом недавнем прошлом. Женщины были главными действующими лицами в начале демографического перехода в Европе. Именно они вносили наибольший вклад в итоговые показатели рождаемости и, вероятнее всего, именно они инициировали контроль рождаемости в браке. Они также внесли вклад в улучшение здоровья своих детей, особенно после Второй мировой войны, когда медицина и система здравоохранения приобрели гораздо большее значение [Cleland, 2001; Kunitz, 1991; McKeown, 1976; Reher, González-Quñones, 2003, p. 68–70; Riley, 2001; Schofield, Reher, 1991]. С самого начала демографический переход стал играть ключевую роль в улучшении положения женщин. С ним также связан ряд социальных, политических и культурных событий, касавшихся роли женщины в обществе, которые оставили след в социальной динамике на протяжении XX в.

Косвенным образом демографический переход также привел к росту репродуктивной эффективности: достижение желаемого размера семьи стало занимать меньше времени и меньше индивидуальных усилий, чем когда бы то ни было раньше, хотя могло при этом стоить гораздо дороже. Р. Ли оценил, что, если до демографического перехода женщина проводила 70% своей взрослой жизни, рожая и растя детей, в наши дни этот показатель сократился до 14% [Lee, 2003, p. 167]. Это привело к массовому появлению у женщин свободного времени и к минимизации их «бесполезных инвестиций» в умерших детей [Reher, 1995].

Сначала смертность снижалась быстрее, чем рождаемость, и, несмотря на снижение числа рожденных детей, окончательный размер семьи имел тенденцию к увеличению, что создавало дополнительную экономическую нагрузку на семью, а внутри семьи – на женщину. Однако всего лишь через несколько лет после начала демографического перехода размер семьи также стал снижаться. Это означало серьезные изменения менталитета, поскольку женщины ставили перед собой цель иметь семью меньшего размера – и достигали ее. Такие изменения характеризовали не

первую, а скорее, следующую фазу демографического перехода⁶. Это привело к пониманию ценности «качественных» детей: выжившие дети стали получать больше родительского внимания, стали расти инвестиции в образование детей, как мальчиков, так и девочек, в государственных и в частных учебных заведениях. В итоге экономические затраты, связанные с рождением и воспитанием детей, также возросли.

Данный процесс роста репродуктивной эффективности и его последствия в области формирования идей или экономики можно рассматривать как предпосылку выхода женщин на рынок труда. Рост показателей занятости женщин имеет свой собственный набор экономических, социальных и культурных факторов. Одним из них стала революция в репродуктивной эффективности, и ее влияние на женщину и семью заключалось в следующем: участие женщин в экономике стало реальным из-за появления дополнительного времени; возникла экономическая необходимость в этом участии; появилась возможность для получения образования, необходимого для того, чтобы сделать экономическую активность частью жизненных планов женщины. Поступление на работу и сохранение ее после вступления в брак стало стандартной траекторией для большинства женщин в европейских странах. Этот процесс принял значительные масштабы после Второй мировой войны и ускорился в последующие три-четыре десятилетия.

Все это привело к существенному изменению положения женщин и, как следствие, положения мужчин в обществе, вызвав сокращение дифференциации полов в общественной и частной жизни [Dyson, 2001]. Это одно из наиболее важных социальных изменений во всем XX в.; последствия его нельзя переоценить. Женщины в наши дни так же высокообразованны, как и мужчины, имеют почти такие же высокие показатели экономической активности и вносят важный вклад в семейный бюджет. Эти же процессы спровоцировали резкое снижение рождаемости, сопровождающееся глубокими изменениями определенных характеристик семейных форм, значения семьи и семейной жизни в целом.

Наличие детей не имеет больше той доминирующей важности для женщин (и для мужчин), как это было несколько десятилетий назад. В исторические эпохи успешная жизнь для женщины состояла в наличии детей и семьи. Если у кого-то нет семьи, в глазах общества и в своих собственных, он не достиг успеха в жизни; исключения из этого правила очень редки. В подобных ситуациях женщины шли на любые жертвы, чтобы иметь семью и детей, какова бы ни была цена этого успеха. Сегодня наличие семьи по-прежнему является важной составной частью успешной жизни для большинства женщин в развитых странах, но имеет гораздо меньший приоритет, чем раньше. Условно говоря, в прошлом наличие детей и семьи составляло 80% от того, что можно было бы расценивать как успех в жизни; сейчас эта доля не превышает 30%. В таких обстоятельствах упущенные возможности репродуктивного успеха обязательно

⁶ Предполагая, что изменения менталитета лежали в самой основе демографического перехода, многие авторы не придали значения тому факту, что на самых начальных его стадиях основной мотивацией контроля рождаемости были попытки семей компенсировать снижающуюся смертность [Caldwell, 1976; Kirk, 1996; Lesthaeghe, 1983]. Целью было поддержание традиционного размера семьи в условиях улучшающегося здоровья, а не его изменение. Исторически демографический переход был двухшаговым процессом, со значительными изменениями менталитета только на второй его стадии [Reher, 2004].

возрастают, и люди чаще склоняются к выбору другой траектории, особенно если обстоятельства не идеальны.

Нетрудно видеть, что подобные ситуации изобилуют множеством проблем. Проблемы могут быть связаны с личными карьерными ожиданиями, поисками подходящего партнера, жильем или рынком труда, готовностью мужчины делить поровну домашние обязанности и семейную ответственность, гендерным равенством, необходимостью сознательного понижения жизненных стандартов при появлении ребенка, а также с неизбежными трудностями воспитания детей в современном обществе при недостаточной социальной, частной или государственной поддержке [Coleman, 2006а, р. 87–89; McDonald, 2000]. Важность этих факторов меняется от страны к стране, частично объясняя, таким образом, существующую дифференциацию показателей рождаемости. Эти проблемы знакомы всем молодым парам во всех развитых странах и заметно влияют на принятие ими репродуктивных решений. Колдуэлл и Шиндлмайр в своей недавней работе [Caldwell, Schindlmayr, 2003, р. 256] описали похожий сценарий: «Консюмеризм, концентрация на удовлетворении своей работой, растущая необходимость в двух работающих в семье, представления молодых людей о том, что воспитание детей очень затратно, предпочтение партнерства в качестве ядра семьи родительство, весьма вероятно, снижают рождаемость». Иметь семью – значительная долговременная инвестиция [Hobcraft, Kiernan, 1995]; поскольку это перестало быть приоритетом для женщин (и мужчин), они гораздо чаще склонны искать альтернативы этому сценарию.

Для мужчин жизненный успех базируется скорее на карьерных достижениях, чем на наличии семьи. Именно женщины, а не мужчины, обеспечивали функционирование и сохранение семьи; поэтому описанные выше изменения жизненных ценностей и ожиданий женщин имели такое сильное влияние на семью и воспроизводство. Невозможно объяснить стабильно низкую рождаемость на протяжении последнего полувека в большинстве развитых стран без подобного изменения менталитета [Cleland, Wilson, 1987; Lesthaeghe, 1983; van de Kaa, 1996, р. 423–426]. Поскольку текущие показатели рождаемости в развитых странах продолжают косвенно связывать с ролью женщин в обществе, рождаемость ниже уровня простого воспроизводства будет нас сопровождать еще долгие годы.

По нашему мнению, происхождение этих движущих сил можно проследить как прямо, так и косвенно в демографическом переходе; они являются прямым следствием этого исторического процесса. То, что Д. ван де Каа [van de Kaa, 1987, 2004] называл вторым демографическим переходом, является во многих аспектах лишь продвинутым этапом первого перехода, прерванного на недолгое время беби-бумом 1950–1960-х гг., сразу после Второй мировой войны. Это этап, на котором темп репродуктивных и социальных изменений возрос вследствие совпадения ряда факторов, начиная от гораздо более эффективной контрацепции до экономических преобразований, создавших обилие карьерных возможностей для женщин в экономике сферы услуг и стимулы для личного социального и экономического роста. Корни этого процесса можно обнаружить в первом демографическом переходе; его последствия изменили семейную, социальную и экономическую жизнь многих слоев современного общества.

Говоря словами Д. ван де Каа: «Это изложение описывает саму суть изменений в идеях и культуре» [*Bourgeois-Pichat*, 1979; *Hammel*, 1990; *van de Kaa*, 1996, p. 425].

В противоположность тому, что говорилось в классических текстах, посвященных демографическому переходу, рождаемость снизилась не до уровня простого воспроизводства. Этот уровень был лишь одним из дорожных указателей на пути к значительно более низким показателям рождаемости и, как следствие, к падению чисел рождений. В Европе это произошло между серединой 1960-х и началом 1980-х гг., в зависимости от региона. Демографические последствия этого очевидны, поскольку подавляющее большинства этих стран следуют общей траектории старения населения и, как следствие, депопуляции.

4. Дальнейшие перспективы для мирового населения

Перспективы рождаемости для населения Европы и, возможно, большинства развитых стран в ближайшие годы совершенно ясны. Что можно сказать об остальном мире? Есть ощущение, что для большей его части рождаемость останется выше уровня простого воспроизводства, и что в последующие годы эти страны ждет скорее замедление роста численности населения, чем ее снижение. Резонно ли это предположение? Мнение о существовании гипотетического «дна» в снижении рождаемости было широко распространено в Европе на протяжении большей части XX в., и изменение тренда рождаемости в сторону роста в послевоенные годы, казалось бы, подтверждает это мнение. Но история показала, насколько неоправданными были эти ожидания.

Реальны ли такие тенденции для развивающихся стран? Относительное отставание экономического развития, низкий уровень образования и традиционная семейная культура дают основания полагать, что не вполне реальны. Хотя существуют и признаки противоположных тенденций. В настоящее время рождаемость уже опустилась ниже уровня простого воспроизводства почти в 60 странах мира, и многие из них нельзя отнести к развитым. Мы сможем лучше понять процесс снижения рождаемости, если посмотрим, как проходил демографический переход в этих странах. В самом общем виде демографические характеристики можно резюмировать следующим образом [*Reher*, 2004]:

1. Снижение рождаемости в большинстве стран мира началось между 1955 и 1980 г.
2. Снижение смертности в этих странах началось гораздо раньше. Длинный временной лаг между снижением смертности и снижением рождаемости привел к ускорению темпов прироста населения, только недавно начавших замедляться в большинстве стран.
3. Темпы снижения как рождаемости, так и смертности были практически вдвое выше, чем в эпоху исторических демографических переходов. Эти различия в темпах обусловлены в значительной степени технологическим контекстом, в котором происходил каждый из переходов. В противоположность недостатку эффективных технологий, влияющих на репродуктивные процессы в историческую эпоху переходов, в относительно недавних переходах доступные технологии в

области здоровья и контрацепции обладают высокой эффективностью, и их использование зависит лишь от желания женщины.

4. Вследствие необычайно быстрого снижения показателей рождаемости, старение населения в этих странах также происходит более высокими темпами, чем это было во время исторических переходов. Во многих странах число рождений уже начало сокращаться, и, похоже, этот процесс продолжится и в будущем.

5. Размер семьи в настоящее время стремительно снижается, поскольку падение рождаемости опережает рост продолжительности жизни. Это полная противоположность процессу, имевшему место в середине прошлого века, когда на протяжении жизни одного поколения средний размер семьи почти удвоился по сравнению с допереходными значениями вследствие быстрого снижения смертности на фоне высоких и порой даже растущих показателей рождаемости.

Роль развитого Запада в этом процессе является центральной при определении направления, которым следует демографический переход в остальных регионах мира. Первоначальное снижение смертности было скорее результатом применения западных технологий в сфере здоровья, чем последствием социального развития или роста образования матерей, как это было в Европе. Что же касается рождаемости, программы планирования семьи и эффективная контрацепция, активно продвигаемые развитым миром, сыграли важную роль в начавшемся снижении рождаемости и повлияли на темпы этого снижения [Demeny, McNicoll, 2006a, p. 12–39]. Менее развитые страны были пассивными или активными реципиентами технологий и идей, пришедших из Северо-Западной Европы, и как следствие, по меньшей мере, в демографических терминах, в этих странах наблюдался длительный временной разрыв между началом снижением смертности и началом снижения рождаемости; последнее, начавшись, происходило исключительно быстрыми темпами.

Останется ли рождаемость в этих регионах выше уровня простого воспроизводства и продолжит ли число рождений расти или, по крайней мере, стабилизируется на теперешнем уровне? Если наблюдаемые в настоящее время тенденции сохранятся, во многих развивающихся странах рождаемость опустится ниже уровня простого воспроизводства уже в самом ближайшем будущем. В последние 10 лет в менее развитых регионах мира (за исключением Китая) КСР снизились на 18%, а если взять последние 20 лет, снижение составит уже более 30%. При таких темпах в этих регионах рождаемость опустится ниже уровня простого воспроизводства через 10–15 лет. Есть регионы, в которых темпы снижения рождаемости еще выше: показательным примером является Северная Африка, где снижение за последние 10 лет составило 23%, а за 20 лет – 45% [Mencarini, Salvini, 2003].

Такой темп снижения рождаемости может показаться почти необратимым, разве что в этих регионах также случится беби-бум, как это было в эпоху исторических переходов в 1950–1960-х гг. Беби-бум, хотя и не остановил переход рождаемости к показателям ниже уровня простого воспроизводства в развитых странах, но отсрочил его почти на 20 лет. Снижение рождаемости превратилось в двухэтапный процесс: исходное снижение, за которым последовала стагнация или даже рост рождаемости во время беби-бума, сменившиеся, в свою очередь, новым периодом интенсивного

снижения. В течение первого периода абсолютное снижение показателей рождаемости было больше, чем во второй фазе снижения, тогда как относительный темп снижения в первую фазу был ниже. В развивающихся странах такой же беби-бум мог бы стать фактором, ведущим к устойчиво высокой рождаемости, несмотря на быстро снижающуюся смертность.

Произойдет ли второй беби-бум в развивающемся мире? По нашим предположениям – нет. Главным образом потому, что условия, вызвавшие его, возникли одновременно во всех переживших его странах, и маловероятно, что они повторятся, особенно с учетом существования эффективных контрацептивных технологий. Именно поэтому многие развивающиеся регионы могут перейти от первой фазы снижения рождаемости ко второй с небольшим перерывом или даже без него. Уровни рождаемости в этих странах в данный момент лишь чуть выше тех, которые наблюдались в Европе в середине XX в.

Более важный вопрос заключается в том, выросла ли так же существенно роль женщин в обществе. Нет сомнений, что растущая репродуктивная эффективность, которая была так важна для европейских социально-экономических преобразований, затронула женщин во всем мире. Приведет ли это к росту инвестиций в качество детей? Мы полагаем, что приведет, особенно с учетом того, что окончательный размер семьи продолжает снижаться. Несомненно, роль женщин в обществе меняется, хотя в этой области до сих пор существуют огромные межстрановые различия. В некоторых регионах уже наблюдаются признаки того, что женщины больше не рассматривают свое будущее исключительно как замужество и рождение детей. Уровень образования женщин растет. Согласно недавним оценкам ЮНЕСКО, в развивающихся странах к концу XX в. неграмотность женщин снизилась почти вдвое по сравнению с 1970 г. (34,2 против 64,2%), а показатели распространенности среднего образования выросли почти в три раза между 1970 и 1997 г. (16% и 46,4% соответственно). Несмотря на проблемы с оценками участия женщин в экономике в разных обществах, похоже, этот показатель также растет. В ряде развивающихся стран показатели занятости женщин старше 15 лет заметно выросли между 1980–1984 и 2000–2003 гг., с 25 до 36%⁷. Здесь, однако, тренды не так очевидны, как в случае с уровнями образования, и существенные различия в показателях продолжают существовать.

Одной из характеристик процессов в рамках исторического перехода является то, что они начались в широком разнообразии контекстов, хотя в итоге последствия этих процессов имели тенденцию к конвергенции. Похоже, это верно и для большинства развивающихся стран: в них наблюдаются социальные, экономические и культурные различия при демографической схожести. Повсюду ценность детей и затраты на их воспитание будут возрастать, как и давление на женщин с тем, чтобы они использовали освободившееся время для того, чтобы создавать дополнительный доход для семьи. Различия могут быть только в календаре, но сам процесс, похоже, распространился уже широко. Пока еще нельзя определенно утверждать, что происходит изменение менталитета, сопровождающее или даже провоцирующее репродуктивные и

⁷ Эти страны: Марокко (16,9–27,3), Египет (17,1–20,4), Сирия (13,4–23,5), Пакистан (7,1–16,2), Индонезия (45,3–52,0), Филиппины (50,1–52,8), Эквадор (19,5–53,9) и Мексика (30,1–38,6). Цифры базируются на оценках МОТ.

социальные изменения, как это было в Европе. Но налицо признаки того, что этот процесс уже идет в значительной части мира [Caldwell, Schindlmayr, 2003, p. 257; Cleland, Wilson, 1987]. Если это так, то «девелопменталистский идеализм», так активно продвигаемый Западом [Thornton, 2001, 2005], может праздновать свой триумф.

Последствия демографического перехода в большинстве развивающихся стран становятся все более очевидными. Процесс старения населения будет гораздо более быстрым; таким образом, одни и те же изменения займут там в два раза меньше времени, чем они заняли в европейских странах. Во всем развивающемся мире старение и сопутствующие ему экономические и социальные вызовы станут острой социальной проблемой вскоре после того, как эта же проблема станет основной для развитого мира [Demeny, McNicoll, 2006b, p. 257–259]. Интенсивность изменений оставит развивающимся странам очень маленькое окно возможностей для модернизации, внутри которого можно будет получить максимальные «демографические дивиденды» от перехода к новым режимам воспроизводства [Bloom et al., 2003].

Одним из вызовов старения станет нехватка рабочей силы. В некоторых странах сокращение населения в трудоспособных возрастах легко предсказать, поскольку число рождений в них снижалось уже в течение нескольких лет. Мы считаем, что это лишь вопрос времени (возможно, двух–трех десятилетий), и проблема затронет большинство развивающихся стран. Доступность избыточной рабочей силы (потенциальных мигрантов) для компенсации ее дефицита в развитых странах может также стать проблематичной, поскольку страны-доноры начнут сами страдать от сокращения трудовых ресурсов.

Эта ситуация наступит в одних странах (к примеру, в Северной Африке) раньше, чем в других (таких, как Пакистан). Если сегодняшние тенденции сохранятся, это определенно приведет к существенному снижению численности населения репродуктивных возрастов. На этой стадии негативное влияние структурного фактора, такое очевидное во многих развитых странах, почувствуется уже во всем мире. Всего лишь через 30–40 лет после того, как долговременное снижение численности населения началось в развитых регионах мира, оно начнется и в других регионах. Временной разрыв между началом снижения рождаемости и началом сокращения численности населения, составивший более 100 лет в исторической Европе, в развивающемся мире обещает быть гораздо короче.

5. Некоторые предположения по поводу будущего

Депопуляция представляет собой наиболее вероятное развитие событий для многих регионов и может оказать влияние на все мировое население уже через несколько десятилетий. Эта тенденция будет только усиливаться. В некоторых регионах, в которых процесс зашел уже слишком далеко, население уменьшится на 20% в течение ближайших 50 лет. И если текущие тенденции рождаемости сохранятся, к концу века снижение численности будет еще более существенным. Поскольку этот приближающийся период снижения будет определяться низкой рождаемостью, население самых разных стран будет нести на себе груз растущей доли пожилого населения, тогда как численность детей и лиц трудоспособного возраста будет

сокращаться. Процесс снижения численности населения может ускоряться под действием таких непредвиденных факторов, как быстрое изменение климата, уже идущее полным ходом, или других видов катастроф, как природных, так и техногенных, которые будут влиять на показатели смертности [Demeny, 2004; Dyson, 2004; Smil, 2005]. Впрочем, эти проблемы не являются существенными для аргументов, представленных в данной работе.

С точки зрения природных ресурсов и окружающей среды, в будущем можно, несомненно, ожидать хороших новостей. XXI в. можно рассматривать как век, в котором будут исправляться «излишества» XIX и XX вв. Это не означает, что в наступающие десятилетия нас не ждет упорная борьба за контроль над сокращающимися природными ресурсами. В течение долгого времени потребности человечества оказывали значительное влияние на природный баланс во всем мире, и наступающий период замедления роста численности населения, а затем и его снижения будет мощным корректирующим фактором для этих процессов [McNeill, 2006, p. 200].

Что касается общества будущего, пока ожидания не особенно оптимистичны. Нам нелегко представить с нашей сегодняшней позиции ситуацию, при которой города и страны развитого мира переполнены, а развивающийся мир имеет переизбыток населения. Пока что мы можем лишь предсказать, с определенной степенью достоверности, ряд структурных характеристик будущего общества. Сильная асимметрия возрастных структур – неизбежный побочный продукт текущего процесса – будет иметь серьезные последствия для всех аспектов социального обеспечения, связанного с перераспределением ресурсов. Если рождаемость останется на некоторое время ниже уровня простого воспроизводства, это влияние возраста превратится из преходящей характеристики общества в структурную.

Важно помнить, что настоящее положение дел в развитом мире, с понижающимся числом ежегодных рождений, сложилось, несмотря на все возрастающую численность женщин репродуктивного возраста. В большинстве развитых стран в самом ближайшем будущем начнется снижение этой численности, которое продлится, даже по самым оптимистичным прогнозам, многие десятилетия. Другими словами, мы вступаем в мир рождаемости ниже уровня простого воспроизводства и сокращающейся численности женщин репродуктивного возраста. Это означает, что если рождаемость не вырастет, на наш взгляд, до невообразимого уровня (КСР станет существенно выше уровня простого воспроизводства), темп снижения ежегодных чисел рождений ускорится даже при умеренно растущей рождаемости.

Экономисты хорошо знакомы с проблемой старения населения и пытаются найти ее потенциальные решения, от более позднего выхода на пенсию до увеличения занятости женщин в экономике, масштабной иммиграции или сокращения размера пенсий и разрушения того, что еще осталось от государственной системы социальной поддержки. Пусть даже существуют определенные сомнения относительно экономической целесообразности этих мер или негативных побочных эффектов их принятия (особенно это касается международной миграции), они, бесспорно, являются своего рода предохранительным клапаном для быстро стареющего общества [Coleman, 2006a,b; Coleman, Rowthorn, 2004]. Однако если текущие тенденции сохранятся в

течение длительного времени, все эти механизмы смогут лишь частично решить эту проблему.

Собственно международная миграция, привлекающая в настоящее время много внимания и вызывающая сильное беспокойство, может рассматриваться в лучшем случае как временное и скорее неадекватное решение проблемы асимметрии возрастной структуры и снижения численности населения по двум причинам: 1) рождаемость мигрантов, изначально более высокая, чем у коренного населения, имеет тенденцию очень быстро снижаться до уровня, наблюдаемого в стране прибытия; 2) что более важно, многие регионы-доноры в ближайшие два-три десятилетия будут сами испытывать нехватку трудовых ресурсов. Бесспорно, эти страны в настоящее время имеют избыток рабочей силы, часть которой просачивается в страны-реципиенты, главным образом развитые, страдающие от ее недостатка. Однако такое положение не может сохраняться бесконечно вследствие существенного снижения рождаемости в странах, поставляющих мигрантов. Это не означает, что развитый мир, мир низкой рождаемости, перестанет привлекать иммигрантов: иммиграция в эти страны сохранится благодаря более высоким зарплатам и уровню жизни, но процесс этот может стать гораздо более конфликтным, чем в настоящее время, когда все проблемы иммиграции сводятся в основном к социальной интеграции и адаптации мигрантов в принимающих обществах [Demeny, McNicoll, 2006b, p. 259–264]. Суть в том, что через короткое время может случиться так, что нехватка рабочей силы станет проблемой для большей части мира, а не только для развитых стран.

Дефицит трудовых ресурсов и, как следствие, высокие налоговые нагрузки, которые все чаще перераспределяются от производственных активов к более обременительным социальным расходам, определенно будут пагубны для уровня жизни и системы социальной защиты [Demeny, McNicoll, 2006b, p. 269–271]. Сам по себе экономический рост может также находиться под неблагоприятным влиянием снижения численности населения, поскольку спрос на товары и услуги, а также объем инвестиций могут соответственно сокращаться. Это заключение было сделано Кейнсом, Хансеном и др. в 1930–1940-е гг., когда общество столкнулось с потенциальными последствиями рождаемости ниже уровня простого воспроизводства и медленного роста населения в Англии и остальной Европе в межвоенный период [Hansen, 1939; Hobcraft, 1996, p. 443–449; Keynes, 1937]. В то время их опасения остались лишь теоретическими, поскольку рождаемость вновь повысилась в послевоенный период и во время беби-бума. Однако, как оказалось, в будущем проблему будет представлять не стабилизация численности населения, а скорее ее быстрое снижение; ставки в этой игре окажутся гораздо выше. Пока не ясно, какая из двух проблем – деформация возрастной структуры или снижение численности населения – будет сильнее влиять на уровни жизни и экономический рост. Но и в этом случае трудно спорить с утверждением, что совокупное влияние этих факторов будет далеко превосходить влияние каждого из них в отдельности⁸.

Здесь ключевым фактором, более важным, чем все остальные, является число детей, рожденных в данном обществе. При умеренно сбалансированной возрастной

⁸

Для рассмотрения этих вопросов в более оптимистичной перспективе см. Easterlin, 1996.

структуре все вызовы, связанные с растущей продолжительностью жизни, могут быть успешно преодолены, по крайней мере, на социальном уровне. Если же возрастные структуры деформированы, гораздо труднее давать оптимистические прогнозы на будущее. Как утверждал М. Ливи-Баччи [*Livi Bacci, 2001*], дети – это не только вопрос личного потребления и предпочтений, но и одна из социальных инвестиций. Р. Ли отмечал, что рождение детей в современном развитом обществе приносит финансовые выгоды [*Lee, 2001, 2003, p. 186*]; с таким умозаключением трудно спорить.

Вопрос заключается еще и в том, какими способами эта цель – рождение детей – может быть достигнута. Ливи-Баччи [*Livi Bacci, 2001*] и др. предполагают, что определенную роль может сыграть государственная политика⁹. Безусловно, может, но какова степень ее влияния? В Северной Европе, где проводится достаточно агрессивная пронаталистская политика, рождаемость, тем не менее, находится ниже уровня простого воспроизводства вот уже на протяжении четырех десятилетий. Уровни рождаемости на севере Европы далеки от достаточных для замещения поколений (КСР = 1,66), хотя и выше, чем в Южной и Восточной Европе¹⁰. Может ли политика убедить женщину (супружескую пару) иметь детей? Европейский опыт показывает, что нельзя добиться успеха с помощью одной лишь политики.

Это подводит нас к фундаментальной проблеме: как совместить общественный и личный интерес, по крайней мере, в том, что касается воспроизводства. Личный интерес, как нам напомнил Адам Смит, всегда был важной частью жизни человека, как в прошлом, так и в настоящем. Как общественное и личное совмещались в прошлом? Исторические документы полны примеров того, как медленный рост населения обеспечивался с помощью экономических ограничений в контексте тесно связанных культурных структур. Хотя соотношение между ростом населения и экономическими возможностями никогда не было идеальным, умеренный рост всегда находился в границах, заданных экономикой. Это соответствие обеспечивалось тем, что 1) для большей части населения уровень жизни был очень близок к простому выживанию и 2) воспроизводство происходило в условиях высокого давления демографических режимов, с рождаемостью, приспособляющейся к высоким и нерегулярным показателям смертности. Работы Мальтуса, Хайнала [*Hajnal, 1965*], Лестага [*Lesthaeghe, 1980*] и многих других авторов рассматривали, хотя и под разными углами, эти вопросы.

Все изменилось с началом демографического перехода. Уровень жизни вырос, и компенсация высокой смертности перестала быть важной частью репродуктивных стратегий индивида. Возможно, более важным с точки зрения культурных традиций было то, что личный интерес перестал регулироваться строгими социальными нормами. Возможности семьи и традиционная культура управления репродуктивными решениями потеряли большую часть своей значимости в процессе модернизации. В результате принятие решений о рождении детей стало осознанным и индивидуальным, находящимся больше под влиянием социальных сетей и светского общества потребления, чем традиций [*Newson, Postmes, Lea, Webley, 2005*]. Таким образом,

⁹ См. также: *McDonald [2002, 2006], Caldwell [2004], Demeny [2003], Lutz, Skirbekk [2005]*.

¹⁰ Данные относятся к середине 2000-х гг., в 2013 г. КСР в Северной Европе был на уровне 1,8. – Примеч. ред.

эволюционный идеализм, описанный Торнтоном [Thornton, 2001], стал руководящим принципом современной жизни и одновременно инструментом социальных изменений.

Кроме того, к середине XX в. революция в контрацептивных технологиях позволила женщинам контролировать свои репродуктивные намерения с удивительной точностью. Неожиданно для всех, все возрастающая эффективность репродуктивного контроля – величайшее достижение и центральный элемент демографического перехода – обернулась угрожающе низкой рождаемостью. Этот процесс начался много лет назад в развитых странах и, похоже, идет полным ходом в развивающемся мире. В конечном итоге устойчивое воспроизводство населения может быть и несовместимо с либеральной экономикой, которая воздаст должное внесемейной карьере женщины во все расширяющемся обществе потребления с высокой степенью индивидуальной экономической нестабильности [Caldwell & Shindlmyr, 2003, p. 256–257; Davis, 1997 [1937]].

Был ли джинн, пусть и непреднамеренно, выпущен из бутылки? Наличие детей, безусловно, подразумевает уверенность в будущем; вы надеетесь, что с точки зрения жизненного благополучия ваши дети смогут вас превзойти. На одном уровне такая уверенность зависит от экономических и политических ограничений. На другом, более глубоком уровне, она связана с социальной и культурной стабильностью. В большинстве западных стран полным ходом идут весьма заметные культурные трансформации, вызванные, по крайней мере, отчасти, изменением роли женщины в обществе. Также эти изменения, несомненно, связаны с триумфом секуляризации, индивидуализма и общества потребления, которые уже давно стали синонимами модернизации. Все может вполне законно рассматриваться как современные достижения; но верно также и то, что и мужчины, и женщины переживают период неуверенности в их роли в обществе, в природе их гендерных отношений, а также в их будущем. Это еще и эпоха усиливающейся озабоченности по поводу устойчивости того общества, в котором мы живем. Мы являемся свидетелями отречения от идеологических основ, на которых возводилось общество в течение двух последних веков. Эпоха перемен – это не та эпоха, которая вселяет оптимизм и веру в будущее.

Мы не знаем, когда закончатся процессы, идущие в Европе и в других регионах мира, но это едва ли произойдет в ближайшее время. Некоторое время назад Ж. Буржуа-Пиша представил себе сценарий, в котором «человечество началось с нуля примерно 600 000 лет назад и вновь вернется к нулю в 2400 г.» [Bourgeois-Pichat, 1989, 32]. Хотя нам трудно разделить такой преувеличенный пессимизм или игнорировать тот факт, что после значительных колебаний численности населения всегда включались компенсационные механизмы, ограничивающие длительность и амплитуду этих колебаний, едва ли этот механизм адаптации всякий раз будет включаться немедленно. И когда это произойдет, численность населения уже будет гораздо ниже той, что мы наблюдаем в настоящее время и, возможно, самой низкой на протяжении всего XX в. Неясно лишь, как эти адаптационные механизмы проявятся и насколько эффективными они могут быть.

С нашей выигрышной точки наблюдения, расположенной на рубеже тысячелетий, мы можем видеть значительное изменение тренда с далеко идущими последствиями в перспективе. Безусловно, в этом отношении мы имеем преимущество, по крайней мере

с научной и исторической точки зрения. Для наших детей и особенно внуков постоянное снижение численности населения – и возможно, ухудшение условий жизни – будут единственной известной им реальностью, и неконтролируемый рост численности населения, такой привычный для XIX и XX вв., станет лишь частью отдаленного прошлого.

Возможны ли другие сценарии? Вполне, но они менее вероятны, чем описанный выше сценарий, по крайней мере, на данном этапе. Какие-то сценарии могут быть более благоприятны (повсеместный возврат к рождаемости на уровне простого воспроизводства как результат политики и изменения системы ценностей), другие могут подразумевать полный поворот в наших позициях по отношению к семье (к примеру, господство неких технологических инноваций, делающих индивидуальные репродуктивные решения необратимыми), еще какие-то могут быть менее благоприятными, включающими агрессивную государственную политику, социальные и политические конфликты и постепенный отказ от социальных, экономических и политических достижений двух последних столетий. Хотя нам не дано предвидеть будущее, демографы должны сыграть важную роль в привлечении внимания к этим жизненно важным проблемам и в инициировании их обсуждения.

Список литературы

- Balter M.* 2006. The baby deficit. *Science*, 312, p. 1894–1897.
- Billari F. C.* 2004. Synthetic fertility measures and the search for commonalities. In «Discussion of paper ‘Explanations of the fertility crisis in modern societies: A search for commonalities’, *Population Studies* 57(3), p. 241–263, by John Caldwell and Thomas Schindlmayr» *Population Studies*, 58 (1), p. 77–92 [84–85].
- Billari F. C., Kohler H.-P.* 2004. Patterns of low and lowest-low fertility in Europe. *Population Studies*, 58(2), p. 161–176.
- Bloom D. E., Canning D., Sevilla J.* 2003. The demographic dividend. A new perspective on the economic consequences of population change. Santa Monica: Rand.
- Bongaarts J.* 2001. Fertility and reproductive preferences in post-transitional societies. In R. A. Bulatao & J. B. Casterline (Eds.), *Global Fertility Transition, a supplement to Vol. 27 (2001) of Population and Development Review* (p. 260–281). New York: Population Council.
- Bongaarts J.* 2002. The end of the fertility transition in the developed world // *Population and Development Review*, 28(3), p. 419–444.
- Bongaarts J., Feeney G.* 1998. On the quantum and tempo of fertility // *Population and Development Review*, 24(2), p. 271–291.
- Bourgeois-Pichat J.* 1979. La baisse actuelle de la fécondité en Europe s’inscrit-elle dans le modèle de la transition démographique? // *Population*, 34(2), 267–308.
- Bourgeois-Pichat J.* 1981. Recent demographic change in Western Europe: An assessment // *Population and Development Review*, 7(1), p. 19–42.
- Bourgeois-Pichat J.* 1986. The unprecedented shortage of births in Europe. *Population and Development Review*, Vol. 12 Supplement: Below Replacement Fertility in Industrial Societies: Causes, Consequences, Policies, p. 3–25.
- Bourgeois-Pichat J.* 1989. Du XXe au XXIe siècle: l’Europe et sa population après l’an 2000. *Population*, 43(1), p. 9–44.
- Caldwell J. C.* 1976. Toward a restatement of demographic transition theory // *Population and Development Review*, 2(3–4), p. 321–366.

- Caldwell J. C.* 1982. The failure of theories of social and economic change to explain demographic change: Puzzles of modernization or westernization. *Research in Population Economics*, 4, p. 297–332.
- Caldwell J. C.* 2004. The implications of United Nations long-range population projections. In UN, *World Population to 2300* (p. 112–122). New York: Department of Economic and Social Affairs Population Division.
- Caldwell J. C., Schindlmayr T.* 2003. Explanations of the fertility crisis in modern societies: A search for commonalities // *Population Studies*, 57(3), 241–264.
- Cleland J.* 2001. The effects of improved survival on fertility: a reassessment. In R. A. Bulatao & J. B. Casterline (Eds.), *Global Fertility Transition*, a supplement to Vol. 27 (2001) of *Population and Development Review* (pp. 60–92). New York: Population Council.
- Cleland J., Wilson C.* 1987. Demand theories of the fertility transition: An iconoclastic view // *Population Studies*, 41(1), p. 5–50.
- Coleman D.* 2006a. Europe's demographic future: Determinants, dimensions and challenges. In P. Demeny & G. McNicoll (Eds.), *The Political Economy of Global Population Change, 1950–2050* pp. 52–95, a supplement to Vol. 32, 2006 of *Population and Development Review*. New York: Population Council.
- Coleman D.* 2006b. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // *Population and Development Review*, 32(3), p. 401–446.
- Coleman D., Rowthorn R.* 2004. The economic effects of Immigration into the United Kingdom // *Population and Development Review*, 30(4), p. 579–624.
- Davis K.* 1997 [1937]. Kingsley Davis on reproductive institutions and the pressure for population // *Archives, Population and Development Review*, 23(3), p. 611–624.
- Demeny P.* 2003. Population policy dilemmas in Europe at the dawn of the twenty-first century // *Population and Development Review*, 29(1), p. 1–28.
- Demeny P.* 2004. Population futures for the next three hundred years: Soft landing or surprises to come? In UN, *World Population to 2300* (pp. 137–144), Department of Economic and Social Affairs, Population Division, New York.
- Demeny P., McNicoll G.* 2006a. World population 1950–2050: Perception and response. In P. Demeny & G. McNicoll (Eds.), *The Political Economy of Global Population Change, 1950–2050* (1–51), a supplement to Vol. 32, 2006 of *Population and Development Review*. New York: Population Council.
- Demeny P., McNicoll G.* 2006b. The political demography of the World system, 2000–2050. In P. Demeny & G. McNicoll (Eds.), *The Political Economy of Global Population Change, 1950–2050* (pp. 254–287), a supplement to Vol. 32, 2006 of *Population and Development Review*. New York: Population Council.
- Dyson T.* 2001. A partial theory of world development: The neglected role of the Demographic transition in the shaping of modern society. *International Journal of Population Geography*, 7, p. 67–90.
- Dyson T.* 2004. Why the world's population will probably be less than 9 billion in 2300. In UN, *World Population to 2300* (pp. 145–150). New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
- Easterlin R.* 1996. *Growth triumphant: The twenty-first century in historical perspective*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Frejka T.* 2004. The 'curiously high' fertility of the USA. in «Discussion of paper 'Explanations of the fertility crisis in modern societies: A search for commonalities', *Population Studies* 57(3), p. 241–263, by John Caldwell and Thomas Schindlmayr» *Population Studies*, 58 (1), p. 77–92 [88–92].

- Frejka T., Sardon J.-P. 2004. Childbearing trends and prospects in low-fertility countries: A cohort analysis. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Hajnal J. 1965. European marriage patterns in perspective. In D.V. Glass & D. E. C. Eversley (Eds.), *Population in History* (pp. 101–146). Londres: Edward Arnold.
- Hammel E. 1990. A theory of culture in demography // *Population and Development Review*, 16(3), p. 455–485.
- Hansen A. H. 1939. Economic progress and declining population growth // *The American Economic Review*, XXIX, p. 1–15.
- Hobcraft J. 1996. Fertility in England and Wales: A fifty-year perspective // *Population Studies*, 50, p. 485–524.
- Hobcraft J., Kiernan K. 1995. Becoming a parent in Europe. In European Association for Population Studies/International Union for the Scientific Study of Population, *Evolution or Revolution in European Population*, Vol. 1, Plenary Sessions, European Population Conference (pp. 27–61). Milan: Franco Angeli.
- Keynes J. M. 1937. Some economic consequences of a declining population // *Eugenics Review*, XXIX, p. 13–17.
- Kirk D. 1996. Demographic transition theory // *Population Studies*, 50(3), p. 361–387.
- Kohler H.-P., Billari F. C., Ortega J. A. (2002). The emergence of lowest-low fertility in Europe during the 1990s // *Population and Development Review*, 28, p. 641–680.
- Kunitz S. J. 1991. The personal physician and the decline of mortality. In R. Schofield, D. Reher, & A. Bideau (Eds.), *The decline of mortality in Europe* (pp. 248–262). Oxford: Oxford University Press.
- Lee R. 2001. Externalities to childbearing. In N. J. Smelser & P. B. Baltes (Eds.), *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (pp. 1686–1689), Vol. 3, Oxford, UK: Elsevier Science Ltd.
- Lee R. 2003. The Demographic Transition: Three centuries of fundamental change // *Journal of Economic Perspectives*, 17(4), p. 167–190.
- Lesthaeghe R. J. 1980. On the social control of human production // *Population and Development Review*, 6(4), p. 527–548.
- Lesthaeghe R. J. 1983. A century of demographic and cultural change in Western Europe. An exploration of underlying dimensions // *Population and Development Review*, 9(3), p. 411–435.
- Lesthaeghe R. J., Neidert L. 2006. The second demographic transition in the United States: Exception or textbook example? // *Population and Development Review*, 23(4), p. 669–698.
- Livi Bacci M. 2001. Too few children and too much family. *Daedalus*, 130(3), p. 139–156.
- Livi Bacci M. 2006. The depopulation of Hispanic America after the Conquest // *Population and Development Review*, 32(2), p. 199–232.
- Longman P. 2004. *The empty cradle: How falling birthrates threaten world prosperity and [what to do about it]*. New York: Basic Books: New America Books.
- Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. 2001. The end of world population growth. *Nature*, 412, p. 543–545.
- Lutz W., O'Neill B., Scherbov S. 2003. Europe's population at a turning point // *Science*, 299, p. 1191–1192.
- Lutz W., Skirbekk V. 2005. Policies addressing the tempo effect in low-fertility countries // *Population and Development Review*, 31(4), p. 699–720.
- McDonald P. 2000. Gender equity in theories of fertility transition // *Population and Development Review*, 26(3), p. 427–439.
- McDonald P. 2002. Sustaining fertility through public policy: The range of options // *Population* (English edition), 57(3), p. 417–446.

- McDonald P. 2006. Low fertility and the State: The efficacy of policy // *Population and Development Review*, 32(3), p. 485–510.
- McKeown T. 1976. The modern rise of population. London: Edward Arnold.
- McNeill J. R. 2006. Population and the natural environment: Trends and challenges. In P. Demeny & G. McNicoll (Eds.), *The political economy of global population change, 1950–2050* (pp. 183–201), a supplement to Vol. 32, 2006 of *Population and Development Review*. New York: Population Council.
- Mencarini L., Salvini S. 2003. Mediterranean fertility: Towards a South-North convergence? // *Popolazione e Storia*, 2, p. 69–94.
- Newson L., Postmes T., Lea S. E. G., Webley P. 2005. Why are modern families small? Toward an evolutionary and cultural explanation for the demographic transition // *Personality and Social Psychology Review*, 9, p. 360–375.
- Notestein F. W. 1945. Population—the long view. In T.W. Schultz (Ed.), *Food for the World* (pp. 37–57), Chicago: Chicago University Press.
- Notestein F. W. 1983. Population growth and economic development [1964] // *Population and Development Review*, 9(2), p. 345–360.
- Philipov D., Liefbroer A. C., Billari F. (eds.) 2006. Postponement of childbearing in Europe. Special issue of the Vienna Yearbook of Population Research. Vienna: Austrian Academy of Sciences.
- Reher D. S. 1995. Wasted investments: Some economic implications of childhood mortality patterns // *Population Studies*, 49(3), p. 519–536.
- Reher D. S. 2004. The Demographic Transition revisited as a global process // *Population, Space and Place*, 10, p. 19–41.
- Reher D. S., González-Quñones F. 2003. Do parents really matter? Child health and development in Spain during the demographic transition // *Population Studies*, 57, p. 63–75.
- Riley J. C. 2001. *Rising life expectancy. A global history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schofield R., Reher D. S. 1991. The decline of mortality in Europe. In R. Schofield, D. Reher, & A. Bideau (eds.), *The Decline of Mortality in Europe* (pp. 1–17), Oxford: Oxford University Press.
- Smil V. 2005. The next 50 years: Fatal discontinuities. *Population and Development Review*, 31(2), p. 201–236.
- Thornton A. 2001. The developmental paradigm, reading history sideways, and family change. *Demography*, 38(4), p. 449–465.
- Thornton A. 2005. *Reading history sideways: The fallacy and enduring impact of the developmental paradigm on family life*. Chicago: University of Chicago Press.
- United Nations. 2004. Report. In *World Population to 2300* (pp. 1–88). New York: Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
- van de Kaa D. J. 1987. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*, 42, 1, PRB, Washington.
- van de Kaa D. J. 1996. Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into the determinants of fertility // *Population Studies*, 50, p. 389–432.
- van de Kaa D. J. 2004. Is the Second Demographic Transition a useful research concept? Questions and answers. In *Vienna Yearbook of Population Research* (pp. 4–10)

Перевод И. Троицкой

Семейная политика в странах ОЭСР: сравнительный анализ¹

В доказательство успешности политики, обеспечивающей женщинам равновесие карьеры и семейных обязанностей, часто приводят тот факт, что в последние 15 лет среди стран ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития) самая высокая рождаемость и самый низкий уровень бедности наблюдались в тех странах, где были высоки показатели женской занятости [OECD, 2007]. В этих странах просемейная политика создает условия, благоприятные как для занятости женщин, так и для рождаемости [Ahn, Mira, 2002; D'Addio, Mira d'Ercole, 2005]. Поэтому все большее число западных стран включает политику, направленную на успешное сочетание карьеры и семьи, в свои программы действий.

Поскольку большинство развитых стран сталкивается с одними и теми же вызовами, порожденными старением населения и интеграцией в глобальную экономику, логично было бы предположить, что их семейные политики также будут сближаться. Тем не менее существуют факторы, обуславливающие устойчивые межстрановые различия. При ближайшем рассмотрении, цели каждой страны совпадают лишь отчасти, что требует специфического набора инструментов реализации политики для каждой страны. Исторические условия, в которых формировалась семейная политика в разных странах, также различаются, особенно в том, что касается роли государства, семьи и рынка труда: меры политики в каждой стране принимают форму, созданную этим историческим контекстом и заданной им траекторией движения [см. Lewis, 1992; Gornick, Meyers, Ross, 1997; Meulders, O'Dorchai, 2007].

В своем сравнительном исследовании А. Готье [Gauthier, 2002] рассматривала эволюцию семейной политики в развитых странах с 1970-х – до конца 1990-х гг., уделяя особое внимание таким мерам, как отпуска по уходу за ребенком и семейные пособия. Она выделила четыре группы стран со схожими мерами семейной политики в 1980-х гг., но с все возрастающей дисперсией внутри некоторых групп на протяжении наблюдаемого периода. Этот не подкрепленный достаточными доказательствами, но интригующий результат предполагает, что принципиальные различия в семейной политике развитых стран не только продолжают существовать: к ним добавились новые различия, возникшие впоследствии.

Опираясь на это утверждение, мы изучаем межстрановые различия в мерах государственной поддержки семьи, используя базу данных ОЭСР по семье. Основное достоинство вышеупомянутой базы данных ОЭСР – более детальная, чем в предыдущих ее версиях, информация о мерах семейной политики. Три основных вида государственной поддержки семей с детьми – это официальные отпуска, денежные трансферты и предоставление услуг. Мы также обсуждаем специфические характеристики этих видов поддержки семьи, и то, как они формируют более или менее

* Institut national d'études démographiques (INED), France.

¹ Оригинал статьи: Thévenon O. Family policies in OECD countries: A comparative analysis // *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 1 (March 2011). P. 57–87.

полный набор мер семейной политики. Используя метод главных компонент, мы выделили основные группы стран с сопоставимыми наборами мер.

Первая часть статьи посвящена обзору предыдущих сравнительных исследований в этой области, а также обсуждению изменяющихся целей и методов, определяющих модели семейной политики. Вторая часть статьи описывает использованные данные и методологию исследования, третья – опираясь на проведенный анализ, предлагает классификацию стран в зависимости от проводимой ими семейной политики. В заключительной части обсуждаются факторы, определяющие семейную политику и обеспечивающие равновесие между работой и семьей.

Модели семейной политики: разнообразие целей

Изменения в образе жизни семей требуют «модернизации» политики поддержки семьи [Kaufmann et al., 2002]; понимается, модернизация рассматривается во всем многообразии ее проявлений. В данном случае это означает, что политика должна более эффективно регулировать сочетание различных целей – перспектива, которая явно прослеживается в оценках семейной политики в современной Европе [Letablier et al., 2009; Lohmann, Rostgaard, Spiess, 2009]. Поскольку в конечном итоге все эти цели сводятся к возможностям сочетания карьеры и семьи, между ними иногда возникают конфликты. Общий вывод состоит в том, что семейная политика намного более гетерогенна, чем это предполагает стандартный анализ «режимов социального обеспечения» (*welfare state regimes*) [см. Meulders, O'Dorchai, 2007].

Выделяют шесть основных целей политики поддержки семьи:

1. Снижение бедности и поддержка уровня доходов. Эта цель обычно является адресной и достигается путем выплаты специальных пособий семьям с низким доходом, имеющим детей [Maître, Nolan, Whelan, 2005; Ritakallio, Bradshaw, 2006]. Это ключевой аспект социальной политики в англо-саксонских странах, а также в Южной Европе, где политика поддержки семьи остается, тем не менее, весьма фрагментарной [Ferrara, 2005]. Политика может различаться как по масштабам охвата населения (назначаются ли пособия всем семьям без исключения или адресно – семьям с низким доходом), так и по степени снижения выплат с ростом дохода семьи и их повышения – с увеличением ее размера. Пособия на оплату жилья, увеличивающиеся с ростом размера семьи – ключевой инструмент в борьбе с бедностью [Bradshaw, Mayhew, 2006; Fagnani, Math, 2008].

2. Прямые компенсации расходов на детей. Денежные пособия и/или налоговые льготы призваны уменьшить разрыв в уровне жизни семей с детьми и без детей. Поскольку подобные компенсации ориентированы не только на семьи с низким доходом, они могут и не снижать общие показатели неравенства доходов. Тем не менее эти пособия очень щедры для многодетных семей, независимо от их доходов. Пособия и льготы могут распространяться на весь период детства, и их доля в бюджете семьи может возрастать с взрослением ребенка [Thévenon, 2009a].

3. Стимулирование занятости. В последние годы меры семейной политики часто направлены на то, чтобы способствовать сочетанию карьеры и семьи, особенно для женщин, и обеспечить, таким образом, рост женской занятости [Esping-Andersen,

1999; *OECD*, 2002–2007]. Более высокие показатели занятости женщин вносят вклад в экономическую и финансовую стабильность государства всеобщего благоденствия. Также предполагается, что более активное участие в экономике женщин с высокой профессиональной квалификацией приводит к повышению производительности труда и экономическому росту [*Esping-Andersen*, 2009; *Luci*, 2009]. Политика, дружественная по отношению к семье, обычно сочетает три вида мер: право на отпуск по уходу после рождения ребенка с гарантированным сохранением рабочего места и поддержанием дохода семьи на прежнем уровне; доступ к институциональным возможностям ухода за детьми (детские сады, ясли, няни и пр.), приспособленным к графику работающих родителей с маленькими детьми; система пособий и налоговых льгот, создающая стимулы для возвращения на работу после рождения ребенка.

4. Повышение гендерного равенства. Семейная политика может способствовать равномерному распределению оплачиваемой и неоплачиваемой (домашней) работы между партнерами, включая уход за детьми [*Lewis*, 1992, 2006; *Bettio, Plantenga*, 2004; *Hantrais*, 2007]. Отпуска, связанные с рождением ребенка, могут быть организованы таким образом, чтобы избежать длительного отсутствия матерей на рынке труда и побуждать отцов участвовать в уходе за детьми через систему хорошо оплачиваемых отпусков, которые можно брать по частям и которые «сгорают», если их не использовать [*Moss, Coram*, 2008; *Ray, Gornick, Schmitt*, 2009]. Система семейных пособий и налоговых льгот также является важным инструментом обеспечения гендерного равенства – например, за счет разницы в налоговых ставках для первого и второго работающих членов домохозяйства.

5. Поддержка раннего развития детей. Ряд стран – членов ОЭСР разработали свою семейную политику с учетом именно этой цели [*Gornick, Meyers*, 2006; *OECD*, 2009b]. Считается, что два фактора положительно влияют на развитие ребенка в раннем детстве: время, которое родители проводят с ребенком, ухаживая за ним и воспитывая его, а также степень охвата детей дошкольным воспитанием и институциональными формами ухода [*Kamerman et al.*, 2003; *Heckman, Masterov*, 2007]. В то же время наличие двух работающих родителей существенно снижает уровень бедности семьи, что положительно сказывается на благосостоянии и развитии ребенка [*Whiteford, Ade Adema*, 2007; *Esping-Andersen*, 2009]. Нормы, определяющие наиболее подходящий возраст ребенка, начиная с которого открывается доступ к учреждениям дошкольного воспитания, а также продолжительность пребывания в них варьируют от страны к стране, но ценность дошкольного воспитания признается практически всеми странами.

6. Повышение уровня рождаемости. Старение населения и его основная причина – устойчиво низкая рождаемость – представляют собой предмет беспокойства большинства стран – членов ОЭСР вследствие их влияния на экономический рост и стабильность уровня благосостояния в долгосрочной перспективе. Повышение рождаемости редко бывает явно обозначенной целью семейной политики; оно скорее рассматривается как ее возможный позитивный «побочный продукт». Необходимость в более высоких показателях рождаемости признана повсеместно, по крайней мере, в Европе, и обсуждаются лишь способы ее повышения: об этом свидетельствует документ ЕС «*Green Paper*», посвященный воздействию политики на старение населения [*European Commission*, 2005]. В основе этих дебатов лежат два постулата.

Первый – реальные показатели рождаемости ниже, чем декларируемое родителями желаемое число детей, и этот разрыв вполне может быть сокращен с помощью мер семейной политики [D'Addio, Mira d'Ercole, 2005; Gauthier, Philipov, 2008]. Второй – участие женщины в экономике не обязательно является препятствием для повышения рождаемости, поскольку в некоторых странах с высокими показателями занятости женщин рождаемость также относительно высока. Однако для некоторых стран характерно скорее противоречие между карьерой и семьей, и в течение последнего десятилетия в них существует проблема выбора между двумя этими траекториями [см. Thévenon, 2009b].

Равновесие между вышеперечисленными целями семейной политики в разных странах достигается по-разному, определяя, в свою очередь, комплекс используемых мер. В итоге, межстрановые различия в семейной политике заключаются не только в ее инструментах, но и в степени достижения целей, главная из которых – поддержка решений, принятых индивидом относительно сочетания карьеры и семьи. Эти различия заключаются в разнообразных комбинациях денежных и натуральных выплат, гибких графиков работы [Gornick, Meyers, Ross, 1997; De Hénau, Meulders, O'Dorchai, 2006; OECD, 2002–2007] а также в том, как эти комбинации меняются с увеличением возраста ребенка. Как показал ряд исследований, межстрановые различия в семейной политике только отчасти соответствуют повсеместно принятой и широко используемой классификации режимов социального благосостояния [см. Gornick, Meyers, Ross, 1997; De Hénau, Meulders, O'Dorchai, 2006; Thévenon, 2006].

Данные и методология

В настоящем исследовании использованы данные из базы ОЭСР по семье (*OECD Family Database*), которая стала доступной в июне 2009 г. и отражала ситуацию, сложившуюся к середине 2000-х гг. [см. Adema et al., 2009]. База содержит информацию по 28 странам (обозначенным как ОЭСР–28) из 34, входящих в организацию, и сгруппированным по следующим региональным или культурным кластерам: англосаксонский (Австралия, Канада, Ирландия, Новая Зеландия, Великобритания, США), северный (Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Швеция), континентально-европейский (Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария), южно-европейский (Греция, Италия, Португалия, Испания), восточно-европейский (Чешская Республика, Венгрия, Польша, Словакия) и азиатский (Япония, Южная Корея). Другие страны-участницы, такие как Турция и Мексика, не были включены в исследование из-за больших пробелов в данных.

Среди исследователей нет единого мнения относительно того, какие показатели лучше описывают национальную семейную политику. Во избежание излишне узкого взгляда на проблему мы использовали широкий спектр показателей, позволяющих взглянуть на семейную политику с разных точек зрения. Поддержка семей с детьми оценена в трех измерениях: в денежном виде, в натуральном и в виде затрат времени (предоставление отпуска по уходу за детьми); каждый из инструментов описан при помощи набора показателей, наилучшим образом отражающих его многогранный характер.

Затем был проведен отбор исходных данных и сокращение количества

показателей, чтобы свести до минимума влияние исключения некоторых стран из анализа и избежать дублирования. Выбранные показатели не обязательно обеспечивают всестороннюю оценку и ясное понимание сути всех существующих типов семейной политики². Более того, при анализе учитываются только законодательно установленные меры; к примеру, пособия на детей, выплачиваемые работодателями по их собственной инициативе, исключены.

На рис. 1 представлено распределение государственных расходов на детей в разных странах в зависимости от возраста. Расходы разделены по трем возрастным группам: "раннее" детство (возраст до 6 лет), "среднее" (7–11 лет) и "позднее" (12–17 лет). Проведенный анализ учитывает все расходы в денежном выражении, в виде услуг, а также расходы на образование; они приводятся в расчете на одного ребенка и в процентах от средней заработной платы в каждой стране. Между странами наблюдаются существенные различия в суммарных расходах на детей. Например, в Корее сумма, потраченная на одного ребенка, составляет около половины средней заработной платы по стране и лишь 1/3 суммы, расходуемой на одного ребенка в Венгрии.

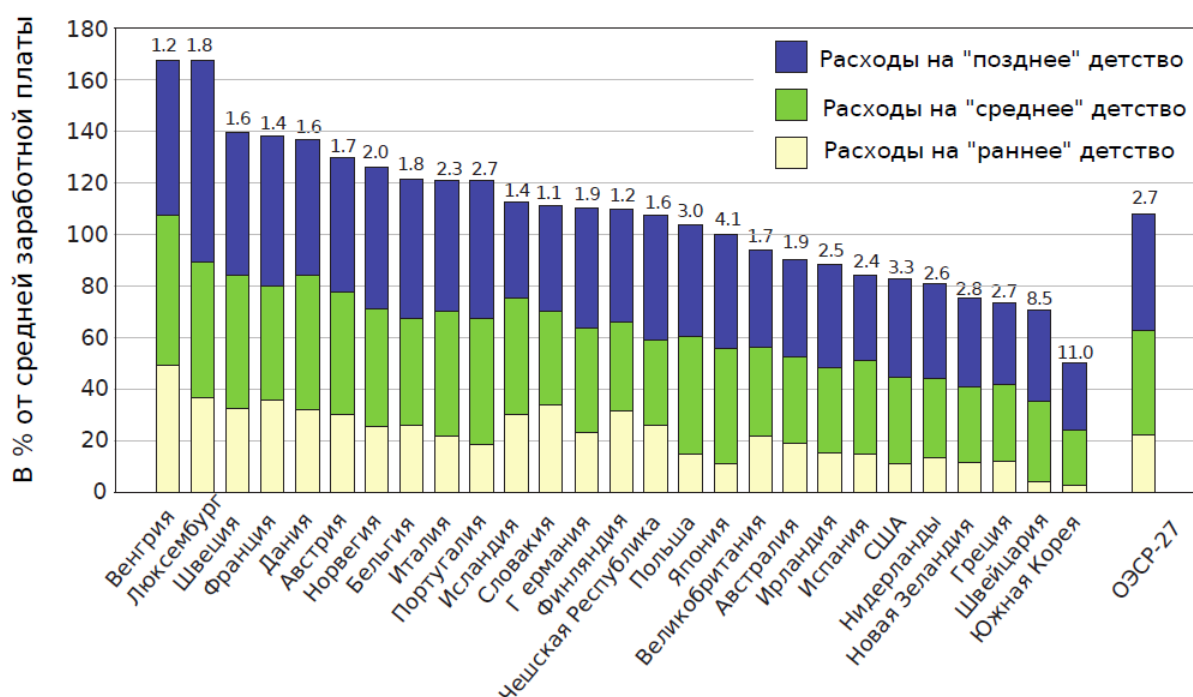

Рис. 1. Общие государственные расходы на ребенка (0–17 лет) в % от средней заработной платы в 2003 г.

Примечание: цифры над столбиками показывают соотношение расходов на детей в зависимости от их возраста (рассчитываются как отношение общих расходов на детей 7–17 лет и расходов на детей 0–6 лет). Данные для Канады недоступны.

Источник: оценки автора по данным ОЭСР [OECD, 2009b], а также по данным из баз ОЭСР «Социальные расходы» и «Образование». Расходы включают: денежные выплаты, налоговые вычеты, пособия на детей, услуги по уходу и расходы на образование. Подробнее см.: www.jecd.org/els/social/childwellbeing, онлайн-приложения к гл. 3.

² К примеру, оказывается, что сбор полной информации о масштабах выплаты пособий и предоставления отпусков невозможен: хотя административная статистика определяет число лиц, получающих пособия или пользующихся отпуском, данных об общей численности населения, имеющего право на их получение, нет.

Рис. 1 также отражает общую сумму расходов на "среднее" и "позднее" детство (7–17 лет) в сравнении с расходами на детей самого младшего возраста (0–6). В большинстве стран распределение расходов смещено в сторону детей старших возрастов (7 лет и старше).

Таблицы А1–А3 в Приложении обобщают другие национальные данные, разделенные по двум основным типам мер семейной политики. Таблица А1 содержит ряд показателей, отражающих права на отпуск по уходу за ребенком. Поскольку общие расходы на оплату этих отпусков могут зависеть от общего числа рождений в стране, мы сравнивали суммы расходов на одно рождение со средним ВВП на душу населения.

Различия как в числе рождений, так и в уровне ВВП на душу населения объясняют существенную дифференциацию расходов на оплату отпуска на одного ребенка. Длительность оплачиваемого отпуска выражалась через так называемый «эквивалент полной занятости»: за какое количество недель работы на полную ставку со средней заработной платой будет заработана сумма, выплаченная в течение отпуска по уходу за ребенком при данном размере пособия и данной длительности отпуска. Таким образом, щедрость социальной политики в оплате отпусков по уходу за детьми можно выразить через заработную плату, что позволяет проводить межстрановые сравнения. В расчет принимались как декретный отпуск, так и последующий оплачиваемый отпуск по уходу. Кроме того, чтобы оценить длительность отсутствия родителей (главным образом матерей) на работе после рождения ребенка, мы также приводим период, в течение которого за родителем, находящимся в официальном отпуске по уходу за ребенком (оплачиваемым или нет), сохраняется его рабочее место. Для работающих родителей с детьми младшего дошкольного возраста длительность этого периода является показателем равновесия между домашней и институциональной формами ухода за ребенком, в достижении которого заключается одна из целей семейной политики. В качестве показателя гендерного равенства – возможной причины, по которой отпуск по уходу за ребенком остается относительно коротким и хорошо оплачиваемым, – таблица включает особые права отцов на отпуск по уходу за ребенком (это может быть отцовский отпуск по уходу, отцовская квота³ или бонус в виде увеличения продолжительности отпуска, если его берут оба родителя).

Вторая группа переменных описывает предоставление услуг по уходу за ребенком и дошкольному воспитанию (см. табл. А2). Данные включают расходы на государственные услуги по уходу за детьми и дошкольное воспитание как в процентах от ВВП, так и в расчете на одного ребенка. Таблица также содержит оценки охвата населения данными услугами, среднее количество часов пребывания в школе в неделю, а также расходы семьи на уход за детьми (как показатель финансовой доступности дошкольных учреждений).

Третья группа переменных связана с общей поддержкой дохода семьи при помощи налоговых льгот и пособий (см. табл. А3): семейные пособия в долях ВВП и среднего заработка, вариация пособий в зависимости от размера семьи и их роль в

³ Отцовская квота – часть отпуска по уходу, предназначенная исключительно для отцов. Если она не использована, семья теряет право на нее (т.е. она не может быть присоединена к отпуску по уходу, полагающемуся матери). – *Примеч. ред.*

снижении бедности. Гарантированные семьям налоговые льготы, наряду с денежными пособиями, составляют существенную часть семейных трансфертов в таких странах, как Бельгия, Франция и Германия. Возрастание помощи семьям с увеличением их размера показывает, в какой степени семейная политика нацелена на поддержку больших семей. Эта поддержка измеряется с помощью «коэффициента размера семьи», рассчитанного как отношение дополнительных пособий, предоставляемых на третьего ребенка, и пособий для аналогичных домохозяйств, но с одним ребенком. В Бельгии, Канаде, Франции, Японии и Швеции именно большая семья находится в центре внимания мер семейной политики, направленных на поддержание уровня доходов. Вклад семейных трансфертов (пособия и налоговые льготы) в снижение бедности семей с детьми измеряется объемом пособий семьям с низким доходом по отношению к среднему заработку, а также мерами, направленными на поддержку неполных семей. В большинстве стран поддержка семей с низким доходом вдвое выше по сравнению с остальными семьями, хотя и значительно варьирует от страны к стране⁴.

Рис. 2 иллюстрирует влияние трансфертов на средние эффективные налоговые ставки, применимые к родителям с детьми старше 3 лет, которые планируют выйти на работу. Эти ставки показывают, какая часть дохода, полученного от занятости, будет потеряна вследствие уплаты налогов или отмены пособий, право на которые зависит от дохода домохозяйства. Высокие ставки сигнализируют о наличии препятствий к занятости, доходы от которой подлежат обложению налогом.

Напротив, более низкие (и даже отрицательные) ставки в Италии свидетельствуют об относительно высоких стимулах для безработных пар и одиноких родителей к выходу на рынок труда. Эффективные налоговые ставки рассчитаны для разных типов партнерских союзов, включая полные или неполные семьи с детьми, но для ограниченного количества возможных переходов в экономической активности.

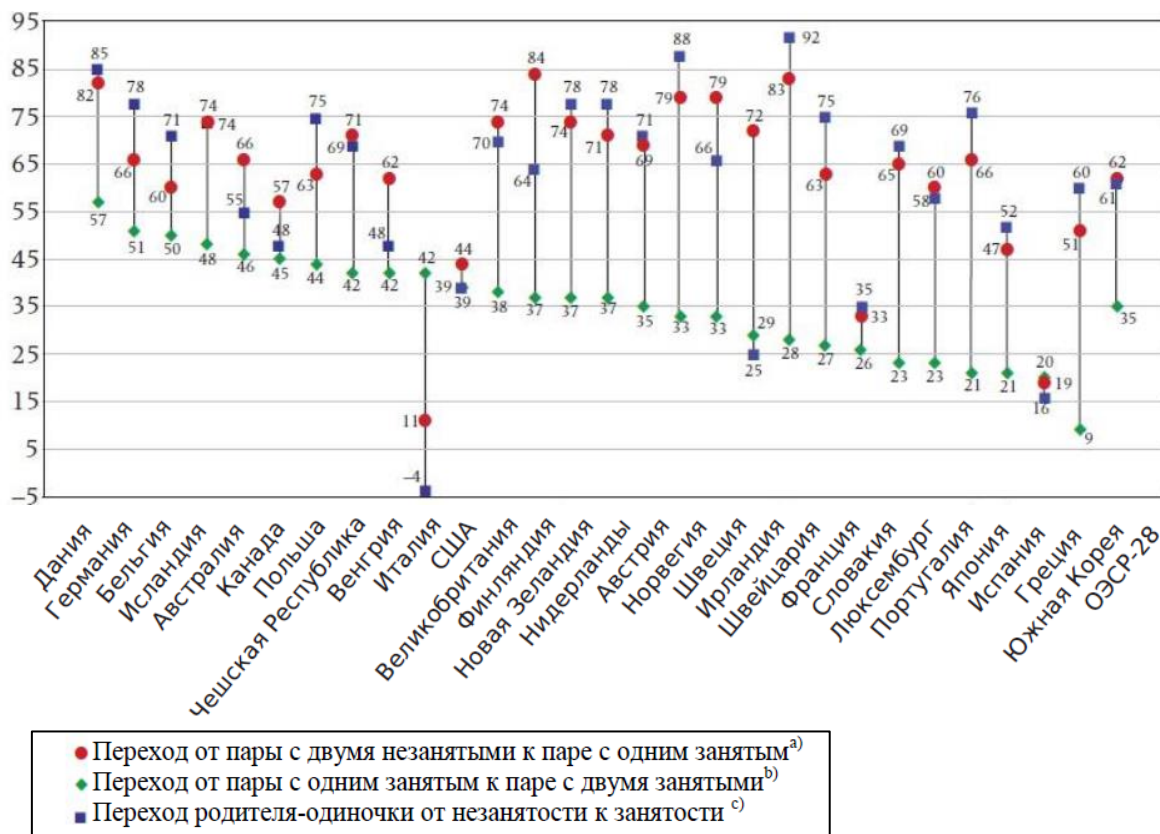
Применив к нашим данным метод главных компонент, мы выделили самые важные характеристики, дифференцирующие пакеты мер семейной политики в разных странах. Применение метода главных компонент дает в результате большие корреляционные матрицы; из них можно выделить меньшие наборы компонент, которые наилучшим образом описывают эти пакеты мер, и выбрать их в качестве осей системы координат. Значение каждого компонента задается переменными, которые наиболее сильно коррелируют с соответствующей осью (см. табл. А4 в Приложении)⁵. Объясняющая способность каждого компонента измеряется долей общей дисперсии,

⁴ Показатели в табл. А3 в Приложении частично измеряют прогрессивность государственной поддержки семей с детьми. Однако, другие оценки адресности трансфертов семьям с низким доходом, рассчитанные по той же методике, что и коэффициент Джини, также широко используются [см. табл. 6 в *Whiteford, Adema, 2007*]. Поскольку эти показатели доступны не для всех выбранных стран, метод главных компонент, который будет применен ниже, включает только переменную «Поддержка семей с низким доходом» (см. колонку 2 табл. А3 в Приложении).

⁵ Используемый здесь набор данных включает несбалансированное число переменных, представляющих три аспекта семейной политики (отпуска, услуги, пособия). Таким образом, роль любого из аспектов может быть переоценена только потому, что число описывающих его переменных больше по сравнению с остальными двумя. Чтобы решить эту проблему, мы применили к тому же набору данных многофакторный анализ, позволяющий определить вес каждой из трех групп инструментов семейной политики. Полученные результаты весьма близки к представленным в статье; таким образом, необходимости в подобном взвешивании нет. Также мы использовали кластерный анализ, чтобы понять, как могут быть сгруппированы страны, вошедшие в панель. Однако, поскольку результаты весьма чувствительны к количеству осей, мои комментарии основаны только на результатах применения метода главных компонент. Другие методы анализа были также использованы для обработки отсутствующих значений переменных; подробности можно узнать у автора, написав по адресу olivier.thevenon@ined.fr.

обеспеченной этим компонентом: чем выше доля, тем в большей степени значения показателей объясняются переменными, определяющими эту ось.

Рис. 2 Эффективные предельные ставки налога на доходы от трудовой деятельности, в зависимости от типа изменений в занятости (2004)

Примечание: Значения соответствуют эффективной ставке налога для домохозяйства с двумя детьми – 4 и 6 лет. Они показывают, какой процент прироста доходов от занятости уйдет на уплату налогов или будет компенсировать снижение дохода домохозяйства от отмены некоторых пособий. Ни пособия по уходу, ни расходы семьи на уход не берутся в расчет. В исходной ситуации незанятый родитель не получает пособия по безработице, но домохозяйство в целом может иметь право на социальную поддержку и другие меры и пособия, зависящие от дохода:

- а) эффективные ставки налога рассчитаны для домохозяйства, в котором один из партнеров планирует перейти от незанятости к полной занятости со средней зарплатой, тогда как второй остается незанятым;
- б) эффективные ставки налога рассчитаны для домохозяйства, в котором один из партнеров планирует перейти от незанятости к полной занятости со средней зарплатой, тогда как второй получает 67% от средней заработной платы;
- в) эффективные ставки налога рассчитаны для одинокого родителя, переходящего от незанятости к полной занятости с зарплатой в 67% от средней.

Источник: OECD, 2007, Дети и руководители (*Babies and Bosses*).

В нашем случае первые две оси обеспечивают 21,3% и 15,9% дисперсии. Следующие три оси добавляют 10,5%, 9,3 и 8,7%, соответственно. Не существует строгих правил, сколько осей нужно включать в анализ, однако в данном исследовании первые две оси контролируют значительную часть вариации показателей и, следовательно, в значительной мере объясняют межстрановые различия в семейной политике.⁶ Ниже мы анализируем сходства и различия между странами, используя только первые два главных компонента.

⁶ Разрывность в уменьшающихся сериях дисперсий (точнее, в сериях убывающих собственных чисел корреляционных матриц) часто указывает на пороговое значение, при котором включение дополнительных

Особенности семейной политики в странах-членах ОЭСР

Рисунок 3 показывает, как расположены страны на плоскости, заданной этими компонентами. Чем ближе страны друг к другу, тем более сходна по набору мер их семейная политика, а чем дальше они находятся друг от друга, тем менее сходство между ними – в терминах тех компонент, которые определяют оси графика. Размер круга для каждой страны иллюстрирует вклад каждой страны в тот или иной компонент: чем больше круг, тем более «типичен» набор мер семейной политики, измеряемый переменными, представленными по осям. Для каждой области графика приведены доминирующие характеристики семейной политики в странах, попавших в эту область. На графике можно выделить несколько кластеров стран, но практически ни один из них нельзя назвать однородным.

Ключевые переменные, формирующие первый компонент (горизонтальная ось на рис. 3), характеризуют поддержку, оказываемую работающим родителям с детьми младше 3 лет и позволяющую сочетать работу и воспитание детей. Наибольший контраст по горизонтальной оси – между расположенным в левой части кластером (Северная Европа) и всеми остальными. В группе северных стран поддержка семей с детьми обширнее: здесь выше расходы на отпуска и услуги по уходу для семей с самыми маленькими детьми. Также для этой группы стран характерны высокие государственные расходы на поддержку семей с детьми скорее младшего, нежели «среднего» и «позднего» детского возраста. Напротив, в странах, расположенных в правой части графика, выше инвестиции в «среднее» и «позднее» детство; преимущественно это расходы на образование. Также в странах, расположенных справа, объектом адресной финансовой поддержки являются семьи с низким доходом и/или большие семьи, хотя эти переменные объясняют лишь незначительную часть межстрановых различий.

Второй компонент (вертикальная ось на рис. 3) также иллюстрирует существенные различия. Ключевым параметром здесь является «щедрость» права на официальные отпуска по уходу за ребенком: в странах, расположенных в левой верхней части графика, эти отпуска более продолжительны. Коэффициент замещения во время оплачиваемых отпусков по беременности и родам и по уходу за ребенком не всегда высок из-за фиксированной шкалы выплат; тем не менее, вследствие длительного отпуска период эквивалента полной занятости (при средней оплате труда) получается достаточно долгим. Хотя в странах, расположенных в нижней части графика, оплачиваемые отпуска предоставляются не так щедро, инвестиции в услуги дошкольного образования в этих странах выше, чем где-либо. Также здесь выше доля ВВП, расходуемая на трансферты в виде налоговых льгот и пособий на детей.

размерностей может прекратиться [Cattell, 1966]. В этом случае собственные числа, начиная с третьего, резко снижаются. Корреляции, определяющие первые пять осей, приведены в табл. А4 в Приложении. Подробности можно узнать у автора, написав по адресу olivier.thevenon@ined.fr.

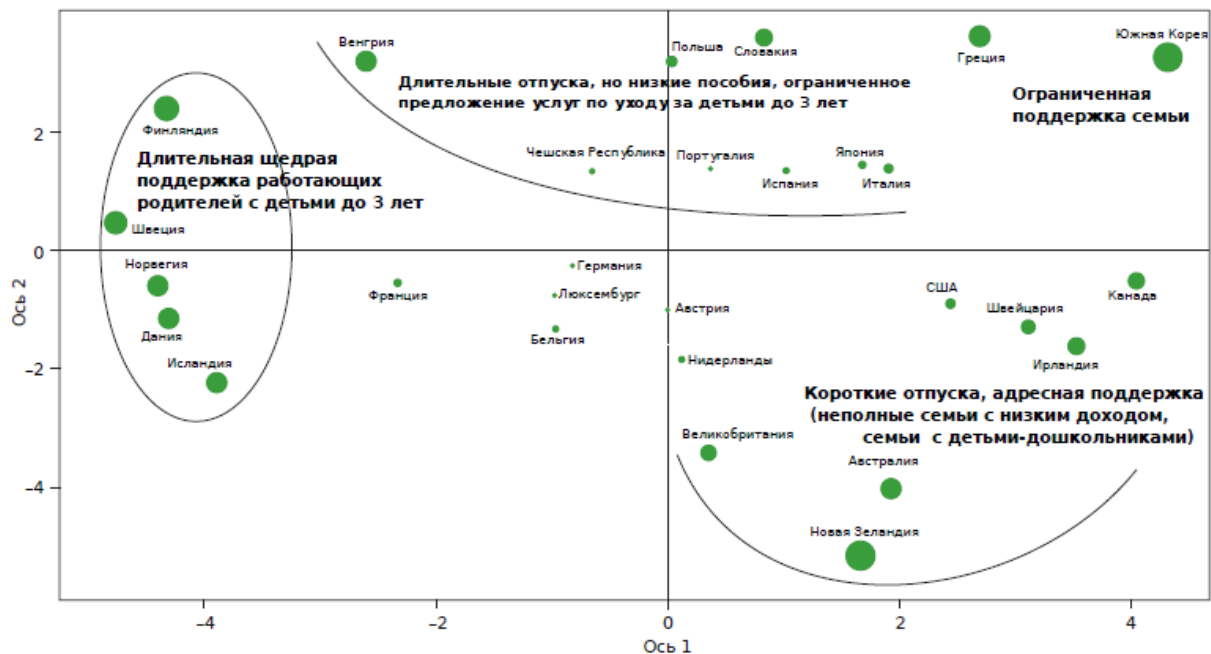

Рис. 3. Страны ОЭСР, распределенные по типам семейной политики, определенным с помощью первых двух главных компонент

Примечание: размер точки пропорционален вкладу страны в переменные **Ось 1** и **Ось 2**. Числа на осях определяют положение страны по каждому из главных компонент

Источник: анализ главных компонент, примененный к данным из базы ОЭСР

Таким образом, общая поддержка семей с маленькими детьми меньше в странах, расположенных правее по горизонтальной оси, особенно в правом верхнем квадранте: эти страны демонстрируют определенное отставание от остальных, какой бы меры семейной политики это ни касалось. Страны, расположенные в левой части графика, предоставляют более существенные меры поддержки семьям с маленькими детьми, хотя здесь мы наблюдаем заметные колебания в масштабах каждой из мер.

Исходя из межстрановых различий в семейной политике, мы выделили на рис. 3 несколько кластеров. Страны Северной Европы расположены в левой части графика по обе стороны от горизонтальной оси, англосаксонские страны располагаются в нижнем правом квадранте. Третья группа включает часть стран Южной Европы, Японию и Южную Корею, и расположена в верхнем правом квадранте. Страны Восточной Европы распределены вдоль всей верхней границы, а страны континентальной Европы занимают промежуточное положение в центре графика. Меры семейной политики, типичные для каждой группы стран, описаны в **табл. 1**; ниже мы вкратце обсудим их.

Северная Европа: существенная помощь родителям с детьми до 3 лет для успешного сочетания карьеры и семейных обязанностей

В странах этой группы государственная политика поддержки работающих родителей представляет собой комбинацию относительно благоприятных условий, дающих родителям возможность временно оставить работу после рождения ребенка, и широкодоступных институциональных форм ухода за детьми до 3 лет. В странах Северной Европы в эти две меры вкладывается больше средств, чем в любой другой стране ОЭСР. В 2005 г. расходы на декретные отпуска и отпуска по уходу в расчете на одного ребенка в Северной Европе были выше, чем где-либо, в основном из-за того, что эти отпуска лучше оплачивались, хотя общая длительность отпуска по уходу (оплачиваемого и неоплачиваемого) была относительно небольшой; исключения составляют Норвегия и Финляндия. В северных странах расходы на оплату отпусков в расчете на одного ребенка составили в среднем 53% от ВВП на душу населения, против 21% в среднем в других группах стран и 10% – в «англосаксонской» группе (см. табл. 1). Высокая оплата отпусков в странах Северной Европы приводит к тому, что период «эквивалента полной занятости» (при средней оплате труда) оказывается относительно долгим: если брать в расчет и декретный отпуск, и следующий за ним оплачиваемый отпуск по уходу, период «эквивалента полной занятости» составляет 62 недели в Швеции и 50 недель в Дании против 32 недель в среднем по всем странам ОЭСР.

Гендерное равенство – еще один элемент политики предоставления отпусков по уходу за детьми в странах Северной Европы: он заключается в праве отцов на часть отпуска. Кроме того, во всех странах этой группы, кроме Дании, отпуск по уходу за ребенком включает так называемые «отцовские квоты», когда определенная часть отпуска может быть предоставлена только отцу и «сгорает», если отец ее не использует. Если сложить положенный отцам отпуск по уходу и «отцовскую квоту», то период «эквивалента полной занятости» для отцов в Северной Европе окажется намного длиннее, чем где бы то ни было: в Швеции и Исландии он составит 10 недель по сравнению с 1.7 недели во всех странах ОЭСР в среднем. Тем не менее отпуск отца составляет лишь небольшую часть официально предоставляемого отпуска по уходу за

ребенком; его почти полностью берут женщины. Забота о гендерном равенстве выражается также и в существенно бóльших налоговых льготах, предоставляемых семьям с двумя работающими родителями по сравнению с семьями, где работает только один из них. Однако в Норвегии и Финляндии длительный период отпуска по уходу за ребенком, оплачиваемого по плоской шкале, нарушает принципы гендерного равенства, поскольку его используют преимущественно женщины.

Таблица 1. Основные показатели семейной политики по группам стран, 2005–2007 гг.

Модель семейной политики	Расходы на одного ребенка, в % от ВВП на душу населения	«Эквивалент полной занятости» ^{а)} (в неделях декретного отпуска + отпуска по уходу)	«Эквивалент полной занятости» (в неделях отпуска для опов	Расходы на услуги по уходу за детьми (в % от ВВП)	Посещаемость яслей (% детей в возрасте 0-2 года)	Среднее число часов в неделю, проведенных в дошкольных учреждениях (% детей в возрасте 3-5 лет)	Расходы на оплату детских учреждений для семьи с детьми ^{б)}	Выплаты и налоговые льготы для семей (в % от ВВП)	Поддержка семей с низким доходом ^{в)}	Налоговые льготы для домохозяйств с двумя работающими ^{д)}	
Северная Европа	52,6	44,6	6,7	1,52	46	33	82	9	1,5	2,2	5,1
Континентальная Европа	22,3	31,9	0,7	0,87	36	26	85	9	2,2	1,1	3,0
Англо-саксонские страны и Швейцария	8,1	10,6	0,0	0,50	30	24	72	24	1,7	4,7	3,0
Южная Европа, Япония и Южная Корея	12,5	27,8	0,7	0,57	28	32	74	8	0,6	3,6	5,3
Восточная Европа	51,1	58,5	1,3	0,62	7	29	71	7	1,5	2,9	3,9
Среднее по ОЭСР	28,6	31,7	1,7	0,79	30	28	71	13	1,5	3,0	4,0

Примечания: в таблице приведены невзвешенные средние значения;

а) см. примечание а) к табл. А1;

б) см. примечание б) к табл. А2;

в) см. примечание а) к табл. А3;

д) см. примечание е) к табл. А3.

Доля детей, посещающих дошкольные учреждения, в Северной Европе также намного выше. Одна из причин – субсидируемое государством посещение таких учреждений становится доступным для детей с более раннего возраста по сравнению с другими странами. Например, в Дании дети могут посещать ясли с годовалого возраста, как только заканчивается период родительского отпуска по уходу, и более 70% детей в возрасте до 2 лет посещают их; этот показатель намного выше, чем в среднем по странам ОЭСР [NOSOSCO, 2009]. Услуги по уходу за детьми более старшего возраста в Северной Европе также широкодоступны: доля детей старше 3 лет, посещающих дошкольные учреждения, составляет примерно 52% в Исландии, 44% в Швеции и 35% в Норвегии. Сумма инвестиций на одного ребенка в Северной Европе составляет \$6,316 (по паритету покупательной способности) по сравнению с \$2,516 в среднем по странам ОЭСР. Такие масштабные государственные расходы означают, что для родителей стоимость услуг по уходу за ребенком остается относительно невысокой: по сравнению с другими странами ОЭСР (особенно англосаксонскими), государственные учреждения для детей младше 3 лет вполне по средствам родителям.

Общие расходы на институциональные формы ухода и дошкольное воспитание для детей до 6 лет в Северной Европе составляют примерно 1,5% ВВП по сравнению с 0,7% в среднем по странам ОЭСР (0,5% – в англосаксонских странах и 0,7% – в Южной Европе). Такая значительная государственная поддержка работающих родителей с маленькими детьми, безусловно, приводит к более высоким ставкам налога на доходы от занятости.

Дания и Исландия представляют собой экстремальные случаи внутри неверно названного «типичным» северного кластера: отпуск по уходу за ребенком щедро оплачивается, но он относительно короток; государственные расходы на услуги по уходу за детьми до 3 лет (в Дании) и 3–5 лет (в Исландии) намного больше, а охват детей до 3 лет институциональными формами ухода очень высок (для сравнения: в Швеции отпуск по уходу за ребенком (без потери в доходе) продолжительнее, но посещаемость дошкольных учреждений детьми в возрасте 1 года намного ниже). Соответственно, в этих двух странах высокие налоги. Таким образом, работающие родители в Дании взамен высоких ставок налога на заработную плату получают от государства существенную и длительную поддержку своих усилий в сочетании работы и воспитания детей, с гарантированным сохранением дохода во время отпуска по уходу за ребенком и широкой доступностью дошкольных учреждений при достижении ребенком 1 года. Тем не менее эта схема ограничена определенными стандартами, и родители имеют не слишком много возможностей для собственного выбора формы ухода за детьми

Рисунок 3 показывает, что страны Северной Европы не все одинаковы. Финляндия стоит особняком от остальных стран, предоставляя родителям самых маленьких детей большую свободу выбора между воспитанием детей и работой [Ellingsater, Leira, 2006]. В Финляндии самый длительный период общего отпуска (декретный плюс отпуск по уходу за ребенком) – 53 недели «эквивалента полной занятости» при средней зарплате, вследствие пособия на домашнее воспитание, выплачиваемого родителям до достижения ребенком 3-летнего возраста. Отчасти по этой причине посещаемость детьми до 3 лет дошкольных учреждений в Финляндии самая низкая среди всех северных стран (около 25%)⁵⁶. Женщины намного чаще, чем мужчины, ухаживают за маленькими детьми, поэтому более длительный период оплачиваемого отпуска по уходу негативно влияет на гендерное равенство на рынке труда. Однако этот дисбаланс уравнивается большими налоговыми льготами для семей с двумя работающими родителями и с ребенком старше 3 лет, чем для семей с одним работающим родителем и ребенком такого же возраста.

Англосаксонские страны: поддержка семей с низким доходом, неполных семей и домохозяйств с детьми-дошкольниками

Англосаксонские страны, наряду с южноевропейскими и азиатскими, находятся на противоположном от северных стран конце шкалы, измеряющей масштабы

⁵⁶ В 2008 г. только 1% детей в возрасте до 1 года и 42% детей в возрасте от 1 до 2 лет посещали дневные дошкольные учреждения и пользовались другими субсидируемыми услугами [NOSOSCO, 2009]. Для сравнения, в Норвегии, где для детей доступен домашний уход в течение более чем одного года (оплачиваемый отпуск продолжительностью в 47 недель «эквивалента полной занятости»), показатели посещаемости субсидируемых дошкольных учреждений были на уровне 4% для детей в возрасте до года и 75% для детей в возрасте 1–2 лет.

государственной поддержки семей (горизонтальная ось на рис. 3), но при этом занимают различные позиции вдоль вертикальной оси на рис. 3. Англосаксонские страны отличаются от остальных несколькими параметрами. Предусмотренные законом права на оплачиваемый отпуск после рождения ребенка здесь весьма скромны: хотя за родителями сохраняется рабочее место на период отпуска, оплата его невелика, а период «эквивалента полной занятости» сравнительно короток (максимум 9 недель в Великобритании). Однако, пособия, выплачиваемые работодателями (в данной статье они не рассматриваются), отчасти компенсируют низкий уровень государственной поддержки семей с детьми (Примечание 6)⁵⁷.

Предложение услуг по уходу за ребенком и дошкольному воспитанию для детей до 3 лет в целом ниже, хотя внутри группы наблюдаются существенные межстрановые различия (см. ниже). Таким образом, стоимость услуг по уходу за ребенком для родителей высока. Эти издержки могут быть ощутимо снижены за счет налоговых льгот, пособий на детей или возврата части налога, как, например, в Австралии, но в Ирландии, Новой Зеландии и Великобритании подобное снижение издержек несущественно (см. табл. A2, а также *Immervoll, Barber, 2005*). Затраты на уход за детьми уменьшают выигрыш от занятости, хотя эффективная ставка налога до учета расходов на детей находится на среднем уровне.

Напротив, посещаемость дошкольных учреждений детьми старше 3 лет в этой группе стран выше, чем в других, а государственные расходы на одного ребенка 3–5 лет выше, чем на ребенка в возрасте до 3 лет. В англосаксонских странах предоставление услуг по дошкольному воспитанию после достижения ребенком трехлетнего возраста является основным направлением инвестиций в уход за детьми, в их образование и когнитивное развитие (OECD 2009b).

Англосаксонские страны предоставляют больше прямой финансовой поддержки семьям, чем другие страны, оказывающие сопоставимую помощь в неденежной форме. Эти трансферты являются строго целевыми и предназначены бедным семьям, включая неполные. Семьи с низким доходом (менее 25% от средней заработной платы) получают пособий в 5 раз больше, чем семья с двумя работающими родителями со средним заработком, и в 3 раза больше, чем такие же семьи во всех странах ОЭСР, вместе взятых (см. табл. 1). Пособие, предоставляемое одинокому родителю с одним ребенком в возрасте 3 лет, составляет 16% от средней заработной платы, тогда как в среднем по ОЭСР оно не превышает 10%. В этой группе стран борьба с бедностью семей посредством денежных трансфертов более масштабна, чем в других странах. Налоговые инструменты и социальная защита также играют немаловажную роль в стимулировании родителей к выходу на рынок труда: эффективные ставки налога здесь ниже, чем в Северной и континентальной Европе, особенно для родителей-одиночек. Также все англосаксонские страны вводят значительные налоговые преимущества для второго работающего в домохозяйстве по сравнению с семьями, где занят только один родитель.

⁵⁷ Поскольку пособия, выплачиваемые работодателями, не установлены законодательно, число их получателей трудно оценить. Однако оно может быть существенным: данные австрийского обследования «Беременность и возвращение на работу» (2005 г.) показали, что 73% женщин с детьми не старше 2 лет, которые получали официальную зарплату на последнем основном месте работы во время беременности, имели в среднем оплачиваемый отпуск продолжительностью в 34 недели.

Страны этой группы сосредоточены в правой нижней четверти рис. 3, но Великобритания и Новая Зеландия располагаются отдельно от остальных. В этих двух странах выше государственные расходы на поддержку семей с детьми и посещаемость дошкольных учреждений детьми до 3 лет, хотя среднее число часов в неделю, проведенных детьми в дошкольных учреждениях, ниже, чем в США и Ирландии. Инвестиции в дошкольные программы и учреждения также выше в Великобритании и, особенно, в Новой Зеландии, где расходы на ребенка в 2,5 раза превосходят среднее значение по ОЭСР. В Великобритании государственные расходы на услуги по уходу за детьми значительно повысились в результате реализации новой программы помощи семьям, принятой в конце 1990-х гг., и в настоящее время составляют 1% от ВВП [OECD, 2005]. Австралия и США тратят на аналогичные меры вдвое меньше.

Следует отметить, что в этот кластер попала также Швейцария и оказалась по ряду параметров весьма близкой к США: отпуск по беременности и родам там короток, дополнительного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком не предоставляется. Предложение услуг по уходу за детьми до 3 лет невелико, а посещаемость этими детьми дошкольных учреждений невысока, хотя за общими показателями скрывается значительная дифференциация по кантонам [OECD, 2004].

Южная Европа, Япония и Корея: еще более ограниченная поддержка семей с детьми

Для Юга Европы также характерны короткие оплачиваемые отпуска, связанные с рождением ребенка, и менее широкий спектр услуг по уходу за детьми. Во всех странах этого кластера период «эквивалента полной занятости» очень короткий (17,4 недели по сравнению с 32 неделями в среднем по ОЭСР). Португалия слегка выделяется среди других стран Южной Европы более высокой посещаемостью дошкольных учреждений детьми до 3 лет и более длительным пребыванием в них (в среднем ребенок проводит там 40 ч в неделю). Одно из объяснений этому – практически полное отсутствие возможностей для частичной занятости родителей в Португалии, в то время как женская занятость и спрос на услуги дошкольных учреждений высоки (см. следующий раздел). Отцовский отпуск по уходу и налоговые льготы для семей с двумя работающими родителями в Португалии также выше, что свидетельствует о направленности семейной политики на гендерное равенство. Оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком в Японии и Корее продолжительнее, но эти страны близки к Южной Европе по другим показателям, включая отсутствие права на все виды отцовских отпусков по уходу за ребенком для всех, кроме официально занятых.

Основная особенность семейной политики, общая для всех стран этой группы и заметно отличающая их от англо-саксонских стран, заключается в меньших объемах прямых денежных трансфертов (особенно низки они в Азии). Предоставление услуг по уходу за детьми дошкольного возраста в этих странах также ниже, чем в среднем по ОЭСР, но затраты родителей на оплату этих услуг меньше, чем в других группах. Для стран этой группы характерен «дефицит» семейной политики в любом из ее аспектов.

Корея остается в стороне от общей группы; здесь расходы на детей самого младшего возраста составляют менее 10% от расходов на детей старших дошкольных возрастов. Расходы на отпуск по беременности и родам, а также по уходу за ребенком

очень малы, несмотря на то, что оба отпуска в сумме достаточно продолжительны; возможно, дело в том, что пользуются ими далеко не все родители. Расходы на уход и образование в расчете на одного ребенка также относительно невысоки, как и денежные выплаты на детей. Подобная слабая поддержка семей с детьми и работающих родителей объясняет удаленное от группы положение Кореи в правом верхнем углу рис. 3.

Ограниченная государственная поддержка семей с детьми в этой группе стран уравнивается низкими эффективными ставками налога при выходе на работу. Таким образом, существуют сильные налоговые стимулы, побуждающие родителей к сочетанию воспитания детей и карьеры: эффективные ставки налога устанавливаются на низком уровне, что поддерживает намерение вернуться на работу после рождения ребенка. Стимулы к тому, чтобы второй родитель тоже начал зарабатывать, также достаточно сильны: семьям с двумя работающими полагаются существенные налоговые льготы. Если занятость родителей является экономической необходимостью, такое стимулирование участия в экономике становится более понятным.

Восточная Европа: переходный период семейной политики

За последние 20 лет все страны Восточной Европы пережили переход к рыночной экономике, но это ни в коем случае не означает единообразия их семейной политики. В самом начале перехода общим принципом назначения семейных пособий была их всеобщность, направленная на то, чтобы компенсировать отмену гарантий занятости и дотаций заработной платы, характерных для предшествующей политической системы. Однако с тех пор многие страны Восточной Европы перешли к адресной поддержке семей, основанной на проверке нуждаемости, с меньшим акцентом на мерах семейной политики, дающих женщинам возможность сочетать материнство и оплачиваемую работу [Rostgaard, 2004]. В результате развитие семейной политики и политики ухода за детьми различалось как по календарю, так и по траекториям [Szelewa, Polakowski, 2008]. Суммарные расходы на семейную политику как в денежной форме, так и в форме услуг в этих странах ниже, чем в англосаксонской или южно-европейской группе, что и определяет их положение близко к верхней границе рис. 3. Но их положение на графике очень разнится, поскольку зависит от проводимой ими политики отпусков, связанных с рождением ребенка, и услуг по уходу за детьми; это видно из широкого разброса стран этой группы вдоль горизонтальной оси.

Венгрия выделяется среди других стран в группе, поскольку обеспечивает гораздо более существенную поддержку родителям с маленькими детьми: оплата отпуска по уходу там намного выше (период «эквивалента полной занятости» здесь составляет 73 недели против 16 недель в Польше и 50 – в Чехии). Венгрия сравнима с Финляндией, поскольку здесь также приоритет отдается оплачиваемым отпускам, а не доступу к государственным услугам по уходу за маленькими детьми. Около 10% детей до 3 лет посещают дошкольные учреждения; этот показатель, который покажется низким, если его сопоставлять со средним для стран ОЭСР, окажется высоким, если его сравнивать с другими странами Восточной Европы. К примеру, по сравнению с Польшей, расходы Венгрии на услуги по уходу за детьми выше, как и охват детей дошкольного возраста институциональными формами ухода (87% против 41%). Финансирование семейных

пособий в Венгрии щедрее, чем в Польше (2% от ВВП против 1%), при этом на поддержку самых бедных семей уходит далеко не самая существенная часть этих средств.

Словакия также стоит особняком среди восточной группы стран, предоставляя ограниченный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, но с возможностью продлить его до достижения ребенком 3 лет без сохранения оплаты. Инвестиции в дошкольные учреждения относительно невелики, несмотря на высокую, по сравнению с другими странами Восточной Европы, посещаемость детских учреждений детьми до 3 лет. Как и в Венгрии, уровень семейных пособий, выраженный в процентах от ВВП, относительно высок, но не ориентирован исключительно на бедные семьи. Длительный неоплачиваемый отпуск в сочетании с ограниченным доступом к другим видам поддержки семей с детьми приближает Словакию к большинству стран Южной Европы.

Континентальная Европа: уход от «консерватизма»

Семейная политика стран континентальной Европы занимает промежуточную позицию между моделями, описанными выше. В этих странах семьи традиционно получают выгоду от прямой государственной поддержки, и это выражается в существенных денежных трансфертах: расходы на поддержку семей с детьми намного выше среднего по ОЭСР во всех странах этой группы, за исключением Нидерландов, где они близки к среднему. Тем не менее меры этой поддержки все еще отмечены неким «консерватизмом», поскольку гендерное равенство и успешное сочетание семейной жизни и карьеры не являются очевидными целями семейной политики.

Все страны этого кластера, за исключением Нидерландов, предоставляют существенную финансовую поддержку в виде пособий и налоговых льгот для семей с детьми (расходы государства составляют 2,2% от ВВП в сравнении с 1,5% в среднем по ОЭСР в 2005 г.). Меры поддержки уровня дохода семей не так очевидно направлены на малообеспеченные семьи, поскольку на поддержку семей, находящихся в верхней части шкалы доходов, если сравнивать с бедными семьями, приходится примерно такая же доля государственных расходов (случай Бельгии, Германии, Люксембурга и Нидерландов) или даже более существенная (в Австрии и Франции). Причина в том, что в этих странах поддержка семей довольно традиционна в том смысле, что одной из основных целей денежных трансфертов является компенсация расходов на детей, которые несут все семьи, включая богатые, в отличие от бездетных семей [Thévenon, 2009a]. Более того, налогообложение не создает семье стимулов к тому, чтобы работали оба родителя. Эффективные ставки налога для работающих относительно высоки, и для семей с двумя работающими родителями налоговые льготы незначительны или вовсе отсутствуют. В Германии и Франции к традиционным домохозяйствам с одним работающим применяются более низкие налоговые ставки, чем к семьям, где работают оба родителя.

Эти страны определенно разнородны по правам на отпуска по уходу и по предоставлению услуг по дошкольному воспитанию. Во всех странах кластера период «эквивалента полной занятости» равен среднему по ОЭСР, но сами отпуска отличаются от страны к стране. В Австрии, Бельгии и Франции предоставляется длительный отпуск

по уходу за ребенком с фиксированной оплатой (примечание 7)⁵⁸. В Нидерландах отпуск короче, часто неоплачиваемый, и поэтому используется только частично. Германия – единственная страна, проводившая реформу отпусков по уходу за ребенком: из длинных с фиксированной оплатой они превратились в короткие, но хорошо оплачиваемые.

Различия в политике предоставления институциональных услуг по уходу за детьми внутри группы также существенны, но в целом инвестиции в эту сферу семейной политики выше, чем в среднем по ОЭСР. Во Франции расходы на услуги по уходу за детьми до 3 лет намного выше, чем в других странах. Также наблюдаются различия в охвате и интенсивности пользования услугами по уходу за детьми: эти показатели выше в Бельгии, Франции и Люксембурге. В остальных странах (за исключением Нидерландов) показатели посещаемости дошкольных учреждений детьми до 3 лет существенно ниже, и дети обычно проводят в них неполный день. В Австрии, Германии и Нидерландах пребывание ребенка в дошкольном учреждении в среднем составляет 23, 22 и 17 ч в неделю соответственно, тогда как в Бельгии, Франции и Люксембурге – более 30 ч.

Таким образом, страны континентальной Европы занимают промежуточное положение по отношению к другим странам ОЭСР, имеющим более передовые стратегии поддержки либо работающих родителей, либо семей в трудном положении, либо обеих этих категорий. Хотя в последние годы во многих странах этой группы были проведены реформы семейной политики, модель семьи с одним работающим родителем продолжает отчасти формировать институциональные установки. Стратегии семейной политики здесь более сложны по комбинации целей и более разнородны по моделям, чем в других странах. Это хорошо видно на примере Франции: трансферты семьям сравнительно высоки, чтобы помочь домохозяйствам выдержать груз расходов на детей; работающие родители получают дополнительную поддержку или для домашнего воспитания детей (через право на длительный отпуск по уходу и высокие государственные расходы в расчете на одного ребенка), или для возвращения на работу (через предоставление широкого спектра государственных услуг по уходу за детьми, доступных с самого раннего возраста ребенка). Тем не менее стимулы для выхода на работу после рождения ребенка слабы вследствие более низких ставок налога для семей с одним работающим родителем. В целом, позиция Франции более близка к странам Северной, а не континентальной Европы (примечание 8)⁵⁹.

В Германии, напротив, система предоставления отпусков по уходу за детьми переживает реформу, но здесь все еще наблюдается острая нехватка услуг по уходу за детьми младшего дошкольного возраста. Нидерланды имеют много общего с Великобританией, а именно короткие отпуска и предоставление услуг по уходу за детьми на неполный день (широко распространенная неполная занятость создает спрос на такой вид услуг [Thévenon, 2009b]; эта тема будет обсуждаться ниже).

⁵⁸ Во Франции такой продолжительный отпуск (156 недель), оплачиваемый по фиксированной ставке, полагается при рождении второго и последующих детей. Рождение первого ребенка дает право только на 26 недель оплачиваемого отпуска после окончания стандартного отпуска по беременности и родам.

⁵⁹ Эта позиция подтверждается результатами кластерного анализа, примененного к тому же набору данных; результаты не приводятся в статье.

Различные обстоятельства, определяющие семейную политику

Семейная политика формируется в особых исторических и институциональных условиях, определяющих ее границы. Ниже мы анализируем, в какой степени эти контекстуальные факторы могут быть связаны с моделями поддержки семьи.

Цели семейной политики, о которых шла речь выше, наиболее тесно связаны с тремя контекстуальными факторами: бедностью, рождаемостью и положением семей на рынке труда (последний фактор включает и такой аспект, как гендерное равенство). Мы выбрали эти факторы, руководствуясь доступностью данных и простотой интерпретации: между показателями контекста и описанными выше инструментами семейной политики должна существовать сильная связь (примечание 9)⁶⁰.

Таблица А5 в Приложении содержит переменные, которые характеризуют различия в семейной политике, влияющие на рождаемость, уровень бедности и занятость (примечание 10)⁶¹. Каждый из этих трех факторов описывается с помощью нескольких переменных: рождаемость характеризуется показателями 2005 г., а также ее динамикой с 1970-х гг. и средним возрастом матери при рождении первого ребенка; уровень бедности измерялся до и после налоговых трансфертов для различных типов домохозяйств; положение семей на рынке труда и гендерное равновесие измерялись с помощью показателей, оценивающих положение женщин и распределение оплачиваемой работы между членами домохозяйства. Для того чтобы связать различия в этих показателях с моделями семейной политики, мы поместили их на представленном выше графике (см. рис. 3), полученном в результате применения метода главных компонент к параметрам семейной политики для каждой страны (примечание 11)⁶².

Уровень бедности – основная «контекстуальная» переменная, которая коррелирует с вариациями моделей семейной политики (эти вариации иллюстрирует расположение стран относительно горизонтальной оси на рис. 3). В англо-саксонских странах и странах Южной Европы, расположенных в правой части графика, показатели бедности намного выше по сравнению со странами Северной Европы, располагающимися левее по горизонтальной оси. Возможно, именно поэтому снижение бедности (включая детскую) в первой группе стран является очевидной целью поддержки семей с детьми. Семейная политика в большинстве стран англо-саксонской группы явно ориентирована на эту цель: услуги по уходу за детьми, адресно-

⁶⁰ Отметим также, что другие контекстуальные параметры, такие, как относительная доля пожилых в населении, оказались не сильно коррелированными с установленными различиями в моделях семейной политики.

⁶¹ Разделить переменные на «контекстуальные» и «итоговые» крайне трудно как теоретически, так и эмпирически. Если первые определяют цели семейной политики, вторые – это те, на которые эта политика и призвана прямо воздействовать. Однако некоторые переменные можно отнести к каждой из групп, в зависимости от того, измеряются ли они до или после изменений в политике. Чтобы отделить контекстуальную информацию от итоговой, можно использовать два критерия: 1) если возможно, оценивать значения переменных до применения мер семейной политики, как это было сделано для показателей бедности, которые оценивались до применения налоговых льгот и выплаты трансфертов; 2) оценивать контекст в течение периода, предшествующего измерению переменных, определяющих семейную политику. В наборе данных, используемых в настоящей статье, эти контекстуальные данные отсутствуют. Было бы также неверным рассматривать контекстуальные переменные как условия *ex ante*, поскольку они являются результатом предыдущей политики. Изучение эндогенности семейных политик гарантировало бы более точное разделение переменных на контекстуальные и итоговые.

⁶² Таблица корреляций доступна по запросу на адрес olivier.thevenon@ined.fr. Технически эти переменные были введены в анализ компонент как «иллюстративные» параметры и, следовательно, не входят в определение осей, полученных из переменных, описывающих семейную политику – единственных «активных» переменных.

направленные на бедные слои населения; пособия, выплачиваемые по результатам проверки нуждаемости (и часто проверки занятости); пособия после проверки занятости семьям с низким доходом (которые, как отмечалось выше, получают в целом более существенную финансовую поддержку, чем состоятельные семьи).

Снижение рождаемости, начавшееся в 1970-е гг., оказалось наименее существенным в странах, перечисленных в левой части рис. 3, главным образом в Северной Европе. Коэффициенты суммарной рождаемости наиболее высоки в англосаксонских странах и в Северной Европе, в противоположность Южной Европе и большинству стран континентальной Европы. Похоже, что в странах, расположенных в нижней части графика, созданы благоприятные условия как для экономической активности женщин с детьми, так и для роста рождаемости: в этих странах наблюдается более сильная ковариация между женской занятостью и рождаемостью, чем в странах, перечисленных в верхней части графика. Однако англосаксонские и северные страны представляют собой противоположные модели присутствия женщин на рынке труда. Уровень женской занятости (включая занятость женщин, имеющих детей) выше в Северной Европе, тогда как в англо-саксонских странах больше распространены частичная занятость женщин и домохозяйства с «полтора» работающими родителями как пути достижения равновесия между семьей и работой. Напротив, в Южной и Восточной Европе, а также в Японии число семей с одним работающим значительно выше, чем в среднем по ОЭСР. Отметим также, что в этих же странах, а также в Корее относительно высока доля занятых женщин, работающих более 40 ч в неделю, и такая длинная рабочая неделя осложняет соблюдение равновесия между работой и семейной жизнью (см. табл. А5). Для семей, сталкивающихся с длинной рабочей неделей и недостаточным предложением услуг по уходу за детьми, единственный выход – один работающий родитель. Доля женщин, занятых в экономике с длинной рабочей неделей, значительно меньше в странах, расположенных в нижней левой части рис. 3, особенно в Дании, Финляндии и Норвегии, и в таких странах континентальной Европы, как Франция и Германия.

Дискуссия: устойчивость вариаций в моделях равновесия семьи и карьеры?

Приведенные выше результаты анализа подтверждают, что семейная политика в странах ОЭСР по-прежнему различается, хотя большинство стран-участниц увеличили поддержку семьям. В некоторых странах развитие семейной политики, начавшееся относительно недавно, заключается в изменении ориентации режима социального обеспечения. Критерием такого развития часто было сочетание карьеры и семейной жизни, но мы до сих пор наблюдаем межстрановые различия в том, как этот критерий комбинируется с другими целями семейной политики и как достигается равновесие между ними. Основные различия заключаются в масштабах поддержки работающих родителей с детьми дошкольного возраста, а также в том, в какой степени права на отпуск по уходу за ребенком и доступ к услугам по дошкольному воспитанию дополняют друг друга. Как и в предыдущих исследованиях, были обнаружены существенные географические различия семейной политики с выделением нескольких кластеров стран, но в то же время с существенной дисперсией внутри каждого

кластера.

Часть межстрановых отличий может объясняться разными стадиями развития семейной политики. Однако более фундаментальным является предположение, что политика той или иной страны основана на различных "моделях", т.е. на различных институциональных связях между целями политики и ее инструментами. Конкретная модель семейной политики привязана к конкретному режиму благосостояния, т.е. к определенному распределению ролей в обеспечении социальной защиты между семьей, государством и рынком. Таким образом, различия в моделях семейной политики отражают достаточно устойчивые вариации способов достижения равновесия между работой и уходом за детьми в процессе формирования семьи [Thévenon, 2006].

Что касается целей семейной политики, северные и англосаксонские страны демонстрируют две различные модели, обеспечивающие более высокие показатели женской занятости и более высокие уровни рождаемости. В северных странах поддержка работающих матерей является достаточно продолжительной, разнообразной и осуществляется на протяжении всей семейной жизни, что позволяет значительной части женщин работать на полную занятость в процессе формирования семьи. Равновесие между карьерой и семьей изначально достигается существенным вмешательством государства, позволяющим предоставить дополнительный набор щедро оплачиваемых отпусков, который гарантировал бы домохозяйству сохранение дохода в период, следующий непосредственно за рождением ребенка. За этим идет довольно долгий период предложения относительно недорогих услуг по уходу за ребенком и прямых денежных трансфертов семье. Общепринятым объяснением высокого уровня поддержки являются усилия государства в одновременном достижении таких целей, как образование детей, независимость взрослых и гендерное равенство. Домохозяйства могут рассчитывать на набор разнообразных ресурсов, помогающих облегчить переход к родительству или к занятости. В частности, поощряется поиск женщинами работы и сохранение ее даже после рождения детей, хотя налоги, которые при этом придется платить по эффективной ставке, могут быть достаточно высоки. Инвестиции такого рода – предоставление ухода за детьми по доступным ценам и гарантированное сохранение дохода в течение отпуска по уходу – могут снизить уровень бедности и увеличить показатели женской занятости. Практика гибкого рабочего графика также вносит вклад в достижение равновесия между работой и семейной жизнью, поскольку ограничивает долю работающих более 40 ч в неделю. Тем не менее в северных странах наблюдается высокий уровень профессиональной сегрегации, что можно рассматривать как нежелательное последствие сегментированной семейной политики [Datta Gupta, Smith, Verner, 2008]. Эта модель характерна не для всех стран Северной Европы: к примеру, в Финляндии политика не столь явно направлена на поощрение занятости родителей с детьми в возрасте до 3 лет.

В англо-саксонской модели ключевым параметром, определяющим равновесие между работой и семейной жизнью, является частичная занятость женщин с детьми дошкольного возраста. Здесь равновесие достигается при меньшем объеме государственных инвестиций, и в рамках семейной политики уход за детьми рассматривается как личный выбор. Преобладающей целью является ограничение эффективной ставки налога, чтобы домохозяйства могли реализовать свое право на

свободу выбора форм ухода за детьми. При этом поддержка семьи осуществляется в основном через адресные (по итогам проверки нуждаемости и/или занятости) трансферты родителям, находящимся в группе риска бедности, что создает для них стимулы к выходу на рынок труда. Низкие эффективные ставки налога призваны обеспечить финансовую выгоду от возврата на рабочее место, а гибкость рынка труда, как ожидается, предоставит домохозяйствам эффективные средства, позволяющие справиться с исполнением семейных обязанностей. Гибкость рынка труда включает все расширяющуюся практику частичной занятости, возможность менять и даже на время оставлять работу. Институциональный уход за детьми в основном предоставляется через «рыночные» услуги, которые частично софинансируются государством. Домохозяйства получают субсидии по уходу за детьми в зависимости от их решения выходить или не выходить на работу. Институциональные услуги остаются дорогими, и предложенных услуг по уходу за детьми (вместе с некой неформальной поддержкой) достаточно лишь для того, чтобы позволить матерям неполную занятость. Эта схема предполагает более четкое разделение гендерных ролей в семье, поскольку участие женщин в экономике должно постоянно корректироваться на протяжении всей семейной жизни [Thévenon, 2006]. Несмотря на это, в англо-саксонских странах уровень бедности выше, чем в среднем по ОЭСР.

Ситуация в большинстве стран континентальной Европы более неоднородна. Предоставление финансовой поддержки семьям с детьми свидетельствует об очевидном акценте семейной политики на компенсации расходов на детей в бюджете домохозяйства. Однако эти страны различаются по степени дополнительной поддержки, оказываемой работающим родителям с маленькими детьми через предоставление отпусков и услуг по уходу за детьми. Некоторые стремятся предоставить родителям с детьми младше 3 лет больше возможностей либо работать, либо воспитывать детей (финансовая поддержка и длительные отпуска по уходу за ребенком). Предоставление институциональных услуг по уходу за детьми ограничено как по охвату населения, так и количеству часов, проведенных ребенком в течение дня в дошкольном учреждении. Франция является исключением в двух отношениях: длительность выплаты пособия на домашнее воспитание ребенка определяется порядком рождения, а институциональные формы ухода за детьми в течение всего дня доступны повсеместно даже для очень маленьких детей (теоретически, дети могут находиться в детских учреждениях, начиная с трехмесячного возраста).

Однако необходимость выбора типа поддержки – либо занятости, либо ухода за детьми – порождает неравенство между теми родителями, которые могут позволить себе институциональный уход, и теми, для которых единственным выбором является пособие на домашнее воспитание и уход с рынка труда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наиболее благоприятные условия для свободы выбора возникают в том случае, если родители получают максимально полную поддержку по уходу за детьми, когда решают вернуться к работе. Для этого государственная поддержка в форме отпусков по уходу и услуг дошкольных учреждений должна быть доступна именно начиная с момента выхода на работу, и работающие родители должны получать выгоду от этой поддержки постоянно в течение всего периода, пока ребенок растет.

В этом отношении страны Восточной и Южной Европы, Япония и Корея

значительно отстают от остальных. В целом государственная поддержка семей в этих странах остается достаточно ограниченной и фрагментарной, т.е. гетерогенной внутри этой группы стран и дискретной в течение жизненного цикла семьи. Продолжительный рабочий день в сочетании с нехваткой детских дошкольных учреждений не позволяют работающим родителям полностью справляться с семейными обязанностями. В таком контексте неудивительно, что в этих странах наблюдаются самые низкие показатели рождаемости и женской занятости, а также самые высокие уровни бедности и полярное поведение в отношении рождаемости и женской занятости [Esping-Andersen, 2009; Thévenon, 2009b].

В заключение следует заметить, что наш анализ не делит изучаемые страны на категории, которые в точности соответствовали бы общепринятой классификации режимов всеобщего благоденствия или предыдущим межстрановым сравнениям семейной политики [Gornick, Meyers, Ross, 1997; Gauthier, 2002]. Одно из объяснений может заключаться в том, что настоящее сравнительное исследование основано на более свежих и более детальных данных. Другая причина может быть в том, что в процессе реформ семейной политики некоторые страны расширили набор мер поддержки семей с детьми, чтобы достичь новых целей. Наш анализ следует рассматривать как первый шаг в направлении более качественной оценки процессов, определяющих эволюцию политики поддержки семьи в странах ОЭСР.

Автор выражает свою признательность Вильяму Адема, Аннет Панзера и Марии Уерта, которые прикладывают большие усилия для развития базы данных по семейной политике стран ОЭСР. Также автор благодарен Вильяму Адема за замечания и комментарии к черновику статьи. Взгляды автора, выраженные в данной статье, могут не отражать позицию ОЭСР или стран – членов этой организации. Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Европейской Комиссии в рамках проекта «Принятие репродуктивных решений в макро- и микроперспективе (REPRO)».

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица А1 Ключевые характеристики мер семейной политики по предоставлению отпусков по уходу за детьми

Страна	Расходы на ребенка в % от ВВП на душу населения, 2005	Эквивалент полной занятости (ЭПЗ) ^а для декретного отпуска (в неделях), 2007	ЭПЗ для оплачиваемого отпуска по уходу / домашнему воспитанию ^б (в неделях), 2007	Общая длительность декретного отпуска и отпуска по уходу, оплачиваемого и неоплачиваемого (в неделях), 2007	ЭПЗ для декретного отпуска и оплачиваемого отпуска по уходу ^с (в неделях), 2007	ЭПЗ для отцовского оплачиваемого отпуска по уходу ^д (в неделях), 2007
Австралия	7,2	0,0	0,0	52,0	0,0	0,0
Австрия	15,4	16,0	21,7	112,0	37,7	0,4
Бельгия	15,8	11,3	2,6	27,0	13,9	1,2
Канада	21,4	8,4	19,3	50,0	27,7	0,0
Чехия	60,8	13,7	50,3	164,0	64,0	0,0
Дания	47,4	18,0	32,0	50,0	50,0	2,0
Финляндия	58,0	16,9	35,8	173,5	52,7	5,7
Франция	27,5	16,0	31,1	143,0	47,1	2,0
Германия	23,0	14,0	34,6	162,0	48,6	0,0
Греция	8,9	17,0	0,0	28,0	17,0	0,4
Венгрия	67,7	16,8	72,8	108,0	89,6	1,0
Исландия	44,3	10,4	0,0	26,0	10,4	10,4
Ирландия	5,5	18,2	0,0	62,0	18,2	0,0
Италия	18,7	16,0	7,8	47,0	19,6	0,0
Япония	13,6	8,4	31,2	58,0	39,6	0,0
Южная Корея	1,0	15,0	42,3	67,0	57,3	0,0
Люксембург	39,0	16,0	12,1	40,0	28,1	0,4
Нидерланды	12,9	16,0	0,0	29,0	16,0	0,4
Новая Зеландия	4,4	6,0	0,0	12,0	6,0	0,0
Норвегия	53,7	9,0	38,4	109,0	47,4	6,0
Польша	24,6	18,0	16,1	174,0	34,1	4,0
Португалия	18,5	17,0	0,0	29,0	17,0	2,0
Словакия	51,3	15,4	30,7	156,0	46,1	0,0
Испания	14,5	16,0	0,0	162,0	16,0	2,0
Швеция	59,4	9,6	52,8	84,0	62,4	9,3

Страна	Расходы на ребенка в % от ВВП на душу населения, 2005	Эквивалент полной занятости (ЭПЗ) ^a для декретного отпуска (в неделях), 2007	ЭПЗ для оплачиваемого отпуска по уходу / домашнему воспитанию ^b (в неделях), 2007	Общая длительность декретного отпуска и отпуска по уходу, оплачиваемого и неоплачиваемого (в неделях), 2007	ЭПЗ для декретного отпуска и оплачиваемого отпуска по уходу ^c (в неделях), 2007	ЭПЗ для отцовского оплачиваемого отпуска по уходу ^d (в неделях), 2007
Швейцария	0,0	12,8	0,0	16,0	12,8	0,0
Соединенное Королевство	10,3	9,3	0,0	52,0	9,3	0,3
США	..	0,0	0,0	12,0	0,0	0,0
ОЭСР-28	26,8	12,9	19,0	78,7	31,7	1,7

.... – Данные недоступны

- a) Эквивалент полной занятости (ЭПЗ) определяется как количество недель работы, за которые, при полной занятости и средней зарплате, возместится вся сумма пособия по уходу за ребенком. Он рассчитывается по следующей формуле: длительность отпуска по уходу (в неделях)*размер пособия (в % от средней зарплаты). Размеры выплат и пособий даны на 1 января 2006 г. Пособия на «домашний уход» или «воспитание ребенка» также включены в формулу, хотя они не обязательно предполагают сохранение за женщиной рабочего места. Надбавки к пособию от работодателей, напротив, не включены в общую сумму выплат. Если для родителей маленького ребенка возможен выбор между двумя пособиями (как, например, в Венгрии), выбирается только одно – то, которое полагается работающим родителям, включенным в систему социального страхования. Неполная занятость не учитывается.
- b) Право родителей на заботу о детях может выражаться, в зависимости от страны, либо в оплачиваемом, либо в неоплачиваемом отпуске по уходу за ребенком. В некоторых странах неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком добавляется к оплачиваемому. В данной таблице учитываются оба типа пособий, но только если они установлены законом. Более детальное описание пособий на детей [см. *Moss, Korintus, 2008*].
- c) Оценки этого показателя приведены здесь только для информации. Они не включены в последующий анализ главных компонент, поскольку дублируют информацию, данную отдельно для декретных отпусков и отпусков по уходу.
- d) Существующий в некоторых странах отцовский отпуск представляет собой сумму отпуска для отца при рождении ребенка и всех видов оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком.

Источник: OECD Family Database по состоянию на октябрь 2009 г.

Таблица А2 Услуги по образованию и уходу за детьми дошкольного возраста

Страна	Расходы услуги по уходу за детьми (в % от ВВП), 2005	Расходы на учреждения для детей моложе 3 лет ^а в пересчете на одного ребенка (в \$ PPP), 2005	Расходы на учреждения для детей 3-5 лет, в пересчете на одного ребенка (в \$ PPP), 2005	Охват дошкольными учреждениями (в % от числа детей 0-2 лет) ^а , 2006	Среднее количество часов в неделю, проведенных в дошкольном учреждении (для детей в возрасте 0-2 лет), 2006	Охват дошкольными учреждениями (в % от числа детей 3-5 лет), 2006	Чистые расходы на уход за детьми в семье с двумя работающими ^б (в % от чистого дохода), 2004	Расходы на уход за детьми в семье с одним родителем ^с (в % от чистого дохода), 2004
Австралия	0,6	1726	5709	24,5	18,0	59,8	9,7	6,6
Австрия	0,5	3251	6205	10,5	23,0	74,8	14,9	9,3
Бельгия	0,9	2333	4698	41,7	30,0	99,8	4,2	3,5
Канада	0,2	..	4052	24,0	32,0	56,8	22,0	44,5
Чехия	0,6	1073	2550	2,6	17,0	82,0	7,6	14,7
Дания	1,6	6376	3743	70,5	34,0	90,7	7,8	8,5
Финляндия	1,4	7118	2420	25,0	35,0	48,2	7,2	4,1
Франция	1,6	2858	4679	42,9	30,0	100,2	11,3	8,8
Германия	0,7	860	3538	21,2	22,0	89,4	8,4	6,8
Греция	0,4	1169	..	18,2	31,0	47,1	4,7	4,6
Венгрия	1,2	620	3204	10,5	29,0	86,9	6,5	0,0
Исландия	1,7	5733	4589	52,9	36,0	95,0	14,9	13,5
Ирландия	0,3	1430	..	25,2	25,0	48,6	29,2	51,7
Италия	0,7	1558	4626	28,6	30,0	101,1
Япония	0,5	2683	1207	15,2	..	87,7	14,2	14,0
Южная Корея	0,3	754	1375	30,8	..	33,9	8,7	15,7
Люксембург	0,5	3554	..	43,4	31,0	85,5	5,7	4,8
Нидерланды	1,0	1092	5881	53,9	17,0	58,0	11,5	3,0
Новая Зеландия	0,7	476	6001	37,9	20,0	94,5	27,5	14,3
Норвегия	1,3	6425	4127	35,3	31,0	90,6	7,7	-6,0
Польша	0,3	..	1830	8,6	35,0	41,0	4,6	12,7
Португалия	0,8	1289	3293	43,6	40,0	78,7	4,2	2,0
Словакия	0,4	414	1909	4,9	33,0	73,0	7,8	17,1
Испания	0,7	1234	4151	33,9	28,0	97,7
Швеция	1,6	5928	3627	44,0	29,0	85,5	6,2	4,8

Страна	Расходы услуги по уходу за детьми (в % от ВВП), 2005	Расходы на учреждения для детей моложе 3 лет ^{а)} в пересчете на одного ребенка (в \$ PPP), 2005	Расходы на учреждения для детей 3-5 лет, в пересчете на одного ребенка (в \$ PPP), 2005	Охват дошкольными учреждениями (в % от числа детей 0–2 лет) ^{а)} , 2006	Среднее количество часов в неделю, проведенных в дошкольном учреждении (для детей в возрасте 0–2 лет), 2006	Охват дошкольными учреждениями (в % от числа детей 3–5 лет), 2006	Чистые расходы на уход за детьми в семье с двумя работающими ^{б)} (в % от чистого дохода), 2004	Расходы на уход за детьми в семье с одним родителем ^{с)} (в % от чистого дохода), 2004
Швейцария	0,3	1129	2515	96,8	29,8	22,7
Соединенное Королевство	1,0	3563	4255	39,7	18,0	90,5	32,7	14,4
США	0,5	794	4660	31,4	31,0	58,3	19,4	6,2
ОЭСР-28	0,8	2517	3794	30,4	28,2	76,9	12,6	11,6

.. – Данные недоступны

- а) В странах, являющихся федерациями (как Канада или Швейцария) государственные расходы на дошкольные учреждения и охват ими могут быть слегка недооценены, поскольку семейная политика в них управляется на уровне провинций.
- б) Расходы домохозяйства на уход за детьми оценивался для семьи с двумя работающими, двумя детьми и заработками при полной занятости на уровне 167% от средней заработной платы по стране в 2004 г. Предполагается, что один работающий получает среднюю заработную плату, второй – 2/3 от нее. Предполагается также, что оба ребенка не старше 3 лет и пребывают в дошкольном учреждении полный день, что соответствует 40 ч в неделю [*OECD*, 2007: рис. 6.5).
- с) Предполагается, что одинокие родители имеют двоих детей моложе 3 лет и получают 67% от средней заработной платы по стране при полной занятости.

Источник: OECD Family database по состоянию на октябрь 2009 г.; OECD (2007).

Таблица А3 Характеристики пособий и налоговых трансфертов для семей

Страна	Пособия и налоговые вычеты на детей (в % от ВВП), 2005	Поддержка семей с низким доходом ^а (в % от среднего заработка), 2004	Максимальный размер пособия на одного ребенка ^б (в % от среднего заработка), 2005	Коэффициент размера семьи ^с , 2004	Пособия одиноким родителям ^д (в % от среднего заработка), 2005	Налоговые льготы для домохозяйств с двумя работающими ^е , 2006
Австралия	2,2	6,6	14	..	8	4,0
Австрия	2,4	1,4	7	3,5	0	8,3
Бельгия	2,2	1,1	3	6,2	1	2,9
Канада	1,0	6,5	8	41,2	1	4,3
Чехия	1,6	2,6	4	2,9	..	-1,4
Дания	1,6	2,6	4	3,0	6	1,9
Финляндия	1,6	2,2	4	2,1	6	10,8
Франция	2,2	1,4	2	7,0	28	-0,3
Германия	2,3	0,9	4	3,0	..	-1,6
Греция	0,7	0,4	1	..	0	14,3
Венгрия	1,9	0,6	3	..	1	16,5
Исландия	1,3	2,4	6	0,0	4	-0,2
Ирландия	2,3	1,2	5	3,3	34	2,4
Италия	0,6	0,0	4	5,9
Япония	0,8	5,0	1	4,6	10	1,4
Южная Корея	0,0	9,5	1	5,2
Люксембург	3,1	1,0	7	2,6
Нидерланды	1,2	1,0	2	2,5	..	6,1
Новая Зеландия	1,9	11,2	9	0,0	36	5,0
Норвегия	1,7	2,3	3	3,0	37	5,5
Польша	0,9	7,4	2	..	7	0,7
Португалия	0,9	3,9	3	3,8
Словакия	1,7	1,0	3	3,0	..	-0,1
Испания	0,5	2,5	1	0,9

Страна	Пособия и налоговые вычеты на детей (в % от ВВП), 2005	Поддержка семей с низким доходом ^a (в % от среднего заработка), 2004	Максимальный размер пособия на одного ребенка ^b (в % от среднего заработка), 2005	Коэффициент размера семьи ^c , 2004	Пособия одиноким родителям ^d (в % от среднего заработка), 2005	Налоговые льготы для домохозяйств с двумя работающими ^e , 2006
Швеция	1,5	1,7	4	6,1	5	7,6
Швейцария	1,0	1,8	3	1,3
Соединенное Королевство	2,6	2,7	3	2,4	5	4,1
США	0,7	2,8	3	2,9	..	0,0
ОЭСР-28	1,5	3,0	4,2	4,0

... – Данные недоступны

- a) Целевая поддержка родителей с низким доходом оценивается как отношение между долей общей финансовой помощи на детей, выплачиваемой семьям с низким доходом (до 25% от средней заработной платы) и долей, выплачиваемой семьям с двумя работающими со средним доходом (т.е. семьям, доход которых равен двум средним заработным платам). Помощь на детей рассчитывается как разность между чистым доходом бездетной семейной пары с одним работающим и аналогичной пары с двумя детьми, выраженная в процентах от средней заработной платы работающего [OECD, 2007, табл. 4.2].
- b) Показатель измеряет максимальную сумму пособий (выраженную в процентах от средней заработной платы), которая может быть получена домохозяйством с одним ребенком в возрасте от 3 до 12 лет. *Источник:* OECD, 2007. Размеры пособий и средних зарплат: показатели OECD, Париж.
- c) Коэффициент размера семьи – относительная разность между дополнением к доходу семьи после получения всех пособий и налоговых льгот, полагающихся парам с тремя детьми, и дополнением к чистому доходу пары с той же зарплатой и одним ребенком. Оценка делается для пар с двумя работающими, получающими среднюю зарплату, и с детьми 7–14 лет. Эти оценки взяты из базы данных Брэдшоу и Финча о трансфертах, получаемых семьями, с распределением по типам семей [см. Bradshaw, Mayhew, 2006].
- d) Показатель оценивает максимальный размер дополнительных пособий (выраженный в процентах от средней заработной платы), получаемых одиноким родителем с ребенком не старше 3 лет. *Источник:* OECD, 2007. Размеры пособий и средних зарплат: показатели OECD, Париж.
- e) Стимул иметь второго работающего в домохозяйстве измеряется разницей между минимальными эффективными ставками налога семейной пары с одним работающим при росте его заработка на величину от 50 до 100% средней зарплаты после увеличения количества труда работающего партнера (второй партнер остается незанятым), и минимальными налоговыми ставками, применяемыми к такому же росту доходов, обеспеченному предложением труда второго партнера, тогда как заработки первого остаются неизменными и равными 67% средней заработной платы. Положительное значение этой разницы указывает на то, что домохозяйства с одним работающим платят больше налогов, чем с двумя работающими при одинаковом росте дохода домохозяйства (т.е. преимущество в данном случае на стороне семей с двумя работающими). Однако, эти оценки ограничены, поскольку разница в налогообложении изменяется в зависимости от дохода домохозяйства.

Источник: OECD Family Database по состоянию на октябрь 2009 г.

Таблица А4 Корреляция между активными переменными и осями в компонентном анализе

	Ось 1	Ось2	Ось 3	Ось 4	Ось 5
Расходы на детей «среднего» и младшего возраста	0,56	0,15	0,66	0,01	0,19
Расходы на оплату услуг (% ВВП)	-0,88	-0,17	0,12	-0,22	-0,03
Расходы на оплату услуг для детей до 3-х лет	-0,75	-0,12	0,30	0,02	-0,28
Расходы на услуги для детей 3-5 лет	-0,06	-0,72	-0,41	-0,33	-0,17
Охват услугами населения (дети 0-2 года)	-0,35	-0,50	0,41	-0,52	-0,03
Среднее число часов, проведенное в детском учреждении (0-2 лет)	-0,24	0,49	0,34	-0,33	-0,29
Охват населения услугами для детей дошкольного возраста (3-5 лет)	-0,28	-0,24	0,19	-0,19	0,42
Стоимость услуг по уходу за ребенком для семьи с двумя работающими родителями (нетто)	0,46	-0,58	0,09	0,11	0,15
Стоимость услуг по уходу за ребенком для семьи с одним работающим родителем (нетто)	0,57	-0,13	0,06	0,35	-0,11
Расходы на отпуск по беременности и родам и декретный отпуск	-0,77	0,33	-0,14	0,24	-0,16
«Эквивалентный период» отпуска по беременности и родам	-0,17	0,55	-0,13	-0,12	0,31
«Эквивалентный период» декретного отпуска	-0,47	0,49	0,02	0,51	0,01
Максимальная продолжительность отпуска по уходу за ребенком	-0,34	0,49	-0,24	0,54	0,24
«Эквивалентный период» отпуска для отцов	-0,72	0,04	0,33	-0,11	-0,24
Пособия и налоговые льготы для семей (в % от ВВП)	-0,35	-0,50	-0,48	0,32	0,15
Поддержка семей с низким доходом	0,38	-0,03	0,62	0,34	-0,34
Максимальная величина пособия на одного ребенка	0,13	-0,57	-0,14	0,32	-0,47
Коэффициент размера семьи	0,32	0,06	0,10	0,25	-0,61
Пособие семьям с одним родителем	-0,03	-0,37	-0,06	0,07	0,48
Эффективная налоговая ставка при выходе на работу одного родителя в семье, если оба не работали	-0,48	-0,48	0,36	0,47	0,12
Эффективная налоговая ставка при выходе на работу второго родителя в семье, если один работал	-0,38	-0,39	-0,28	0,16	-0,36
Налоговые льготы для равно работающих родителей в домохозяйстве	-0,11	0,27	-0,26	-0,23	-0,35
Эффективная налоговая ставка при выходе на работу единственного родителя в семье	-0,44	-0,37	0,48	0,34	0,30

Таблица А5 Характеристики контекста семейной политики в изучаемых странах

Страна	Уровень бедности ^а до выплаты пособий и налоговых вычетов, середина 2000-х	Уровень бедности ^б в полной семье, середина 2000х	Уровень бедности ^в в семье с одним родителем, середина 2000х	Уровень бедности детей, ^с середина 2000х	Коэффициент суммарной рождаемости, 2005	Снижение суммарного коэффициента рождаемости с 1970-х	Средний возраст матери при рождении первого ребенка, 2005	Уровень занятости женщин (25–49 лет), 2007	Доля частично занятых в семье, 2007
Австралия	28,6	6,5	38,3	11,8	1,81	1,1	26,8	69,6	40,7
Австрия	23,1	4,5	21,2	6,2	1,41	0,9	26,3	76,1	31,4
Бельгия	32,7	7,3	25,1	10,0	1,72	0,5	27,4	74,1	34,7
Канада	23,1	9,3	44,7	15,1	1,53	0,7	28,0	76,9	26,2
Чехия	28,2	5,5	32,0	10,3	1,28	0,6	24,9	69,2	5,6
Дания	23,6	2,0	6,8	2,7	1,80	0,2	27,7	79,4	25,6
Финляндия	17,6	2,7	13,7	4,2	1,80	0,0	27,4	78,7	14,9
Франция	30,7	5,8	19,3	7,6	1,94	0,5	27,9	75,1	22,9
Германия	33,6	8,6	41,5	16,3	1,34	0,7	28,2	73,3	39,2
Греция	32,5	11,7	26,5	13,2	1,28	1,1	26,6	61,6	12,9
Венгрия	29,9	6,8	25,2	8,7	1,32	0,7	25,1	64,1	4,2
Исландия	20,1	6,2	17,9	8,3	2,05	0,8	25,5	82,6	26,0
Ирландия	30,9	10,1	47,0	16,3	1,88	2,1	27,8	69,5	34,9
Италия	33,8	14,0	25,6	15,5	1,34	1,4	28,0	58,9	29,4
Япония	26,9	10,5	58,7	13,7	1,26	0,8	28,0	64,3	40,9
Южная Корея	17,5	8,1	26,7	10,7	1,08	1,9	29,1	60,0	12,3
Люксембург	29,1	9,7	41,2	12,4	1,70	0,3	28,4	71,5	27,2
Нидерланды	24,7	6,3	39,0	11,5	1,73	0,8	28,6	78,2	59,7
Новая Зеландия	26,6	9,4	39,1	15,0	2,01	1,3	30,1	71,8	34,5
Норвегия	24,0	2,1	13,3	4,6	1,84	0,7	26,9	81,0	32,9
Польша	37,5	18,4	43,5	21,5	1,24	1,0	24,5	70,2	16,3
Португалия	29,0	13,3	33,4	16,6	1,40	1,4	26,5	76,5	13,2
Словакия	27,4	9,2	33,5	10,9	1,25	1,2	24,2	67,6	4,1
Испания	17,6	13,9	40,5	17,3	1,34	1,6	29,1	65,7	21,4

Страна	Уровень бедности ^{а)} до выплаты пособий и налоговых вычетов, середина 2000-х	Уровень бедности ^{б)} в полной семье, середина 2000-х	Уровень бедности ^{в)} в семье с одним родителем, середина 2000-х	Уровень бедности детей ^{с)} , середина 2000-х	Коэффициент суммарной рождаемости, 2005	Снижение суммарного коэффициента рождаемости с 1970-х	Средний возраст матери при рождении первого ребенка, 2005	Уровень занятости женщин (25–49 лет), 2007	Доля частично занятых в семье, 2007
Швеция	26,7	2,8	7,9	4,0	1,77	0,2	27,9	79,8	19,0
Швейцария	18,0	4,9	18,5	9,4	1,42	0,7	29,1	77,0	45,7
Соединенное Королевство	26,3	6,1	23,7	10,1	1,80	0,6	29,1	72,1	38,8
США	26,3	13,6	47,5	20,6	2,05	0,4	24,9	71,2	17,8
ОЭСР-28	23,7	8,4	30,4	11,6	1,6	0,9	27,3	72,0	26,2

- а) Показатели бедности измеряются как доля всех **индивидов** с выровненным доходом менее 50% от медианного значения
- б) Здесь бедность измеряется на основании дохода, имеющегося в распоряжении после вычета налогов и получения трансфертов.
- в) Дети (моложе 18 лет) считаются «бедными», если они живут в домохозяйствах, чей доступный доход (откорректированный в зависимости от размера домохозяйства) составляет менее половины национального медианного дохода.

Источник: OECD Family Database, OECD Statistics on Income and Distribution of Earnings and OECD Labor Force Statistics.

Таблица А5 (продолжение) Характеристики контекста семейной политики в изучаемых странах

Страна	Уровень материнской занятости (с детьми до 16 лет), 2007	Уровень материнской занятости (с детьми до 2-х лет), 2007	Уровень занятости единственного родителя в семье, 2007	Семьи с двумя родителями, работающими на полную ставку, 2007	Семьи с одним родителем, работающим на полную ставку, 2007	Один родитель работает на полную ставку, другой – частично занят, 2007	Домохозяйства безработных, 2007 г.	Доля занятых женщин, работающих более 40 ч в неделю, %, 2007
Австралия	62,0	21,1	31,0	38,1	4,2	33
Австрия	72,3	60,5	78,4	20,8	27,5	44,3	3,2	43
Бельгия	72,7	63,8	61,1	34,9	21,8	34,9	4,7	15
Канада	70,5	58,7	67,6	-	-	-	-	38
Чехия	61,5	19,9	63,6	49,1	40,5	7,1	2,8	79
Дания	76,5	71,4	82,0	-	-	-	-	18
Финляндия	76,0	52,1	69,7	58,0	26,8	10,4	2,8	22
Франция	72,8	53,7	71,3	41,4	26,1	24,2	4,1	20
Германия	68,1	36,1	65,5	16,5	29,3	43,8	4,9	32
Греция	58,7	49,5	77,5	49,1	41,7	6,0	2,3	67
Венгрия	57,0	13,9	62,8	44,8	41,7	4,3	7,8	89
Исландия	84,8	-	81,0	-	-	-	-	60
Ирландия	57,5	55,0	45,0	29,6	-	11,4	10,9	17
Италия	55,6	47,3	76,4	32,4	41,5	20,1	3,8	41
Япония	52,5	28,5	85,9	50,4	48,2	-	0,6	51
Южная Корея	-	-	-	-	-	-	-	77
Люксембург	66,8	58,3	82,0	26,9	34,6	34,4	1,2	54
Нидерланды	75,7	69,4	65,8	5,6	19,4	59,7	2,9	12
Новая Зеландия	64,6	45,1	54,4	33,9	24,1	29,2	4,6	49
Норвегия	-	-	69,0	-	-	-	-	8
Польша	67,9	49,3	61,2	53,0	34,2	6,7	4,3	81
Португалия	76,4	67,4	77,5	66,0	23,1	6,8	2,7	66
Словакия	62,0	23,1	71,1	54,8	37,2	2,0	5,8	84
Испания	61,9	52,6	79,5	39,2	39,5	16,8	3,2	52

Страна	Уровень материнской занятости (с детьми до 16 лет), 2007	Уровень материнской занятости (с детьми до 2 лет), 2007	Уровень занятости единственного родителя в семье, 2007	Семьи с двумя родителями, работающими на полную ставку, 2007	Семьи с одним родителем, работающим на полную ставку, 2007	Один родитель работает на полную ставку, другой – частично занят, 2007	Домохозяйства безработных, 2007 г.	Доля занятых женщин, работающих более 40 ч в неделю, %, 2007 г.
Швеция	82,5	71,9	81,1	41,0	15,1	35,3	3,2	44
Швейцария	69,7	58,3	67,0	8,0	24,4	40,2	1,1	37
Соединенное Королевство	67,9	52,6	53,1	24,8	24,8	39,8	5,8	30
США	66,7	54,2	75,3	72,1	26,4	..	1,5	71
ОЭСР-28	67,9	50,5	69,9	38,0	30,9	24,5	3,8	46

Список литературы

- Adema W., Huerta M., Panzera A., Thévenon O., Pearson M. 2009. "The OECD Family database: developing a cross-national tool for assessing family policies and outcomes," *Child Indicators Research* 2(4), p. 437–460.
- Ahn N., Mira P. 2002. A note on the relationship between fertility and female employment rates in developed countries // *Journal of Population Economics* 15(4), p. 667–682.
- Bettio F., Plantenga J. 2004. Comparing care regimes in Europe // *Feminist Economist* 10(1), p. 85–113.
- Bradshaw J., Mayhew E. 2006. Family benefit packages, in J. Bradshaw and A. Hatland (eds.), *Social Policy, Family Change and Employment in Comparative Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Cattell R. B. 1966. The Screen test for the number of factors // *Multivariate Behavioral Research* 1(2), p. 245–276.
- D'Addio A., Mira d'Ercole M. 2005. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies // *Social, employment and migration working Papers* 27, OECD, Paris.
- Datta Gupta N., Smith N., Verner M. 2008. Childcare and parental leave in the Nordic countries: a model to aspire to? // *Review of Economics of the Household* 6(1), p. 65–89.
- De Hénau J., Meulders D., O'Dorchai S. 2006. The childcare triad? Indicators assessing three fields of child policies for working mothers in the EU-15 // *Journal of Comparative Policy Analysis* 8(2), p. 129–148.
- Ellingsæter A. L., Leira A. (eds.). 2006. *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*. Bristol: Policy Press.
- Esping-Andersen G. 1999. *Social Foundations of Postindustrial Economies*. Oxford: Oxford University Press.
- Esping-Andersen G. 2009. *The Incomplete Revolution—Adapting Welfare States to Women's New Roles*. Cambridge: Polity Press.
- European Commission. 2005. *Confronting demographic change: a new solidarity between the generations*, Green Paper 94.
- Fagnani J., Math A. 2008. Family packages in 11 European countries: multiple approaches, in A. Leira and C. Saraceno (eds.), *Childhood: Changing Contexts*. Bingley: emerald Group Publishing, pp. 55–78.
- Ferrera M. (ed.). 2005. *Welfare state reform in Southern Europe—Fighting poverty and social exclusion in Italy, Spain, Portugal and Greece*, Routledge /EUI Studies in the Political Economy of Welfare.
- Gauthier A. H. 2002. Family policies in industrialized countries: is there convergence? // *Population*, 57 (2), p. 447–474.
- Gauthier A., Philipov D. 2008. Can policies enhance fertility in Europe? // *Vienna Yearbook of Population Research*, pp. 1–16.
- Gornick J., Meyers M. 2006. Welfare regimes in relation to paid work and care: a view from the United States on social protection in the European Countries // *Revue Française des Affaires Sociales*. Paris.
- Gornick J., Meyers M., Ross K. 1997. Supporting the employment of mothers: Policy variation across fourteen welfare states // *Journal of European Social Policy*, 7(1), p. 45–70.

- Hantrais L. 2007. *Social Policy in the European Union*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Heckman, J. and D. Masterov. 2007. "The productivity argument for investing in young children," NBER working paper 13016.
- Immervoll H., Barber D. 2005. Can parents afford to work? Childcare costs, tax-benefit policies and work incentives, OECD Social, employment and migration working Papers 31, Paris.
- Kamerman S., Neuman M., Waldfogel J., Brooks-Gunn J. 2003. Social policies, family types and child outcomes in selected OECD countries, OECD Social, employment and migration working Papers 6, Paris.
- Kaufmann F. X., Kuijstrn A., Schulze H. J., Strohmeier K. P. (eds.). 2002. *Family Life and Family Policies in Europe*. Vol. 2. Problems and Issues in Comparative Perspective. Oxford University Press.
- Letablier M.Th., Luci A., Math A., Thévenon O. (eds.). 2009. *The Costs of Raising Children and the Effectiveness of Supporting Parenthood Policies in European Countries: A Literature Review*. Rapport pour la Commission Européenne, INED.
- Lewis J. 1992. Gender and the development of welfare regime // *Journal of European Social Policy* 2(3), p. 159–173.
- Lewis J. 2006. What instruments to foster what kind of gender equality? // *Revue Française des Affaires Sociales*, special vol. Social Welfare Reforms in Europe 1, p. 147–166.
- Lohmann H., Peter F. H., Rostgaard T., Spiess C. K. 2009. Towards a framework for assessing family policies in the EU, OECD Social, employment and migration working Papers 88, www.oecd.org/els/workingpapers.
- Luci A. 2009. Indirect cost of children in a macroeconomic perspective: the impact of gender gap in education and employment and of fertility on country's growth, in M. Th. Letablier, A. Luci, A. Math, and O. Thévenon (eds.), *The Costs of Raising Children and the Effectiveness of Supporting Parenthood Policies in European Countries: A Literature Review*. Rapport pour la Commission Européenne, INED, Paris.
- Maitre B., Nolan B., Whelan C. T. 2005. Welfare regimes and household income pack-aging in the European Union // *Journal of European Social Policy*, 15 (2), p. 157–171.
- Meulders D., O'Dorchai S. 2007. The position of mothers in a comparative welfare state perspective," in d. Del Boca and C. Wetzels (eds.), *Social Policies, Labour Markets and Motherhood*. Cambridge University Press, p. 3–27.
- Moss P., Coram Th. 2008. Making parental leave parental: an overview of policies to increase fathers' use of leave, in P. Moss and m. Korintus (eds.), *International Review of Leave Policies and Related Research 2008*. Employment Relations Research Series, no. 100.
- Moss P., Korintus M. (eds.). 2008. *International Review of Leave Policies and Related Research 2008*. Employment Relations Research Series, no. 100.
- NOSOSCO. 2009. Social protection in the Nordic Countries, 2007/08, <http://nososco-eng.nom-nos.dk/>.
- OECD Family database, www.oecd.org/els/social/family/database.
- OECD. 2002–2007. *Babies and Bosses: Reconciling Work and Family Life*, vols. 1–5, Paris.
- OECD. 2009a. *Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries*. Paris.
- OECD. 2009b. *Doing Better for Children*. Paris.
- Ray R., Gornick J., Schmitt J. 2009. *Parental leave policies in 21 countries: assessing generosity and gender equality*, Center for Economic and Policy Research, New York.

- Ritakallio V.-M., Bradshaw J.* 2006. Family poverty in the European union, in J. Bradshaw and A. Hatland (eds.), *Social Policy, Family Change and Employment in Comparative Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar.
- Rostgaard T.* 2004. Family support policy in Central and Eastern European countries: a decade and half of transition, UNESCO Education Center.
- Szelewa D., Polakowski M.* 2008. Who cares? Changing patterns of childcare in Central and Eastern Europe // *Journal of European Social Policy*, 18, p. 115–131.
- Thévenon O.* 2006. Régimes d'Etat Social et convention familiale: une analyse des régulations emploi-famille // *Economies et Sociétés, série "Socio-economie" du travail* 27(6), p. 137–171.
- Thévenon O.* 2009a. Assessing the cost of children: a challenge for policies, in M.Th. Letablier, A. Luci, A. Math, and O. Thévenon (eds.), *The Costs of Raising Children and the Effectiveness of Supporting Parenthood Policies in European Countries: A Literature Review*. Rapport pour la Commission Européenne, INED.
- Thévenon O.* 2009b. Increased women's labour force participation in Europe: Progress in the work-life balance or polarization of behaviours?" // *Population-E* 64(2), p. 235–272.
- Witheyford P., Adema W.* 2007. What works best in reducing child poverty: a benefit or work strategy? OECD Social, employment and migration working Papers 51, Paris.

Перевод М. Авдеевой, И. Троицкой

Индивид, семья, домохозяйство, жилище: как их считать и описывать¹

На протяжении 40 последних лет средний размер домохозяйства неуклонно снижается от одной переписи населения к другой: все меньше число детей в семье, все меньше «сложных» домохозяйств, объединяющих в своем составе несколько семей, все больше домохозяйств, состоящих из одного человека. Однако переписи учитывают семейные связи внутри домохозяйства лишь в самом общем виде и приписывают каждого индивида к одному и только одному домохозяйству. Масштабные выборочные обследования, проведенные во Франции Национальным институтом статистики и экономических исследований (*Insee*), такие, как обследование занятости (*Emploi*) и в особенности несколько обследований, посвященных детальному изучению домохозяйств, позволили получить более подробную информацию об отношениях между лицами, проживающими совместно, а также о вероятности для индивида иметь несколько мест жительства и, следовательно, принадлежать одновременно к нескольким семьям и/или домохозяйствам.

Помимо краткого экскурса в историю эволюции домохозяйства, какой она предстает перед нами по переписям последних 40 лет, статья описывает метод наблюдения домохозяйства, используемый в основных обследованиях *Insee*, а также последствия его применения к таким, простым на первый взгляд, понятиям, как «семейная пара» или «ребенок». Эти данные показывают, что возникновение феномена «нескольких мест жительства» (*multi-résidence*) гораздо сильнее повлияло на статистику семейного положения мужчин, по сравнению с женщинами. Приняв во внимание этот феномен, мы можем гораздо детальнее описать семейные отношения во Франции, но при этом столкнуться с новыми проблемами, касающимися инструментария и показателей.

Домохозяйства различной конфигурации

Переписывать домохозяйство в его основном месте проживания

Перепись населения во Франции производится по стандартной процедуре: *Insee*, ответственный за ее проведение, собирает информацию по нисходящей иерархической схеме: сначала о жилище, затем о проживающих в нем домохозяйствах, о семьях в составе этих домохозяйств и, наконец, об индивидах – членах этих семей. На каждом этапе происходит выбор задачи, отвечающей основным целям и смыслу переписи: определить постоянное население каждой коммуны², избежав при этом двойного счета. Таким образом, речь идет о точном определении места, в котором каждый индивид

* Французский национальный институт демографических исследований, INED. - Примеч. пер.

¹ Оригинал статьи: *Toulemon L. Individus, familles, ménages, logements: les compter, les décrire. Travail, genre et société*, n°26, Novembre 2011, p. 47–66.

² Коммуна (*commune*) – базовая единица территориально-административного деления во Франции.

будет переписан, в принципе, единственный раз за время переписи; исключения из этого правила редки и разрабатываются повсюду одинаково, чтобы не нарушать принципов равенства при переписи коммун. В этих исключительных случаях некоторые жители коммун переписываются особо или не переписываются вообще.

В «переписном» смысле каждое жилое помещение является либо основным местом жительства (тем, в котором размещается домохозяйство), либо незанятым (летнее или пустующее жилье), либо коллективным (общежития для рабочих и студентов, университетские кампусы, дома престарелых, больницы длительного пребывания, социальные приюты, исправительные учреждения, армейские казармы). Лица, живущие в мобильных домах-караванах, моряки и бездомные не учитываются при сборе данных о домохозяйствах.

Таким образом, каждое основное жилье является местом жительства для домохозяйства, включающего, согласно определению, всех «постоянных обитателей» этого жилья. Понятия «основное жилье» и «постоянный обитатель», которые сложно применять на практике (это будет показано ниже), служат для того, чтобы приписать каждого индивида к одному и только одному домохозяйству. Некоторые обитатели жилища не включаются в число «постоянных».

Затем, для производства соответствующей статистической информации, в домохозяйстве выделяются семьи (чаще всего – одна, максимум две): семья определяется как живущая в одном жилом помещении пара с детьми или без (обязательно гетеросексуальная, согласно принципам переписи), или одинокий родитель со своими детьми. Дети, чтобы быть включенными в состав семьи, не должны состоять в официальном браке или неформальном союзе и иметь своих детей, живущих в этом же жилом помещении. Так, домохозяйство, состоящее из трех поколений (дети, родители, бабушка и дедушка), включает две семьи: бездетную пару (бабушка и дедушка) и пару с детьми. До 1982 г. только члены семьи моложе 25 лет могли формально считаться «детьми» в переписи. Это возрастное ограничение не применяется в переписях с 1990 г., но иногда в публикациях встречаются специально оговоренные границы возраста детей (до 18 или до 25 лет), чтобы, к примеру, не считать домохозяйство, состоящее из холостяка 60 лет, живущего с одним из родителей, неполной семьей с одним ребенком [Daguet, 2007; Chardon, Daguet, Vivas, 2009]. Индивиды, не образующие пару и не имеющие детей в данном домохозяйстве, называются «изолированными»; домохозяйство, в котором живут дедушка или бабушка и семейная пара с детьми, считаются состоящими из одной семьи и одной «изолированной» персоны.

Переписчик приписывает каждому индивиду, входящему в состав домохозяйства, одно и только одно место жительства: перед ним не стоит задача обнаружить тех, кто поровну делит свое время между двумя постоянными местами проживания. В процессе проведения переписи используется ряд правил, чтобы определить, должен ли **индивид** быть переписан именно в данном жилом помещении. В переписи различаются: постоянные жители, «проживающие в данном помещении большую часть года», включенные в переписной лист домохозяйства и обязанные заполнить индивидуальную форму; другие лица, живущие в домохозяйстве, но не подлежащие переписи (потому что должны быть переписаны в другом месте). Кроме того, к постоянному населению

жилого помещения относятся также: супруги, которые по профессиональным причинам могут иметь другое место жительства, но данное жилье является их общей семейной собственностью; несовершеннолетние студенты, уехавшие на учебу, но формально приписанные к родительскому дому; совершеннолетние студенты, приехавшие на учебу; квартиранты и т.п. Дети разведенной пары, живущие попеременно в домах каждого из родителей, переписываются там, где проживают «большую часть времени». Если это время делится примерно поровну, они должны быть переписаны там, где провели ночь, предшествовавшую критическому моменту переписи.

Аналогичным образом из списка членов домохозяйства исключаются постоянные жители следующих категорий (они фигурируют не в основном, а в дополнительных листах бланка домохозяйства): взрослые дети, живущие в другом месте из-за учебы, переписываются в месте жительства студентов, даже если они регулярно возвращаются в родительский дом; несовершеннолетние дети, живущие в данном домохозяйстве из-за учебы, переписываются у своих родителей; **индивиды**, живущие по профессиональным причинам в домохозяйстве в течение всей недели, но в выходные возвращающиеся в свое основное жилье, переписываются в нем; те, кто регулярно пребывает в домохозяйстве, но главным образом живет в специализированном учреждении (к примеру, в доме престарелых), переписывается там. Эти правила, используемые при проведении переписей с 2004 г., периодически изменяются в соответствии с международными рекомендациями [UNECE-Eurostat, 2006].

Следуя этим правилам, мы обнаруживаем, что с 1968 г. средний размер домохозяйства регулярно снижался (**табл. 1**) и достиг 2,3 человека в 2006 г. В 1968 г. практически одно домохозяйство из пяти или состояло из нескольких семей, или включало, кроме основной семейной пары, других одиноких родственников, т.е. представляло собой составное домохозяйство. В 2006 г. таких домохозяйств было всего 5%³, а подавляющее большинство домохозяйств состояло только из одной семьи. Все больше и больше становилась доля домохозяйств, состоящих из одного человека (33% в 2006 г. против 20% в 1968 г.)⁴.

Домохозяйства одиночек гораздо чаще состоят из женщин, чем из мужчин, но в течение последних 40 лет разница в их доле уменьшается: в 2006 г. женщины составляли 59% одиночек против 68% в 1968 г. [Daguet, 2007]. Эти изменения вызваны событиями, происходящими в возрастах от 25 до 50 лет: растущая частота разводов приводит к тому, что мужчины все чаще остаются жить одни, тогда как женщины после развода живут со своими детьми; это подтверждается растущей долей семей с одинокой матерью и ее детьми. Одинокое отцы с детьми составляют всего 16% домохозяйств такого типа (**см. ниже**). В других возрастных группах доля женщин-одиночек увеличивается: в возрасте старше 50 лет, после ухода детей из семьи, женщины с большей вероятностью остаются одни по сравнению с мужчинами, чаще вступающими в новый союз после распада прежнего. В самых старших возрастах снижение смертности отсрочивает момент, когда люди становятся одинокими вследствие

³ Перепись 2006 г. опирается на ежегодные обследования 2004–2008 гг. Доля составных домохозяйств слегка завышена вследствие проблем кодировки данных обследования 2004 г.

⁴ Таблицы в тексте не содержат данные по заморским территориям Франции, а относятся только к метрополии

овдовения, но и в этом случае женщины чаще остаются одни после смерти супруга. Растущая автономность и возможности самообслуживания вследствие улучшения состояния здоровья и материального положения позволяют им дольше оставаться жить одним в их собственном жилье [Daguet & Niel, 2010].

Таблица 1 Структура домохозяйств во Франции по данным переписей 1968–2006 гг.

Тип домохозяйства	1968	1975	1982	1990	1999	2006
Мужчина-одиночка	6,4	7,4	8,5	10,1	12,5	13,5
Женщина-одиночка	13,8	14,8	16,0	17,1	18,5	19,5
Одинокый отец / одинокая мать с детьми	2,9	3,0	3,6	6,6	7,4	7,7
Семейная пара без детей	21,1	22,3	23,3	23,7	24,8	26,1
Семейная пара с детьми	36,0	36,5	36,1	36,4	31,5	28,0
Составное домохозяйство	19,8	16,0	12,5	6,1	5,3	5,3
Число домохозяйств (млн)	15 778	17 745	19 589	21 542	23 808	26 069
Средний размер домохозяйства	3,06	2,88	2,70	2,57	2,40	2,30

Примечание: Предельный возраст в 25 лет для детей, включенных в состав домохозяйства, отменен в 1990 г.; в итоге доля составных домохозяйств существенно снизилась, а доля семейных пар с детьми – возросла.

Территория: Франция (без заморских территорий).

Источник: для 1968–1999 гг. – INSEE, Переписи населения (<http://www.insee.fr>), для 2006 – оценки автора.

В 2006 г. только одно из 20 домохозяйств во Франции было составным: домохозяйства, состоящие из одной семьи и одного «изолированного» индивида (не принадлежащего к семье с точки зрения переписи, чаще всего родственника по восходящей линии), составляли лишь 2% всех домохозяйств, тогда как 2,8% домохозяйств объединяли несколько «изолированных» **индивидов** (друзья; соарендатеры жилья; пары, не считающиеся таковыми по правилам переписи); и только 0,5% всех домохозяйств состояли из двух семей.

Вклад в снижение доли составных семей внесла отмена в 1990 г. предельного возраста для детей: не состоящие в браке члены семьи в возрасте 25 лет и старше больше не считались «изолированными» членами домохозяйства, если жили вместе с родителями. Если это ограничение по возрасту существовало бы до сих пор, доля составных домохозяйств в 2006 г. была бы равна 10,2%, а не 5,3%, как это оценивается в соответствии с новыми правилами⁵.

Этим определениям семьи и домохозяйства отвечает не все население без исключения (**табл. 2**). В 2006 г. 2,4% лиц, проживающих на территории Франции (2,3% женщин и 2,5% мужчин), не были переписаны ни в одном домохозяйстве. Большинство из них является обитателями специализированных учреждений средне- или долгосрочного пребывания (1,6% женщин и 1,3% мужчин), при этом мужчин чаще

⁵ Для оценки динамики структур домохозяйств с 1968 г. по настоящее время при условии неизменности определения см.: Fabienne Daguet, 2007.

относят с категории «другое»⁶, а женщин реже относят к категории «без определенного места жительства» [Marpsat, 1999]. 18% членов домохозяйств не входят в состав никакой семьи, большая часть из них – одиночки (12% мужчин и 16% женщин), а доля домохозяйств, состоящих из одиночек, равна 33% (табл. 3); 36% домохозяйств не включают в свой состав ни одной семьи (см. табл. 2).

Таблица 2 Характеристики населения Франции по итогам переписи 2006 г.

Характеристики	Численность (в тыс.)				
	Мужчин	Женщин	Обоего пола	Семей	Домохозяйств
Население домохозяйств, входящее в состав семей	24 280	24 624	48 904	16 854	16 732
Население домохозяйств, не входящее в состав семей	4 692	6 332	11 024	-	9 338
Население в составе домохозяйств	28 973	30 956	59 928	16 854	26 070
Население вне домохозяйств	733	711	1 443	-	-
Все население	29 706	31 666	61 372	16 854	26 070
	Процентное распределение				
Население в составе семей	81,7	77,8	79,7	100,0	64,2
Население домохозяйств, не входящее в состав семей	15,8	20,0	18,0	-	35,8
Население в составе домохозяйств	97,5	97,8	97,6	100,0	100,0
Население вне домохозяйств	2,5	2,2	2,4	-	-
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: первые три колонки таблицы описывают ситуацию индивидов: четвертая и пятая колонки – состояние лица, записанного в переписном листе как глава семьи или домохозяйства (чаще всего это либо мужчина из семейной пары, либо самый старший из работающих членов домохозяйства, либо просто самый старший).

Источник: Перепись 2006 г.; оценки автора.

В переписи семья определяется в соответствии с родственными связями, указанными в листе жилого помещения. Начиная с 2004 г., вопрос «Живете ли Вы вместе с партнером?» включен в индивидуальный переписной лист. Он позволяет лучше понять фактическое положение дел, но по логике, используемой для определения семьи в переписном смысле, в эту категорию никогда не включаются два следующих типа партнерских союзов: гомосексуальные пары и пары, имеющие в своем распоряжении два жилья, если партнеры переписываются каждый в своем жилье. Дети также включаются в состав семьи только в том случае, если они переписываются в данном жилом помещении.

Используя это определение, можно уточнить семейное положение индивидов, живущих в домохозяйствах. Почти половина членов домохозяйств (48%) живет в паре; к этой цифре можно добавить детей этих пар (23%). Таким образом, почти 72% населения живет в семьях, состоящих из семейной пары с детьми или без детей (см.

⁶ Религиозная коммуна, казарма, студенческое общежитие, социальное учреждение кратковременного пребывания, другие виды коммун, мобильные дома (в том числе на воде). См.: <http://www.insee.fr>, раздел «Переписи», табл. POP2.

табл. 3). В 2006 г. во всех домохозяйствах в целом на 100 мужчин приходилось 107 женщин. Мужчины чаще живут в «супружеской»⁷ семье, или как партнеры в паре, или как дети этой пары⁸: по определению, в супружеской паре столько же мужчин, сколько и женщин, но из взрослых детей девушки покидают родительский дом раньше, чем юноши. К тому же мужчины, если они живут со своими родителями, гораздо реже имеют супругу и/или детей, живущих в том же домохозяйстве, чем женщины, живущие с родителями.

Таблица 3 Семейное состояние индивидов и структуры домохозяйств по переписи

Характеристики	Численность (в тыс.)				
	Мужчин	Женщин	Обоего пола	Семей	Домохозяйств
Взрослое население в семейной паре без детей	7 102	7 102	14 203	7 102	7 052
Взрослое население в семейной паре с детьми	7 543	7 543	15 087	7 543	7 523
Дети в семьях с двумя родителями	7 418	6 561	13 979	-	-
Взрослое население в неполных семьях	344	1 865	2 209	2 209	2 157
Дети в неполных семьях	1 873	1 553	3 427	-	-
Одиночки	3 521	5 094	8 615	-	8 615
Население вне семьи, но в домохозяйстве	1 172	1 237	2 409	-	723
Все население	28 973	30 956	59 928	16 854	26 070
	Процентное распределение				
Взрослое население в семейной паре без детей	24,5	22,9	23,7	42,1	27,1
Взрослое население в семейной паре с детьми	26,0	24,4	25,2	44,8	28,9
Детей в семьях с двумя родителями	25,6	21,2	23,3	-	-
Взрослое население в неполных семьях	1,2	6,0	3,7	13,1	8,3
Детей в неполных семьях	6,5	5,0	5,7	-	-
Одиночки	12,2	16,5	14,4	-	33,0
Население вне семьи, но в домохозяйстве	4,0	4,0	4,0	-	2,8
Все население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: первые три колонки таблицы описывают ситуацию индивидов: четвертая и пятая колонки – состояние лица, записанного в переписном листе как глава семьи или домохозяйства.

Источник: Перепись 2006 г., оценки автора.

К группе семей с одним родителем относится 9,4% населения всех домохозяйств Франции (8% мужчин, а женщин – 11%). Доля семей с одним родителем варьирует в зависимости от выбранного метода оценки показателя: среди всех семей с детьми в 23% имеется только один родитель; доля детей, живущих в семье с одним родителем, чуть ниже (20%), потому что в семьях с одним родителем в среднем меньше детей, живущих в домохозяйстве, чем в полных семьях [Chardon, Daguet, Vivas, 2009]. Но доля одиноких родителей с ребенком (или несколькими детьми) не превышает 13% (по определению, неполная семья включает только одного родителя, а полная – двоих).

⁷ То есть в семье, в состав которой входит супружеская пара.

⁸ Среди «детей» на 100 мужчин приходится только 88 женщин.

Женщины чаще, чем мужчины, являются единственными родителями в неполных семьях: 6% против 1,2%, или 541 мать-одиночка на 100 отцов-одиночек. Для детей наблюдается обратная ситуация: в неполных семьях на 83 дочери приходится 100 сыновей, и в семьях с одним отцом это соотношение ниже (70 дочерей на 100 сыновей), чем в семьях с одной матерью (85 на 100). Одиноким отцы реже живут с детьми, особенно с дочерьми, потому что дочери в среднем раньше покидают родительский дом, чем сыновья.

В итогах переписи остается лишь одно белое пятно – семьи, возникшие в результате повторных браков. Если семья состоит из пары с детьми, в переписном листе не отмечен характер связи между родителями и детьми [Chaleix, Haag, 1999]. В процессе сбора информации необходимо отличать детей одного или другого супруга от их общих детей, но переписной лист домохозяйства не позволяет определить эти отличия.

Изучать домохозяйство и родственные связи между его членами

По правилам переписной лист домохозяйства заполняется только на тех лиц, которые в нем обычно проживают; члены домохозяйства, живущие в коллективных сообществах или имеющие особый статус (моряки, лица без определенного места жительства и т.п.), не включаются в состав домохозяйства. Опрос начинается с составления списка живущих в домохозяйстве, с выяснением родственных связей между ними и наличия у каждого их внесенных в список другого места жительства. В 1999–2001 гг. *Insee* разработал общий раздел для сбора информации о характеристиках домохозяйства, который стал включаться во все обследования домохозяйств [Herpin, Toulemon, Verger, 2001]. Начиная с 2004 г., многие анкеты *Insee* содержат стандартную «Таблицу проживающих в жилом помещении», в которой отмечается, среди прочего, и наличие другого постоянного места жительства у каждого из членов домохозяйства, а также задаются вопросы о «ячейках» (*unité de vie*), проживающих в данном жилом помещении.

Переписи подлежат только стандартные с переписной точки зрения домохозяйства⁹. Это ограничивает число индивидов, «с которыми невозможно связаться» или «длительно отсутствующих», и уменьшает риск двойного счета, но может исказить информацию о лицах, имеющих более одного постоянного места жительства, поскольку при переписи они учитываются лишь в одном, «основном» жилище.

Обследование занятости включено в европейскую программу «Обследований рабочей силы» (*Labour Force Surveys*) и организовано в соответствии с требованиями этой программы. Анкета обследования начинается с полного списка живущих в данном жилом помещении и с вопроса, позволяющего определить, проживает ли данный член домохозяйства в нем постоянно. По результатам этой анкеты (волны 2005 и 2006 г.), 1,6% домохозяйств во Франции включают, по крайней мере, одного члена, «не живущего постоянно в данном жилом помещении». В обследованиях, содержащих

⁹ Для детального изучения лиц без определенного места жительства [Marpsat, 2008, 2009] и лиц, живущих в коммунах [Mormiche, 1999], проводились специальные обследования. Обследования здоровья населения, проводимые в настоящее время DREES (Дирекция исследований, образования, оценки и статистики) включают блок вопросов для лиц, живущих в специализированных учреждениях.

стандартную таблицу проживающих в жилом помещении (мы говорили о ней выше), напротив, в состав домохозяйства включаются все проживающие даже временно и нерегулярно в данном жилом помещении, при условии, что они проводят в этом месте более 30 дней в году. В списке членов домохозяйства отмечается, проживает ли каждый его член в данном месте «весь или почти весь год», или только часть года; длительность определяется правилами конкретного обследования. С помощью следующего вопроса выясняется, живет ли каждый из членов домохозяйства где-то еще. Затем, когда эти вопросы заданы всем, записанным в состав домохозяйства, с помощью следующего вопроса выясняется, не был ли кто-то забыт: «Есть ли еще кто-то, кто живет в этом месте, пусть и непостоянно, и у кого есть другое место жительства, кроме этого?» Все члены домохозяйства, даже «случайные», являются объектами обследования занятости.

Если перепись, переписной лист которой заполняется непосредственно переписываемыми лицами, довольствуется списком, в котором родственные связи с главой домохозяйства описаны в общих чертах, другие обследования, в которых анкеты заполняются профессиональными интервьюерами, описывают более детально связи между членами домохозяйства. В обследовании занятости для каждого, записанного в данное домохозяйство, уточняется, помимо связи с главой домохозяйства, еще и семейное положение (состоит ли в брачном союзе с кем-то из членов домохозяйства, и если да, то с кем именно), а для каждого взрослого члена домохозяйства – живут ли в данном домохозяйстве его дети и кто они именно. Новая стандартная таблица проживающих в жилом помещении еще более детальна. После нумерации всех записанных в таблицу, для каждого члена домохозяйства определяется номер отца и матери, если они живут в этом же жилом помещении, затем номер супруга/супруги и, наконец, родственные связи данного индивида со всеми членами домохозяйства (если эта связь отличается от отношений «родители – дети»). Кроме того, вопрос о семейном положении позволяет получить информацию о супруге, не проживающем в данном жилом помещении.

Ответы на эти вопросы позволяют более детально описать семейное положение проживающих в домохозяйстве и родственные отношения между ними, а именно, обнаружить семьи, образовавшиеся в результате повторных браков и состоящие из брачной пары и их детей; причем, не все эти дети будут родными для обоих родителей [Chardon, Vivas, 2009]. Повторные браки можно описывать с точки зрения взрослых членов семьи, играющих несколько родительских ролей: родители детей, рожденных до данного союза; родители детей, рожденных в данном союзе; наконец, отчимы или мачехи, в том случае, если в семье живут дети, рожденные партнером в предыдущем браке. В общем числе повторных браков пары с общими детьми и без них составляют примерно равные доли [Chardon, Vivas, 2009]. Женщины чаще, по сравнению с мужчинами, играют роль матери, чем мачехи: по данным анкеты SRCV 2006 г.¹⁰, почти 9% пар с хотя бы одним несовершеннолетним ребенком сложились в результате повторного брака: в 6,6% случаев это был ребенок матери, в 3,2% – ребенок отца (из

¹⁰ Статистика доходов и уровня жизни (*Statistiques sur les Ressources et Conditions de Vie*) – французская версия европейского Обследования доходов и уровня жизни (*Survey on Income and Living Conditions (EUSILC)*).

них 0,8% составляли случаи, когда в семье были несовершеннолетние дети обоих супругов). К тому же женщины не всегда отмечают в анкетах, что воспитывают детей своего супруга, которые пришли в семью вместе с ним, тогда как мужчины, которые чаще теряют контакт со своими родными детьми после развода, более регулярно отмечают в анкетах, что воспитывают неродных детей [Toulemon, 2005].

Статистика как доказательство сложности ситуации

Перепись населения и, в меньшей степени, обследование занятости склонны искажать структуру домохозяйств, оставляя их членам право быть записанными только в одном месте жительства: число одиночек и семей с одним родителем в этом случае окажется завышенным, поскольку в некоторых брачных парах супруги переписываются в разных местах; двойной счет детей в таких семьях завышает число семей с одним родителем, поскольку один и тот же ребенок рискует быть переписанным по месту жительства каждого из своих не живущих вместе родителей. Таким образом, по данным переписи, 7,7% всех домохозяйств составляют семьи с одним родителем (8,3%, если к ним добавить семьи, в состав которых входят, кроме того, один или несколько изолированных членов); по данным обследования занятости, таких семей было 7,6%, а по данным *SRCV* – 7,1%, т.е. относительная разница показателей переписи и *SRCV* составляет 17%. В обследовании *SRCV* супруги, которые не живут большую часть времени в домохозяйстве, тем не менее, включаются в его состав, и семейные пары, «живущие вместе непостоянно», записываются как реальные пары. В итоге, семейные пары с детьми или без них в *SRCV* более многочисленны по сравнению с переписью.

Одно или несколько «постоянных мест жительства»?

Наличие нескольких постоянных мест жительства, в которых взрослые или дети проводят примерно одинаковое количество времени, объясняет основную причину расхождения данных, получаемых из различных источников.

Ситуации, в которых индивид обладает несколькими постоянными местами жительства, очень разнообразны и в значительной степени определяются возрастом: дети разведенных родителей, живущие попеременно у каждого из них; молодые люди, покинувшие родительский дом, но регулярно возвращающиеся туда; взрослые, работающие в другом городе и снимающие в нем второе жилье; «молодые» пенсионеры, делящие свое время между основным местом жительства и загородным домом; пожилые люди, проводящие часть времени у своих детей или в домах для престарелых, а в остальное время живущие у себя дома; и т.п. К тому же многие изменения происходят не вдруг, а постепенно, и занимают определенное время, будь то перемены в семье (уход от родителей, образование и распад семейных пар), в работе (стажировки, временные контракты, работа с испытательным сроком) или в месте жительства (подготовка к выходу на пенсию, покупка жилья на будущее). Эти изменения часто сопровождаются наличием нескольких постоянных мест жительства, но ситуация не является неизменной во времени. Так, более половины лиц, имевших несколько постоянных мест жительства в определенный момент времени, в течение года выходят из этой группы (исключение составляют дети от 5 до 15 лет, для которых

наличие нескольких постоянных мест жительства продолжается дольше) [Toulemon, Pennec, 2009]. Людей, имеющих более одного постоянного места жительства, не так мало: одно домохозяйство из 10 (10,1% по данным обследования SRCV 2006 г.) включает, по крайней мере, одного **индивида**, который имеет еще одно место жительства; в обследовании занятости такие лица практически не идентифицируются, и лишь для 1,6% домохозяйств можно с уверенностью сказать, что в них есть люди, живущие в нескольких местах. Если за единицу наблюдения взять не домохозяйство, а индивида, окажется, что 6,3% респондентов в обследовании SRCV живут где-то еще помимо того домохозяйства, которое вошло в выборку обследования. Если принять во внимание вероятность двойного счета для индивидов, имеющих два постоянных места жительства, можно сказать, что, *по меньшей мере*, 3,7% населения Франции имеют более одного постоянного места жительства. Этот показатель меняется от 2% для маленьких детей до 12% для молодых людей, как мужчин, так и женщин; среди лиц среднего возраста этот показатель невелик (2% для 40-летних), но повышается с возрастом (4% в возрасте 55–85 лет) [Toulemon, Pennec, 2010a].

Семейная жизнь и ее границы

Эта неопределенность семейного положения проистекает из определения семейной пары в переписи: 951 тыс. **индивидов** (или 1,5% от общей численности населения домохозяйств) декларируют себя как пару в период проведения переписи, но при этом, согласно кодификации семей *Insee*, таковой не являются; напротив, 274 тыс. **индивидов** (0,4%) согласно определению *Insee* считаются состоящими в брачных отношениях, но в переписи зафиксированы как живущие вне брака¹¹ (табл. 4).

Таблица 4 Семейное положение по данным переписи (кодировка *INSEE*)

Семейное положение (<i>Insee</i>)	Живете ли вы в паре?					
	В тыс. человек			В %		
	Всего	Да	Нет	Всего	Мужчин	Женщин
В паре	29 290	29 015	274	99,1	99,1	99,0
Не в паре	30 639	951	29 688	3,1	3,4	2,8
из них:						
- живут одни	8 615	278	8 337	3,2	4,1	2,7
- вне семьи	2 409	494	1 915	20,5	22,7	18,5
- одинокие родители	2 209	110	2 100	5,0	11,2	3,8
- дети	17 406	70	17 336	0,4	0,4	0,4
Всего живут в домохозяйствах	59 928	29 966	29 962	50,0	51,8	48,3
Вне домохозяйств	1 443	129	1 314	9,0	10,4	7,5
Всего	61 372	30 096	31 276	49,0	50,8	47,4

Выборка: население Франции (без заморских территорий).

В левой части таблицы - абсолютные числа (в тыс.); в правой части - пропорции по полу.

Источник: *Insee*, перепись населения 2006 г.

¹¹ Эти лица живут в 216 тыс. «пар» (по определению *INSEE*); в 73% случаев один из супругов заявил себя «живущим в паре», тогда как другой супруг – «не живущим в паре». Это могут быть лица, собирающиеся развестись или расстаться, или те, кто фактически расстался, но продолжает жить в одном месте; также это может быть ошибкой регистрации

Среди лиц, определенных кодами *Insee* как живущие в паре, практически все (99,1%) объявили себя таковыми во время переписи. Напротив, большое количество **индивидов** считают себя живущими в паре, но не являются таковыми по определению *Insee*, согласно которому из числа пар исключаются те, в которых только один из партнеров подлежит переписи в данном жилом помещении, а также гомосексуальные пары. Очень часто (в 21% случаев) это оказываются лица, определенные как «живущие вне семьи» в домохозяйстве, включающем несколько человек, а также, хотя и в меньшем количестве, одинокие родители (5% случаев, среди мужчин таковых 11,2%, среди женщин – 3,8%) или те, кто записан во время переписи как одиночки (3,1%, или 4,1% мужчин и 2,7% женщин). Отметим, что мужчины чаще, чем женщины, заявляют, что состоят в брачном союзе, даже если партнер не подлежит переписи в том же самом жилище.

Вопрос «Состоите ли Вы в браке?» был включен в программу переписи в 2004 г., но еще в 1999 г. обследование «Семья», привязанное к переписи, включало похожий вопрос о жизни в паре, уточняющий: «...Даже если Ваш супруг, по профессиональным причинам, живет в другом месте». Каждая десятая семья с одним родителем (8% матерей-одиночек и 25% отцов-одиночек) в ходе переписи была зарегистрирована как полноценная семейная пара [Algava, 2005].

По данным обследования *SRCV*, 95,6% индивидов, ответивших, что они состоят в брачном союзе, постоянно живут вместе; еще 2,7% ответили, что они «иногда живут вместе», и 1,7% (1,9% мужчин и 1,5% женщин) сказали, что никогда не жили вместе со своим супругом/партнером, хотя и ответили положительно на вопрос: «Состоите ли Вы в браке?» По предварительным результатам анализа данных трех волн этого обследования, для подавляющего большинства пар, иногда живущих или никогда не живших вместе, такое положение дел является временным (и относится именно к году проведения обследования, а не к предыдущему или последующему), т.е. до начала и после окончания периода частичного совместного проживания или проживания в разных местах они все-таки живут вместе. Будучи всего лишь этапом в процессе формирования или расставания пары, эти эпизоды, похоже, соответствуют временному отдалению супругов вследствие неких внешних причин, связанных с работой или учебой [Toulemon, Pennec, 2010b].

Эпизоды жизни в семейной паре без совместного проживания можно определить как «стабильные отношения влюбленности», довольно часто встречающиеся; они сводятся чаще всего к исключительно сексуальным отношениям, при которых супружеские обязанности неопределенны [Duncan, Philips, 2010]. По данным обследования *ERFI* (*Etude des relations familiales et intergénérationnelles*)¹², 9% опрошенных в возрасте 18–79 лет находятся в отношениях такого типа [Régnier-Loilier, Beaujouan, Villeneuve-Gokalp, 2009], по сравнению с 1% тех, кто ответил, что состоит в браке с человеком, живущим в другом месте. Англоязычный термин *LAT* (*Living Apart Together* – не живущие вместе) является двусмысленным: изначально введенный для описания пар, не живущих вместе из-за внешних ограничений, теперь он также означает «стабильные отношения влюбленности», в которых вопрос совместного

¹² Французская версия европейского обследования «Поколения и гендер» (*Generations and Gender*), аналог российского «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМЖ).

проживания не решен однозначно даже самой парой, и которые не могут быть определены и учтены официальной статистикой.

Диаметрально противоположная ситуация, также трудно учитываемая статистикой, была недавно описана для случая США: совместное проживание без отношений (*Living Together Apart, LTA*) пар, чей союз распался, но они продолжают жить вместе либо из-за финансовых или жилищных проблем, либо по семейным обстоятельствам, чаще всего связанным с детьми [*Cross-Barnet, Cherlin, Burton, 2008*].

*PACS (Pacte Civil de Solidarité*¹³, гражданский союз) позволил однополым парам получить законное право на существование и признание обществом, но таких пар по-прежнему не очень много: в начале 2009 г. статистика насчитывала лишь 44 тыс. индивидов (28 тыс. мужчин и 16 тыс. женщин), заключивших гражданский союз с партнером того же пола, или 0,15% от 30 млн лиц, состоящих в партнерских отношениях, и 6% от всех, заключивших *PACS* [*Davie, 2011*]. Незначительное число подобных случаев, даже если оно и отражает реальную картину, ставит перед исследователем три проблемы. Прежде всего в обследованиях, включающих «все население», необходимо формировать начальную выборку очень большого размера, для того чтобы получить число однополых пар, достаточное для статистического анализа. Затем, вопрос «*Живете ли Вы в паре?*» без уточнения личности партнера может привести к учету «двоих женатых/замужних людей», не формирующих настоящую брачную пару (к примеру, две живущие вместе женщины, супруги которых работают далеко от дома). И наконец, даже если партнер идентифицирован, некоторые пары, учтенные как однополые, могут и не являться таковыми, к примеру, из-за ошибки в кодировании переменной, обозначающей пол одного или другого супруга. Такие ошибки достаточно редки, но, вследствие незначительного количества однополых пар, могут привести к существенным искажениям в статистике из-за наличия «ненастоящих» однополых пар. Необходимо, таким образом, или проверять информацию о поле каждого из партнеров в парах, объявивших себя однополыми (как это делается в обследованиях, в которых контрольный вопрос о поле повторно задается респондентам, пол которых уже известен из их первого ответа на этот же вопрос), или, что гораздо проще, просить респондентов уточнить тип их партнерского союза (к примеру, в канадских переписях населения вопрос о жизни в паре позволяет разделить разнополые и однополые пары) или пол партнера. В обследовании «*Семья и жилище*», проведенном *Insee* в начале 2011 г. в рамках переписи среди 350 тыс. взрослых жителей Франции, вопрос: «*Ваш партнер, друг – (1) мужчина или (2) женщина?*», заданный обоим респондентам в паре, позволяет избежать двусмысленности и делает возможным, впервые во Франции, изучение однополых пар на репрезентативной выборке достаточного размера [*Rault et al., 2011*].

Статистическая неопределенность семейного положения детей

¹³ *PACS* (ПАКС) – Гражданский договор солидарности является контрактом, который заключается между двумя физическими лицами с целью организации их совместной жизни. Эти двое должны быть совершеннолетними, не состоящими в браке и не должны являться близкими родственниками. При этом пол партнёров не имеет значения. ПАКС невозможно заключить между тремя и более лицами. Лица, заключившие ПАКС, должны проживать совместно (даже если каждый из них располагает отдельным жильем). Главным отличием ПАКСа от брака являются условия его расторжения: это происходит автоматически, по просьбе одного из партнёров.

Семейное положение и детей, и супружеских пар ставит аналогичные вопросы – проживание в данном жилом помещении, несколько мест жительства и связи с другими членами домохозяйства, но наличие нескольких постоянных мест жительства влияет сильнее на статистику семейного окружения детей: в случае нескольких мест жительства взрослые часто проживают одиноко в одном из этих жилищ, тогда как дети чаще имеют «две семьи», если живут примерно одинаковое количество времени в месте жительства каждого из родителей.

Для детей, чьи родители не живут вместе, семейное окружение не состоит из родительской пары. Прежде всего, дети могут жить по очереди у каждого из родителей, и такие ситуации становятся все более распространенными по мере все более частого принятия судебных решений о попеременном воспитании детей каждым из родителей. Кроме того, в месте проживания ребенка разведенных родителей (или в каждом из них, если таковых два) могут жить отчим или мачеха (если разведенный родитель создал новую пару после развода), младшие единокровные или единокровные братья либо сестры от нового брака отца или матери, а также сводные братья и сестры – дети от предыдущего брака отчима/мачехи.

При переходе во «взрослый» возраст уход детей из родительского дома часто происходит постепенно, и молодежь в течение некоторого времени делит свою жизнь между несколькими «постоянными» местами жительства. К 20 годам каждый десятый молодой человек декларирует, по меньшей мере, два таких места. Исследования семейных связей показали, что молодежь считает себя более независимой, чем думают родители [Attias-Donfut, Segalen, 1998], и в результате, когда детям и их родителям задают вопрос о возрасте, в котором дети покинули родительский дом, разница в ответах может достигать 6 месяцев [Villeneuve-Gokalp, 2005].

В табл. 5 представлено распределение несовершеннолетних детей по их семейному окружению в 2004 г., по данным упомянутой выше анкеты SRCV, и возможное наличие другого жилья. Семейное окружение в другом жилье оценивалось на основании предположения, что другое жилье детей, имеющих более чем одно постоянное место жительства, в среднем идентично тому, которое попало в выборку обследования SRVC. Дети, имеющие два постоянных места жительства, представляли 6,4% всех детей, попавших в выборку обследования SRCV 2004 г. Но для большинства этих детей второе жилье – дом второго родителя, также попавшего в выборку обследования. Корректируя двойной счет детей, имеющих два места жительства, оба которых попали в выборку [Toulemon, Pennec, 2010a], мы получим 3,8% детей, живущих в двух местах, при этом второе место жительства будет либо стандартным (2,7%), либо коллективным (1,1%) домохозяйством. Несколько мест жительства детей возникают либо в результате того, что их родители имеют два постоянных жилья, и вся семья переезжает из одного в другое, либо родители разведены, и дети живут попеременно у каждого из родителей, либо ребенок живет часть времени в другом месте, но без обоих родителей. Лишь 0,9% детей моложе 18 лет, родители которых жили вместе в 2004 г., имели два постоянных места жительства, но этот показатель возрастает до 15,7% в случае, если родители разведены.

В 2006 г. четверо детей из пяти (81%) жили с обоими родителями; часть из них имела два постоянных места жительства либо при наличии у родителей второго

постоянного жилья, либо когда эти дети жили где-то вообще без родителей. В обследовании SRCV дети, разделяющие свое время между двумя местами жительства своих родителей, оказались посчитанными дважды, если родители декларировали в обследовании оба своих постоянных места жительства; в обследовании занятости, где эта информация не фигурирует, эти дети чаще всего приписаны к месту жительства матери: если доли детей разведенных родителей в обоих обследованиях близки, то доля детей, живущих с отцами, в обследовании занятости занижена (2,7% против 3,5%), особенно в случае создания отцом новой семьи.

Таблица 5 Семейное окружение детей

Описание опрашиваемого домохозяйства	Число детей	Распределение по данным		Доля имеющих два постоянных места жительства		
		SRCV	ECC	всего детей	коллективное жилье	стандартное домохозяйство
Двое родителей, одно жилье	4729	79,8	81,8	0,5	0,5	0,0
Двое родителей, живущих вместе, два жилья	87	1,1		32,6	5,5	27,1
Семья с одной матерью	680	10,1	10,8	7,1	1,6	5,5
Семья с матерью и отчимом	279	4,4	4,1	11,3	4,1	7,2
Семья с одним отцом	146	1,6	1,3	53,1	3,8	49,3
Семья с отцом и мачехой	149	1,9	1,3	41,2	12,5	28,7
Дети, живущие без родителей	77	1,2	0,7	21,3	2,9	18,4
Всего детей	6147	100	100	3,8	1,1	2,7
из них:						
живут с одним родителем	1254	17,9	17,5	15,7	3,6	12,2
живут с матерью	959	14,5	14,9	8,4	2,4	6,0
живут с отцом	295	3,5	2,7	46,6	8,6	38,0
живут с обоими родителями	4816	80,9	81,8	0,9	0,5	0,4

Выборка: дети моложе 18 лет, живущие на территории Франции.

Источник: Insee, обследование SRCV 2004 г., обследование занятости (ECC) 2004 г.

Примечание: 1. Дети, опрошенные в ходе анкетирования SRCV, распределены по их семейному окружению в жилом помещении, попавшем в выборку. Сумма в строке «Все дети» составляет 100%. В самом низу таблицы приведены все возможные ситуации, в которых могут жить дети в семье (эти ситуации не обязательно исключают одна другую).

2. Стандартное домохозяйство – то, которое соответствует определению по переписи; коллективное – главным образом студенческие кампусы.

Дети, живущие со своей матерью, реже имеют отчима, чем живущие с отцом – мачеху, но, поскольку подавляющее большинство детей после развода родителей остаются жить с матерью, доля детей, живущих с отчимом, превышает долю детей, живущих с мачехой (4,4% против 1,9%). Ответы разведенных отцов и матерей о наличии у их общих детей других постоянных мест жительства не всегда когерентны. Со слов женщин, расставшихся с бывшим супругом – а с этими женщинами живут 14,5% детей, попавших в выборку SRCV, 6% из них живут в другом домохозяйстве, что составляет 0,9% от всех детей, делящих свое время между двумя родительскими домами, но переписанных в домохозяйстве своей матери. Отцы, с которыми живут 3,5% детей, попавших в выборку, утверждают, что 38% этих детей (или 1,3% от общего

числа детей в обследовании) живут в другом домохозяйстве. Таким образом, всего 2,2% попавших в выборку SRCV детей делят свое время между домами отца и матери. Дополнительная информация о длительности проживания с каждым из родителей показывает, что некоторые разведенные женщины имеют тенденцию умалчивать о том, что их дети также живут иногда и со своими отцами, особенно если дети проводят с матерью большую часть времени, тогда как отцы склонны переоценивать длительность проживания с ними детей, особенно если дети проводят у них меньшую часть времени.

Если принимать во внимание семейное окружение детей во всех местах жительства, можно сделать вывод, что в 2006 г. 2,2% всех детей жили часть времени со своим отцом, часть – с матерью, еще 2,1% – всегда с отцом (1,3% с его новой супругой, 0,8% – с одним отцом), а 13,6% – всегда с матерью (из них 4,1% с ее новым мужем и 9,5% – с одной матерью).

Рост доли детей, живущих с отцами, происходит главным образом из-за роста числа случаев проживания в двух местах, вероятно, как следствие участвовавшего принятия судебных решений о попеременном воспитании детей [Toulemon, Pennec, 2010a]. Описание семейного окружения детей разведенных родителей и самих этих родителей все больше обязывает принимать в расчет все множество мест проживания детей и их родителей. Женщины реже живут в паре, чем мужчины; они реже декларируют жизнь в паре, если у них есть супруг или друг, подлежащий переписи в другом месте; когда же они являются единственными родителями в семье, их дети реже живут еще в каком-то месте, или они декларируют реже, чем мужчины, другое место жительства своих детей. В целом семейные ситуации, возникшие вследствие наличия нескольких мест жительства, больше касаются мужчин, чем женщин.

Принимать во внимание несколько мест жительства

При попытке статистического учета всех основных мест жительства взрослых и детей возникают три проблемы. Во-первых, мы не можем больше использовать иерархическую классификацию: жилое помещение – домохозяйство, живущее в нем – индивиды, составляющие домохозяйство; во-вторых, единицей измерения теперь является не **индивид** или семья, но часть **индивида**, в зависимости от времени, проведенного в каждом состоянии, или само состояние, по определению делающее неизбежным двойной счет; наконец, сам смысл домохозяйства и семьи становится расплывчатым, если мы принимаем во внимание наличие у одного индивида нескольких постоянных мест жительства.

В переписи включение семей в домохозяйство и индивидов – в семью позволяет конструировать различные комбинации: принадлежность к семье – эквивалентная, симметричная и транзитивная связь (если A и B принадлежат к одной семье, и то же самое верно для B и C , A и C также являются членами одной семьи). Если индивид может принадлежать одновременно к нескольким семьям или домохозяйствам, они больше не формируют такие связи, поскольку отношение принадлежности перестает быть транзитивным. Так, происходит, к примеру, в отношениях братьев и сестер, если в них включены отношения со сводными и единокровными/единоутробными братьями и сестрами: если A – брат или сестра B , а B – брат или сестра C , A и C не обязательно будут братьями и/или сестрами.

Одно из решений проблемы состоит в использовании весов индивидуальных наблюдений для того, чтобы учесть максимальную вероятность включения в выборку тех, кто имеет более одного места жительства (логика разделения весов). В итоге один человек, имеющий два места жительства, учитывается как два полчеловека, живущих каждый в своем жилище. Это позволяет избежать двойного счета, но не дает ясной картины отношений в семье.

Более точный метод состоит в конструировании специальных категорий, как мы это делали для детей. Семейное положение лиц, живущих в нескольких местах, и их близких становится трудным для определения: как охарактеризовать человека, который живет один? Нужно ли включать в эту группу лиц, живущих одиноко только часть времени, а другую часть – с другими людьми (неважно, в этом же жилище или в другом, в обычном или коллективном домохозяйстве)? По какой временной шкале измерять наличие нескольких мест жительства?

И последняя проблема: границы ячеек, объединяющих индивидов, становятся размытыми. Достаточно простые единицы измерения, такие, как число домохозяйств одиночек или число детей в семье, должны быть определены заново, чтобы уточнить, как будут учитываться – или не учитываться – в структурах семьи их «частичные» члены.

Эти вопросы не являются чисто теоретическими. К примеру, измерение бедности основывается на измерении уровня жизни, на соотношении между доходами, имеющимися в распоряжении домохозяйства, и числом единиц потребления в нем. Но какой вес дать лицам, которые проживают в домохозяйстве только часть времени? Как оценить долю вносимого ими вклада в доходы или в потребление домохозяйства? Статья Д. Мёлдерс и С. О'Дорчай¹⁴ показывает, как выбор метода оценки влияет на результаты. В зависимости от цели исследования, иногда мы применяем двойной счет (ребенку нужно спальное место в каждом жилище, и когда мы оцениваем размер семьи, мы учитываем и тех детей, которые присутствуют не всегда), иногда не применяем (индивид вкладывает свой доход в расходы домохозяйства во всех своих постоянных местах жительства, и, когда мы оцениваем ресурсы каждого из этих домохозяйств, то включаем в них не весь доход этого индивида, а только его часть). Наличие нескольких мест жительства у детей также определяет и семейное положение родителей, но по разному принципу для отцов и матерей: половина детей, живущих с отцом-одиночкой, часть времени живет также и со своей матерью, а наличие у отца новой семьи, а у ребенка – мачехи снижает вероятность того, что часть времени он будет жить с отцом. Наличие нескольких мест жительства делает возможным совместное проживание отцов и детей с сохранением, тем не менее, особых отношений между ребенком и его матерью.

Как показывают вышеприведенные примеры, взятые из обследований, проводимых *Insee*, статистическая система постепенно адаптируется к изменениям в семейных структурах. К примеру, пары, не состоящие в официальном браке, теперь

¹⁴ Moelders D., O'Dorchai S. Lorsque seul le ménage compte. Variations autour de la pauvreté des ménages et des individus en Europe. *Travail, genre et sociétés*, n°26, Novembre 2011, p. 85-104.

учитываются как пары и в переписи, и в обследованиях. Но, как мы сказали, изменения происходят не сразу: вопрос: «*Живете ли Вы в паре?*» внесен в вопросник обследования занятости в 1990 г., а в переписной лист – только в 2004.

Новые формы семьи (однопольные пары, несколько постоянных мест жительства у супругов) определяют новые вызовы для официальной статистики как во Франции, так и в других странах [Freguja, Valente, 2010], и использование подробной информации из включенной во многие обследования стандартной таблицы проживающих в жилом помещении, о которой говорилось выше, только начинается. Объединение данных нескольких обследований и работа с составными файлами позволяют более точно описать случаи, которые пока еще редко встречаются, но понимание которых необходимо для точного описания конкретных ситуаций, касающихся семьи и места жительства.

Следующая волна обследования *Семья и жилище*, проведенная в рамках переписи населения 2011 г. и содержащая вопросы, схожие с теми, что включены в стандартную таблицу проживающих в жилом помещении, позволит понять, как эти новые семейные конструкции отражаются в переписи, и предложить новые подходы к их анализу. С одной стороны, некоторые из них остаются по-прежнему невидимыми для переписи (семьи, возникшие в результате повторных браков) или плохо воспринимаемыми (однопольные пары, с детьми или без них); с другой стороны, стандартные структуры (семьи с одним родителем, одиночки) учтены недостаточно качественно.

Семейное положение и жилищная ситуация для женщин гораздо более разнообразны, чем для мужчин, которые чаще живут или в качестве супруга в паре или в качестве детей другой супружеской пары. Но обследование *Семья и жилище*, в ходе которого опрашивались как мужчины, так и женщины, позволяет выдвинуть следующую гипотезу: если мужчины, живущие в паре, чаще, чем женщины, имеют несколько мест жительства по профессиональным причинам [Bessière, Laferrère, 2004], то наличие нескольких постоянных мест жительства у взрослых и детей сильнее влияет на семейное положение мужчин по сравнению с женщинами, если ни те, ни другие не живут в супружеской паре.

Список литературы

- Algava É. 2005. Les familles monoparentales: des caractéristiques liées à leur histoire matrimoniale in Cécile Lefevre et Alexandra Filhon (dir.), *Histoires de familles, histoires familiales. Les résultats de l'enquête Famille de 1999*, Les Cahiers de l'Ined, n° 156, pp. 251-271.
- Attias-Donfut C., Segalen M. 1998. *Grands-parents. La famille à travers les générations*, Paris, Éditions Odile Jacob.
- Bessiere S., Laferrere A. 2004. Aux marges du logement: résidences multiples, résidence partielle, co-habitation et hébergement d'après l'enquête Logement de 1996-1997. Insee, *documents de travail*, F0204 <http://www.insee.fr/fr/publications-et-services/docs_doc_travail/f0204.pdf>
- Chaleix M., Haag O. 1999. Le plan d'exploitation du recensement de la population de 1999, *Courrier des statistiques*, n° 89.

- Chardon O., Vivas É. 2009. Les familles recomposées: entre familles traditionnelles et familles monoparentales, Insee, *Documents de travail*, F0904. <http://www.insee.fr/fr/publications-et-services/docs_doc_travail/docf0904.pdf>
- Chardon O., Daguet F. 2009. Enfants des couples, enfants des familles monoparentales. Des différences marquées pour les jeunes enfants, *Insee première*, n° 1216.
- Chardon O., Daguet F., Vivas É. 2009. Les familles monoparentales. Des difficultés à travailler et à se loger, *Insee première*, n° 1195.
- Cross-Barnet C., Cherlin A. J., Burton L. 2008. Cohabiting on the Edge: Living Together Apart, Working Paper 08-03, Johns Hopkins University.
- Daguet F. 2007. Enquêtes annuelles de recensement de 2004 à 2006. Seul un tiers des ménages compte plus de deux personnes, *Insee Première*, n° 1153.
- Daguet F., Niel X. 2010. Vivre en couple. La proportion de jeunes en couple se stabilise, *Insee Première*, n° 1281.
- Davie E. 2011. Un million de pacés début 2010, *Insee Première*, n° 1336.
- Duncan S., Phillips M. 2010. People who live apart together (LATs) – how different are they? *The Sociological Review*, vol. 58, n° 1, pp. 112-134.
- Freguja C., Valente P. (eds.) 2010. Measurement of different emerging forms of households and families. Report by the Task Force on Families and Households, UN-ECE – Eurostat, Conference of European Statisticians, 94 p.
- Herpin N., Toulemon L., Verger D. 2001. Rénovation du tronc commun des enquêtes de l’Insee auprès des ménages. Questions sur la composition du ménage et les comportements familiaux, *note interne de l’Insee*, 25 p.
- Marpsat M. 1999. Un avantage sous contrainte: le risque moindre pour les femmes de se trouver sans abri, *Population*, Vol. 54, n° 6, pp. 885-932.
- Marpsat M. 2008. L’enquête de l’Insee sur les sans-domicile : quelques éléments historiques, *Courrier des statistiques*, n° 123, pp. 53-64.
- Marpsat M. (dir.) 2009. Les situations marginales par rapport au logement: méthodes et sources statistiques publiques. Rapport du groupe SML. Insee, *Documents de travail*, F0903. http://www.insee.fr/fr/publications-et-services/docs_doc_travail/docF0903.pdf
- Mormiche P. 1999. Les personnes dépendantes en institution, *Insee première*, n° 669.
- Rault W., Mazuy M., Riviere A., Toulemon L. 2011. L’enquête Famille et logements associée au recensement de 2011, in Tremblay Marie-Ève, Lavalée Pierre et El Hah Tirari Mohammed, *Pratiques et méthodes de sondage. Actes du colloque Sondages 2010*, pp. 113-117.
- Regnier-Loilier A., Beaujouan É., Villeneuve-Gokalp C. 2009. Neither Single, nor a Couple: A Study of Living Apart Together in France // *Demographic Research*, vol. 21, n° 4, pp. 75-108. <<http://www.demographic-research.org/volumes/vol21/4/>>
- Toulemon L. 2005. Enfants et beaux-enfants des hommes et des femmes in Cécile Lefevre et Alexandra Filhon (dir.), *Histoires de familles, histoires familiales. Les résultats de l’enquête Famille de 1999*, Les Cahiers de l’Ined, n° 156, pp. 59-77.
- Toulemon L., Pennec S. 2009. Two-home adults and children: long-lasting or transitory family situation? The case of France. Communication à la séance Session 501, *Unions*,

families and households, XXVI IUSSP International Population Conference, Marrakech, 27 septembre - 2 octobre 2009, 39 p.

<http://iussp2009.princeton.edu/download.aspx?submissionId=93441>

Toulemon L., Pennec S. 2010a. Multi-residence in France and Australia: Why count them? What is at stake? Double counting and actual family situations, *Demographic Research*, Vol. 23, n° 1, pp. 1-40.

<http://www.demographic-research.org/volumes/vol23/1/>

Toulemon L., Pennec S. 2010b. Partly co-resident couples and Living apart together (LAT) couples in France. Communication à la séance Session 98, Living arrangements and coresidence, EAPS European Population Conference 2010, Vienne, Autriche, 1-4 septembre,

<http://epc2010.princeton.edu/abstractViewer.aspx?submissionId=100800>

UNECE - Eurostat, 2006, Commission économique pour l'Europe des Nations unies et Office statistique de l'Union européenne. *Recommandations de la conférence des statisticiens européens pour les recensements de la population et des logements de 2010*, New-York et Genève, Nations unies, 205 p.

<http://www.unece.org/stats/archive/01.01a.e.htm>

Villeneuve-Gokalp C. 2005. Conséquences des ruptures familiales sur le départ des enfants in Cécile LEFEVRE et Alexandra FILHON (dir.), *Histoires de familles, histoires familiales. Les résultats de l'enquête Famille de 1999*, Les Cahiers de l'Ined, n° 156, pp. 235-249.

Перевод А. Авдеева